

Ферри Пратчетт

МАЛЕНЬКИЙ СВОБОДНЫЙ НАРОДЕЦ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Annotation

Девятилетняя Тиффани Болен не любила сказки. Вернее, не доверяла им. Почему принца непременно называют прекрасным, а принцесса глупо себя ведёт и чуть что падает в обморок? Почему всё именно так, а не иначе? Тиффани казалось: сказки просто хотят, чтобы им верили, и морочат людям головы... Но однажды, чудесным летним днём, девочка встретила на берегу реки сказочное чудовище. Оно существовало на самом деле и совершенно точно собиралось кого-нибудь съесть. Вскоре выяснилось: это чудовище не единственное... Что ж, Тиффани как раз решила стать ведьмой, значит, разобраться с такими вещами – её забота. Ведь ведьма совсем не обязательно должна быть старой и злой!

*Книга – лауреат премии Locus Award в номинации Young Adult Novel.
Впервые на русском языке!*

- [Терри Прагчетт](#)
  -
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [От автора](#)
- [notes](#)
  - [Сноски](#)
    - [1](#)
    - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [Комментарии](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

Терри Пратчетт

Маленький свободный народец

Copyright© Terry and Lyn Pratchett, 2003

First published as «The Wee Free Men» by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd.

Inside artwork © Paul Kidby, 2015 – www.paulkidby.net

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Шандарах со звоном

Прежде чем что-то начнётся, начинается что-то ещё.

Летний ливень, похоже, не знал, что он летний, и рушился на землю с яростью зимней бури.

Констанция Тик сидела возле полуразрушенной изгороди, дававшей ей сомнительное укрытие от непогоды, и исследовала Вселенную. На дождь она не обращала внимания. Ведьмы сохнут быстро.

Исследование Вселенной производилось при помощи двух палочек, связанных между собой тонкой бечёвкой, камешка с дыркой посередине, яйца, чулка Констанции Тик (тоже дырявого), булавки, клочка бумаги и крошечного огрызка карандаша. В отличие от волшебников ведьмы умеют обходиться малым.

Констанция Тик соорудила из упомянутых предметов, затейливо связав и перепутав их, некое... приспособление. Когда она осторожно коснулась его, вещицы странным образом задвигались. Карандаш прошёл сквозь яйцо, не повредив его и не оставив следа.

– Да, – негромко сказала Констанция. Дождевая вода потоками хлестала с полей её шляпы. – Так и есть. Границы мира колеблются. Очень тревожный знак. Возможно, иной мир пытается проникнуть сюда. Такое добром не кончится. Я должна быть там. Но... мой левый локоть говорит, в тех краях уже есть ведьма.

– Ну, так значит, она со всем и разберётся, – раздался тоненький голосок. Он доносился откуда-то из-под ног ведьмы, а обладатель его до поры останется загадкой.

– Нет, – возразила Констанция. – В той стороне – Меловые холмы. Мел, известняк – он немногим лучше глины. А чтобы вырастить хорошую ведьму, нужна надёжная опора, хорошая, крепкая скала. – Она покачала головой, и с полей шляпы хлынули новые водопады. – Но мои локти ещё никогда не обманывали меня^[1].

– Что толку гадать? Давай отправимся туда и посмотрим, – предложил голос. – Всё равно ведь здесь у нас дела не очень-то ладятся.

Это была правда. На равнинах ведьмам приходилось несладко. Констанция Тик зарабатывала тут жалкие гроши, помогая местным жителям исцелиться от мелких недугов и предсказывая, что кому не суждено^[2]. Ночевать ей чаще всего приходилось в сараях. Дважды её бросали в омут.

– Но если там есть ведьма, я не имею права вмешиваться, это её земля, – сказала Констанция. – Впрочем... ведьмы ведь не возникают на пустом месте. Ну-ка, посмотрим...

Достав из кармана надколотое блюдце, она наклонила голову, чтобы наполнить его дождевой водой с полей шляпы. Затем извлекла из другого кармана бутылочку чернил и аккуратно добавила в блюдце ровно столько тёмной жидкости, сколько требовалось, чтобы вода почернела. Прикрыв блюдце сложенными чашечкой ладонями, чтобы не попадали капли дождя, ведьма прислушалась к тому, что говорили её глаза.

Тиффани Болен лежала на берегу реки и, свесившись к воде, щекотала форель. Ей нравилось, как смеются форели. Когда они хихикают, у них изо рта вылетают пузырьки.

Чуть в стороне, там, где начиналось что-то вроде небольшого галечного пляжа, её брат Винворт играл с липовым прутиком и наверняка сам быстро становился липким.

Винворт всегда делался липким, с чем бы он ни возился. Можно было вымыть его, оставить посреди идеально чистой комнаты и не сомневаться,

что через пять минут этот ребёнок будет липким снова. Не то чтобы он пачкался. Просто становился липким. Но присматривать за ним было совсем нетрудно, главное – не позволять ему есть лягушек.

Тиффани щекотала форель и думала о нескольких вещах сразу. Например, о собственном имени. Ей было девять лет, и в последнее время ей стало казаться, что с таким именем, как Тиффани, ей придётся нелегко в жизни^[1]. Кроме того, как раз на прошлой неделе она решила стать ведьмой, а что это за ведьма, которую зовут Тиффани? Куры засмеют.

В то же время другая, значительно большая часть Тиффани была поглощена размышлениями о том, что такое «шушуканье». О таких вещах люди нечасто задумываются. Тиффани щекотала форель под нижней губой, а сама всё крутила в голове это загадочное «шушуканье».

Шушукать... Шу-шу-шу... В бабушкином словаре говорилось: «Шушукаться – говорить очень тихо, шёпотом». Тиффани нравилось это «шу-шу-шу», нравился его привкус. Стоит покатасть его на языке, и представляются загадочные люди в чёрных балахонах, обсуждающие свои секреты за закрытыми дверями. «Шу-шу-шу, шу-шу-шу, шу-шу-шу...»

Словарь она прочла от корки до корки. Никто ведь не говорил, что нельзя.

Тут она заметила, что счастливая форель куда-то уплыла. Зато река принесла кое-что другое. И оно плыло по воде всего в нескольких дюймах^[3] от лица Тиффани.

Это была круглая корзинка размером не больше половинки кокоса, выстланная изнутри чем-то таким, что не пропускало воду. В корзинке стоял крошечный человечек, ростом дюймов шесть. Его ярко-рыжую всклокоченную шевелюру украшали несколько бусин, перьев и лоскутков. Борода, такая же рыжая, выглядела не лучше шевелюры. Человечек был весь покрыт синими татуировками, за исключением, может быть, того небольшого, что скрывалось под маленьким килтом. И этот человечек грозил Тиффани кулаком и вопил:

– Раскудрить! А ну брыкс, ты, глуха-тупа мал-малюха! Берегайся зелён-бошки!

С этими словами он потянул за верёвку, свешивавшуюся через край корзинки в воду, на поверхность вынырнул второй маленький человечек и стал жадно глотать воздух.

– Потом порыбаришь! – крикнул первый. – Зелён-бошка плюхс прям сюда!

– Раскудрить! – завопил ныряльщик. – Драпс-драпс!

Он схватил крохотное весло и принялся проворно грести им. Корзинка устремилась прочь.

– Простите! – окликнула Тиффани. – Вы – эльфы?

Ответа не последовало. Маленькая круглая лодка скрылась в камышах. «Наверное, это значит нет», – подумала Тиффани.

И вдруг, к её ужасу и восторгу, мир наполнило «шу-шу-шу». Ветра не было, но осины на берегу задрожали и зашелестели. И камыш тоже. Ветви и стебли не согнулись, зато сделались расплывчатыми, будто от мелкой и быстрой дрожи. Всё вокруг потеряло ясность очертаний, как если бы кто-то взял и принялся трясти мир. Воздух шипел, как газировка. Шёпот за закрытыми дверями...

Вода у самого берега запузырилась. Тут было совсем мелко, по колено Тиффани, но теперь река сделалась темнее, зеленее и каким-то образом гораздо глубже...

Тиффани попятилась, и едва она успела отступить на пару шагов от берега, как из воды взметнулись длинные тощие руки и хищные когтистые пальцы сомкнулись на том самом месте, где она стояла минуту назад. На мгновение показалось костлявое лицо с длинными острыми зубами и огромными круглыми глазами, мелькнули зелёные, похожие на тину волосы – и тварь снова скрылась под водой.

Вода ещё не сомкнулась над головой чудовища, а Тиффани уже выбежала на маленький пляж, где Винворт увлечённо лепил пирожки с лягушками. Она схватила брата, и в тот же миг у кромки берега показали первые пузырьки. Снова вода вспенилась, зеленоволосая тварь выскочила из неё, как пробка, и длинные руки вцепились в прибрежную грязь. Никого не поймав, чудовище пронзительно взвыло и рухнуло обратно в воду.

– Хо-тю пи-пи а-а! – заявил Винворт.

Тиффани не обратила на него внимания. Она смотрела на реку и размышляла.

«Мне совсем не страшно, – думала она. – Вот ведь странно. Я должна быть напугана, а я только сердита. Нет, страх есть, я чувствую его, словно раскалённый докрасна шар где-то глубоко внутри, но злость не даёт ему вырваться наружу».

– Винни пи-пи-а-а, пи-пи-а-а! – заголосил Винворт.

– Ладно, пошли, – рассеянно сказала Тиффани.

По воде всё ещё расходились круги, мелкие волны бились о берег.

Не было смысла пытаться рассказать кому-нибудь. Взрослые ответят лишь: «Ох уж эти детские фантазии!» – если пребывают в хорошем

настроении, или: «Что ещё за глупые выдумки?!» – если не в духе.

Злость Тиффани не проходила. Да как посмело это страшилище объявиться в реке? Тем более такое... такое... нелепое! Оно что, не знает, кто она такая?

Она – Тиффани, и она возвращается домой. Взгляните. Начнём с башмаков. Башмаки на ней большие и тяжёлые, чиненные-перечиненные отцом и ношенные-сношенные всякими разными сёстрами. Тиффани приходится поддевать в них несколько пар носков. Башмаки и правда большие. Порой у Тиффани возникает ощущение, будто она живёт на свете только для того, чтобы башмаки могли перемещаться с места на место.

Теперь платье. До Тиффани его носило множество сестёр, и её мать столько раз ушивала, расшивала и перешивала его, что совершенно зашилась и от платья мало что осталось. Но Тиффани оно даже нравится. Длинной оно до середины лодыжек. Его изначальный цвет давно забылся, к Тиффани оно попало бледно-голубым, – кстати говоря, точь-в-точь как бабочки, порхающие сейчас над травой вдоль тропинки.

Теперь лицо Тиффани. Розовое, с карими глазами и каштановыми волосами. Ровным счётом ничего особенного. Правда, кому-нибудь – например, тому, кто стал бы разглядывать Тиффани при помощи блюдца, наполненного тёмной водой, – могло показаться, что голова у девочки несколько великовата, учитывая её рост и прочее. Но, возможно, голова ей досталась на вырост.

А теперь дальше, ещё дальше, и вот уже тропинка – всего лишь узкая лента далеко внизу, а Тиффани с братом – две крошечные точки, ползущие по ней, и видно окрестные земли...

Эти края люди называют Меловыми холмами^[2]. Холмы мирно лежат, греют округлые зелёные спины в лучах летнего солнца. Стада овец, щиплющие невысокую травку, сверху кажутся белыми облаками, медленно плывущими над зелёным морем. Там и тут, словно кометы, проносятся овчарки.

А если отодвинуться ещё дальше, виден огромный, вытянутый курган. Он разлётся на поверхности мира, будто зелёный кит...

...а вокруг него темнеет окрашенная чернилами дождевая вода в щербатом блюдце.

Констанция Тик подняла глаза.

– Эти человечки в лодке были Нак-мак-Фигли!^[3] Самые опасные из всех волшебных существ! Даже тролли бегут без оглядки, если им

встретится маленький свободный народец! А один из них предупредил её!

– Так значит, она ведьма, верно? – заключил голос-невидимка.

– В таком-то возрасте? Быть этого не может! – отрезала Констанция. – Там нет никого, кто мог бы её обучить. На Меловых холмах ведьмы не живут. Мел слишком мягок. Но всё же... она не растерялась.

Она посмотрела на Меловые холмы, парящие вдалеке над низкими, выжатыми досуха облаками.

– За малышкой необходимо присмотреть, – сказала она. – И всё-таки мел слишком мягок, чтобы на нём могла вырасти ведьма...

Выше холмов были только горы. Острые, лиловые и серые, вздымались они к небесам, и длинные белые шлейфы снега стекали с их вершин даже летом. «Невесты неба», – сказала как-то о них бабушка Тиффани, которую все звали матушка Болен, и это было такое неслыханное дело, чтобы бабушка заговорила вдруг о чём-то, никак не касающемся овец, что её слова врезались девочке в память. Кроме того, точнее ведь и не скажешь. Именно так выглядят горы зимой, когда они все облачены в белое и снежные вихри реют над их плечами, словно фата.

Бабушка любила старинные слова и произносила их на причудливый старинный манер. Так, она никогда не говорила «Меловые холмы», она говорила: «Холмовье». «В Холмовье ветру приволье», – подумала как-то Тиффани, и так это слово ей и запомнилось.

Вот Тиффани с братом и на ферме. Обычно девочка была предоставлена сама себе. Не то чтобы родные избегали её или хотели обидеть, просто на ферме у всех полно дел, а Тиффани со своими обязанностями справлялась весьма хорошо, так что её никто не трогал, и она была вроде как невидимкой. Она работала в молочне, и у неё отлично получалось. Её масло было лучше, чем то, что делала её мать, и все замечали, как прекрасно Тиффани удаются сыры. У неё был дар. Порой, когда в деревню внизу приходили странствующие учителя, она спускалась вкусить немного учёной премудрости. Но большую часть времени она проводила в прохладе и сумраке молочни. И Тиффани это вполне устраивало – она делала свою долю работы на ферме.

Ферма так прямо и называлась: Родная ферма. Отец Тиффани арендовал её у барона, которому принадлежала вся земля в округе. Но Болены жили на этих холмах столетиями, и иногда (после кружки пива за ужином и когда никто чужой не слышал) отец говорил: земля-то знает, что она – земля Боленов. А мать Тиффани на это всегда отвечала,

что нельзя так говорить. Да, барон весьма уважительно отзывается о господине Болене и зовёт его лучшим пастухом холмов с тех пор, как два года назад умерла матушка Болен, и люди в деревне все считают, что барон последнее время очень даже ничего с ними обращается. Вот и надо проявлять уважение в ответ, говорила мать, и отец оставался один на один со своей тоской.

Но иногда он продолжал гнуть свою линию, что, дескать, Болены (а также Боллены, Балены, Больны и Болины – в те времена писали как вздумается) упоминаются в официальных записях, которые делались в этих краях и сто, и двести лет назад, и вообще их история уходит в глубь веков. У Боленов мел холмов – в костях, говорил отец, и все они были и есть пастухи.

Как ни странно, Тиффани было приятно это слышать. Хотя, наверное, она была бы не прочь гордиться и предками, которые хоть иногда переезжали с места на место или время от времени пробовали себя в каком-нибудь новом деле. Но человеку нужно ведь чем-то гордиться. И сколько она себя помнила, её отец, обычно медлительный и молчаливый, нет-нет да и вспоминал Шутку, веками передававшуюся от Болена к Болену.

Он говорил, к примеру: «Ещё один хлопотный день позади, а я как был Болен, так и есть». Или: «Встаю с постели – Болен, иду спать – опять же Болен». Или просто: «Я Болен до мозга костей». Конечно, после третьего раза в Шутке не было уже ничего особенно смешного, но всё же Тиффани начинало чего-то не хватать, если отец не вспоминал Шутку хотя бы раз в неделю. Это ведь была отцовская Шутка, и не важно, что совсем не смешная. Но каждый из её предков, как бы ни писалась его фамилия, был Болен любовью к своей земле, и ни один из них не был Болен тоской по странствиям.

В кухне никого не было. Мать, должно быть, пошла наверх, к загонам для стрижки овец, отнести скудный обед нанятым стригалиям. Сёстры Тиффани, Ханна и Фастидия, наверняка увязались за ней, чтобы скатывать шерсть и строить глазки парням. Они всегда становились очень работающими девушками, когда приходило время стричь овец.

Рядом с большой чёрной плитой висела полка. Мать Тиффани до сих пор величала её Библиотека матушки Болен, потому что ей нравилось думать, будто у них в доме есть библиотека. Все остальные говорили просто: «Матушкина полка».

Полка была маленькая, и книги на ней втискивались между старым кувшином с засахаренным имбирём и фарфоровой пастушкой, которую Тиффани в шесть лет выиграла на ярмарке.

Книг на полке стояло пять, не считая Книги Учёта (а Тиффани полагала, что Книга Учёта не считается за книгу, потому что её надо заполнять самому). Во-первых – словарь. Во-вторых – «Ещегодник», который каждый год меняли на новый. В-третьих – распухшие от закладок «Болезни овец», водружённые на полку собственноручно бабушкой.

Об овцах матушка Болен знала всё, хотя сама утверждала, что овцы – «просто мешки костей, глаз и зубов, которые только и думают, как бы им верней сдохнуть». Пастухи приходили за сотни миль, чтобы просить матушку отправиться к ним и вылечить занедужившую скотину. Говорили, что у неё Лёгкая Рука. А сама бабушка говорила, что лучшее средство от всех овечьих и человеческих хворей – это хорошая порция скипидара, крепкое словцо и пинок под зад. Книга была вся переложена клочками бумаги с личными рецептами бабушки. Как правило, в них говорилось про скипидар, но в некоторых попадались и крепкие словечки.

Рядом с книгой про овец стояла тоненькая книжица под названием «Цветы холмов»^{4}. Поля на склонах и правда изобиловали крохотными резными цветочками вроде примул и колокольчиков, которые как-то ухитрились выживать на пастбищах. Только очень живучие и хитроумные цветы могут расти на холмах, где летом бесчинствуют овцы, а зимой – пурга.

Кто-то когда-то давно раскрасил цветы в книжке. На форзаце было старательно выведено чернилами: «Сара Брюзгель». Так звали бабушку до замужества. Должно быть, она решила, что Болен звучит всё же лучше, чем Брюзгель.

И, наконец, на той же полке стояли «Валшепные сказки для хороших детишек», очень старые, ещё из тех стародавних времён, когда чуть ли не всё писалось через «а».

Тиффани встала на стул и сняла с полки «Сказки». Пролистав страницы, нашла ту, что искала, и некоторое время её разглядывала. Потом переставила стул, открыла буфет с посудой и достала суповую тарелку. Нашла в ящике портновскую ленту, которой мать снимала мерки для одежды. Измерила тарелку.

– Хм, – пробормотала она. – Восемь дюймов. Почему было прямо так и не написать?

Она сняла с крюка огромную чугунную сковороду, на которой можно было приготовить завтрак на шестерых разом, взяла из вазы на комодке несколько леденцов и сложила их в старый бумажный пакет. Потом, к досаде Винворта, взяла его за липкую лапку и потащила обратно к реке.

На берегу всё выглядело вполне мирно, но Тиффани знала, что это

лишь видимость. Все форели куда-то уплыли, и птицы не пели.

Она нашла подходящий куст, подобрала палку и воткнула её в землю поближе к воде. Привязала к верхушке палки пакетик с леденцами.

– Винни, нямки! – крикнула Тиффани, перехватила сковородку поудобнее и быстро спряталась за куст.

Винворт рысью подбежал к палке и вцепился в пакет, но тот был привязан крепко.

– Хо-тю пи-пи, а-а! – закричал мальчик: эта проверенная угроза выручала его почти всегда.

Пухлые пальчики безнадёжно ковыряли узел.

Тиффани не сводила глаз с реки. Кажется или вода у берега действительно темнеет? Зеленеет? Это просто водоросли там кольшутся? И пузырьки у берега появились – это форель хихикает?

Нет.

Тиффани выскочила из-за куста со сковородой наперевес. Тварь в стремительном прыжке столкнулась с чугунным дном посуды, шандарахнувшись об него головой, и раздался звон. Это был отличный, качественный звон, после которого ещё долго затихают воющие отзвуки: «Оёйёйёйёйёйёйё... ннннг».

Тварь замерла на мгновение в воздухе, выбитые зубы и пряди зелёных волос тихо попадали в воду. Потом чудовище плюхнулось в реку и медленно ушло на дно, выпустив напоследок несколько крупных пузырей.

Вода очистилась, и река вновь стала такой, как прежде: мелкой, ледяной, с галечным дном.

– Хо-тю, хо-тю нямку! – завопил Винворт.

Когда поблизости были сладости, он не замечал ничего вокруг.

Тиффани развязала пакет и дала ему. Винворт, как всегда, накинулся на конфеты слишком поспешно. Она дождалась, пока его стошнит, взяла за руку и повела обратно домой, думая о своём.

В камышах почти у самой воды раздался шёпот:

– Раскудрить! Видал, Мал Бобби?

– Ах-ха. А ща – драпс-передрапс. Мы нашли каргу, надуть Большому Человеку сказать!

Констанция Тик бежала со всех ног по дороге в гору. Вообще-то ведьмы не любят бегать. Ещё, чего доброго, увидит кто, и прощай репутация. По той же причине они стараются не носить ничего тяжёлого там, где могут попасться кому-нибудь на глаза. А сейчас за спиной

у Констанции Тик была свёрнутая палатка.

И ещё за спиной у неё клубился пар. Ведьмы просыхают до самых костей.

– А зубов-то, зубов-то сколько! – заметил голос-невидимка, на сей раз притаившийся в шляпе Констанции.

– Да, я видела, – отрезала ведьма.

– А она просто подкараулила эту тварь и ка-ак даст!

– Да.

– Вот прямо ка-ак даст!

– Да, очень впечатляюще, – согласилась Констанция.

Она стала задыхаться. Кроме того, здесь начинались холмы, а она не очень-то хорошо чувствовала себя на известняке. Странствующие ведьмы предпочитают иметь под ногами твёрдую землю, а не скалу, которую можно резать ножом.

– Впечатляюще? – переспросил голос. – Она использовала своего братца как приманку!

– В самом деле, удивительная живость ума... О нет! – Констанция Тик резко остановилась и прислонилась к ограде пастбища – у неё вдруг закружилась голова.

– Что такое? Что такое? – всполошился голос. – Ты меня чуть не уронила!

– Это всё мел, будь он проклят! Моя магия работает на твёрдых почвах, на скалах всё вообще проще простого, и даже на глине я чувствую себя довольно уверенно, но мел – он ни то, ни другое, ни третье. У меня сильная геологическая зависимость, понимаешь?

– О чём ты? – спросил голос.

– Мел... это голодная земля. Когда под ногами мел, я практически бессильна.

Обладатель голоса, по-прежнему невидимый, уточнил:

– Что, в обморок упадёшь?

– Нет-нет! Просто не смогу колдовать...

Констанция Тик вовсе не походила на ведьму – как и большинство ведьм, по крайней мере странствующих. Когда приходится ходить среди малообразованных людей, опасно выглядеть как ведьма. Вот почему она не носила украшений с оккультными символами, не имела при себе сверкающего волшебного ножа, серебряного кубка с узором из черепов или помела, разбрасывающего искры, – ведь все эти мелочи могли бы подсказать догадливому человеку, что где-то поблизости, возможно, бродит ведьма. В карманах Констанции Тик никогда не лежало ничего более

магического, чем пара палочек, иногда – обрывок тонкой бечёвки, монетки-другой и, конечно, счастливого талисмана.

Счастливые талисманы имелись решительно у всех людей в округе, и Констанция Тик обнаружила, что, если при тебе его нет, в тебе могут заподозрить ведьму. Ведьмовство требует известной изворотливости ума.

А вот остроконечная шляпа у неё была, но это была шляпа-трансформер, и она становилась остроконечной, только когда ведьме это требовалось.

Единственной подозрительной вещью в её котомке была маленькая книжица «Введение в науку об освобождении от цепей и оков» Вильямсона Неподражаемого. Когда твоя работа связана с риском быть брошенной в омут, то умение незаметно проплыть в одежде несколько ярдов^[4] под водой и затаиться в камышах, дыша через полую тростинку, тебе несколько не поможет, если ты не умеешь виртуозно обращаться с узлами.

– Не можешь колдовать? – переспросил голос.

– Не могу.

Констанция Тик подняла голову, услышав звон бубенчиков. По белой дороге к ним приближалась странная процессия. Состояла она по большей части из осликов, тащивших тележки с яркими надписями по бортам. Люди шли рядом с нагруженными тележками. В основном мужчины, хотя попадались и женщины. Все они были в ярких балахонах – ну, или в балахонах, которые сверкали яркими красками до того, как их припорошило пылью бесчисленных дорог. И на голове у каждого красовалась странная квадратная шляпа.

Ведьма улыбнулась.

Они выглядели как бродячие жестянщики, но она знала: ни один из них не сможет запаять кастрюлю. Они зарабатывают на жизнь, продавая невидимый товар. И после продажи этот товар по-прежнему остаётся при них. Они торгуют тем, что всегда нужно людям, но зачастую люди этого не хотят. Эти странники предлагают купить ключи от Вселенной тем, кто никогда не слышал о существовании у Вселенной замка.

– Не можешь сделать сам, – сказала Констанция Тик, воспрянув духом, – научи другого.

Остаток утра Тиффани провела в молочне, у неё хватало там забот с сырами.

На второй завтрак был хлеб с вареньем.

– Сегодня в город придут учителя, – сказала мать. – Если с делами закончила, можешь сходить поучиться.

Тиффани кивнула, пробормотав, что и правда не прочь получить парутройку новых знаний.

– Тогда можешь взять полдюжины морковок и яйцо, – сказала мама. – Яйцу-то они точно обрадуются, бедолаги.

Так что после завтрака Тиффани взяла еду и отправилась в деревню, чтобы ей отмерили премудрости ценой в одно яйцо.

Большинство деревенских мальчиков училось ремеслу своих отцов непосредственно у отцов или, в крайнем случае, у чужих отцов на другом конце деревни. Девочки должны были выучиться только тому, что потребуется им в замужестве. Кроме того, им полагалось уметь читать и писать – это считалось лёгкой непыльной работой, однако слишком кропотливой, чтобы нагружать ею юношей.

И тем не менее деревенские родители признавали, что существуют ещё кое-какие премудрости, которыми должно овладеть подрастающее поколение – хотя бы для того, чтобы не тратить время на дурацкие вопросы вроде: «Что там, по ту сторону гор?» или «Откуда берётся дождь?».

Каждая семья выписывала «Ещегодник», так что некоторые познания дети черпали оттуда. Это была большая, толстая книжица, отпечатанная где-то за тридевять земель. Из неё можно было узнать много интересного, например про фазы луны или когда пора сеять бобы. Ещё там были несколько предсказаний на будущий год, а на страницах упоминались далёкие страны с причудливыми названиями вроде Клатча или Гершебы. На картинке, изображающей Клатч, был нарисован верблюд в пустыне. Это мать объяснила про верблюда и пустыню, сама Тиффани понятия не имела ни про то, ни про другое. Вот и весь Клатч, как выяснилось: верблюд и пустыня. Тиффани пыталась разузнать, нет ли там чего-нибудь ещё, но все, кого она спрашивала, знали только одно: «Клатч = верблюд + пустыня».

И так всегда. Дети будут задавать и задавать вопросы, если не придумать, как заставить их перестать.

Вот тут и наступал черёд учителей. Их бродячие таборы приходили из-за гор, как приходили порой в деревню лудильщики, кузнецы с переносными кузницами, целители, торговцы одеждой и прочий кочевой люд, продающий товары, которые требуются не каждый день, но порой кажутся нелишними.

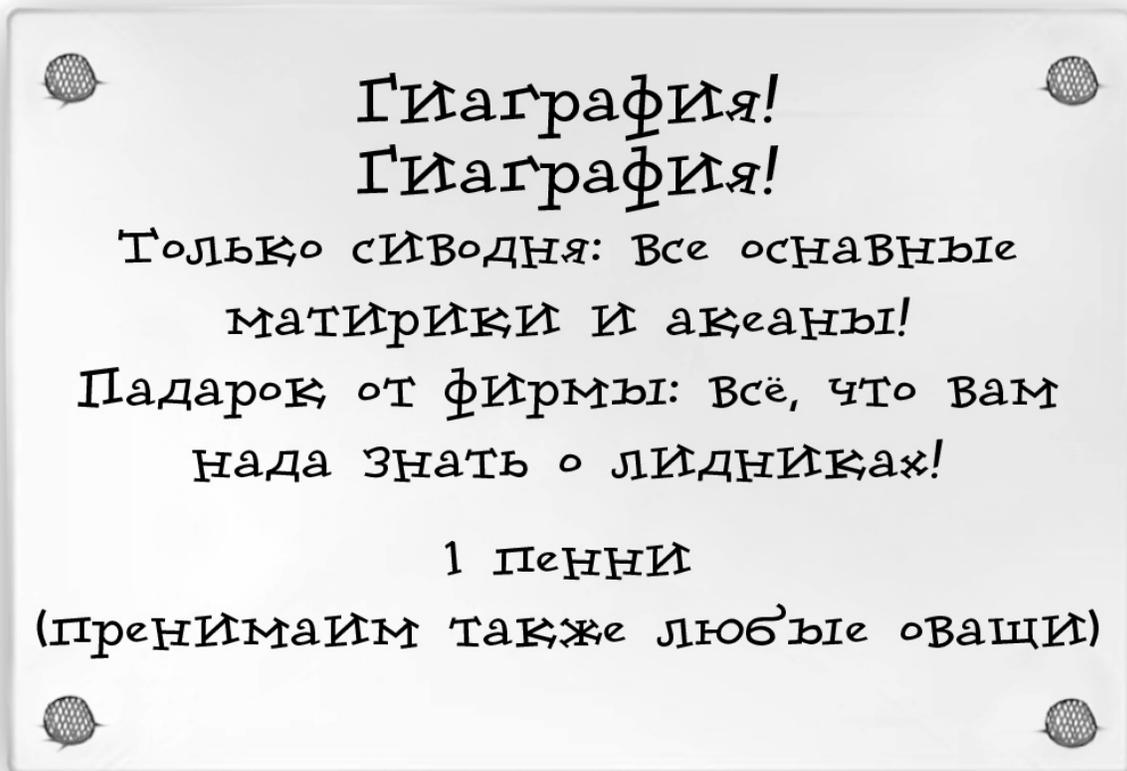
Странствующие учителя ходили от деревни к деревне, предлагая короткие уроки по самым разным предметам. Они держались особняком, избегая прочих бродячих торговцев, и напускали на себя загадочность, чему способствовали их залатанные балахоны и квадратные шляпы.

Учителя изъяснялись длинными словами вроде «гофрированное». Они перебивались тем, что давали им в качестве платы за уроки немногие желающие слушать. Когда слушать не хотел никто, они перебивались печёными ёжиками. Они спали под звёздами, благо учителя математики не могли их сосчитать, учителя астрономии – классифицировать, а учителя литературы – назвать по именам. Учителя географии сбивались с дороги в лесу и проваливались в медвежьи ямы.

Местные жители обычно встречали учителей с распостёртыми объятиями. Учёба на какое-то время заставляла их чад замолкнуть, чего ж ещё надо? Но на ночь учительский табор всегда выставляли из деревни прочь, опасаясь за сохранность цыплят в курятниках.

На этот раз лагерь, состоящий из пёстрых будочек и палаток, был разбит за околлицей. За лагерьем располагались небольшие квадратные площадки, огороженные высокими парусиновыми стенами. Ограды патрулировали учителя-стажёры, зорко следившие за тем, чтобы никто не подслушал учёной премудрости бесплатно.

Табличка возле первой площадки, к которой подошла Тиффани, гласила:

Тиффани пошла дальше, не дочитав до конца. Возможно, этот учитель и разбирался в материках, но ему не помешала бы помощь его соседа по лагерю:

Чудеса орфографии и пунктуации!

- 1) Развеем все сомнения настёт запятых!
- 2) Поможем раз и навсегда разобраться с **А** и **О** в безударных слогах!
- 3) Откроем тайну точки с запятой!
- 4) Ах, этот загадочный апостроф!
(То, чего вы не знали, но боялись спросить.)
- 5) Игры со скобками
:-) Принимаем к оплате овощи, яйца
и тистую ношеную одежду :-)

Парусиновая ограда следующей площадки была украшена историческими сценами – преобладали короли, отсекающие друг другу головы, и прочие важные события в том же роде. Учитель возле площадки щеголял в издавшем виды красном балахоне с кроличьей оторочкой и старой шляпе с множеством заткнутых за высокую тулью флажков. В руках у него был небольшой рупор, который учитель направил прямо на Тиффани.

– Вековая история гибели королей? – предложил он. – Очень поучительно, кровь так и хлещет.

– Не думаю, – ответила Тиффани.

– Каждый должен знать историю своего рода, девочка, – сказал учитель. – Иначе как понять, что ждёт тебя впереди?

– В моём роду каждый был Болен. А впереди меня ждёт, наверное,

другой учитель.

Она нашла то, что искала, возле площадки, снаружи увешанной изображениями животных, среди которых Тиффани с радостью обнаружила верблюда. Табличка гласила:

Тиффани сомневалась, что зелёная тварь из реки могла бы кому-нибудь пригодиться, но, похоже, больше спросить было негде. Несколько жаждущих знаний уже сидели на скамейках, но учитель всё ещё топтался у входа в надежде найти желающих на свободные места.

– Здравствуй, деточка, – сказал он, и это была лишь первая из его роковых ошибок. – Я вижу, тебе не терпится узнать всё о ёжиках, верно?

– Я уже узнала о них всё прошлым летом, – ответила Тиффани.

Учитель пригляделся к ней и перестал ухмыляться.

– О... Я помню. Ты – та девочка, которая задавала всякие... вопросы.

– Сегодня у меня тоже есть вопрос, – сказала Тиффани.

– Ну, только если не о том, как получают ежата...

– Нет, – терпеливо сохраняя спокойствие, сказала она. – У меня вопрос по зоологии.

– По зоологии? Ну надо же, какие длинные слова ты уже знаешь...

– Не такое уж оно на самом деле и длинное. Вот «снисходительность» – длинное слово. «Зоология» гораздо короче.

Учитель прищурился ещё больше. Он знал по опыту, что с такими детьми лучше не связываться.

– Я вижу, ты очень умная девочка, – сказал он. – Но увы, насколько мне известно, среди нас нет ни одного учителя зоологии. Есть, правда, знаток ветеринарии, но не зоологии. Тебя интересует какое-то конкретное животное?

– Да. Дженни Зелёные Зубы¹⁵¹. Чудище, которое живёт под водой. Большие зубы и когти, а глаза размером с суповую тарелку, – объяснила Тиффани.

– С какую суповую тарелку? Большую, куда можно налить полноценную порцию и крошить сухариков и, может быть, даже булочку? Или такую маленькую тарелочку, которую тебе дадут в харчевне, если ты закажешь только суп и салат?

– С суповую миску шириной в восемь дюймов. – Тиффани никогда в жизни не приходилось заказывать ни суп, ни салат. – Я проверила.

– Гм, сложный вопрос. Не думаю, что мне известно такое животное. И оно уж точно не может никому пригодиться. По-моему, оно вообще сказочное.

– Да, я тоже так подумала. И всё равно я хочу узнать о нём побольше.

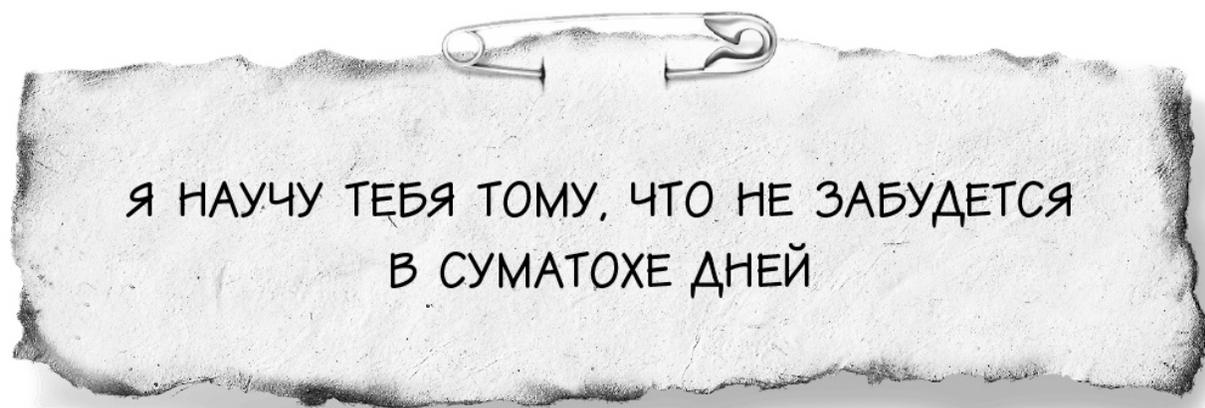
– Знаешь что? Попробуй спросить вон ту учительницу. Она у нас новенькая. – Учитель ткнул пальцем себе за спину, указывая на маленькую палатку в дальнем конце ряда.

Палатка была чёрная и потрёпанная. И возле неё не было решительно ни одной таблички или зазывной вывески.

– А чему она учит? – спросила Тиффани.

– Понятия не имею. Сама-то она говорит, что учит думать, но я не могу представить, как этому можно научить. С тебя одна морковка, спасибо.

Подойдя ближе, Тиффани разглядела клочок бумаги, приколотый булавкой к стене палатки. Маленькие буквы не кричали, а, напротив, шептали:

Я НАУЧУ ТЕБЯ ТОМУ, ЧТО НЕ ЗАБУДЕТСЯ
В СУМАТОХЕ ДНЕЙ

Глава 2

Мисс Тик

Тиффани прочла записку и улыбнулась.

– Ага! – сказала она. И, поскольку стучать было не по чему, добавила чуть громче: – Тук-тук!

– Кто там? – раздался женский голос.

– Тиффани, – сказала Тиффани.

– Какая такая Тиффани? – уточнил голос.

– Тиффани, которая и не думала шутить.

– О. Звучит обнадеживающе. Входи.

Она откинула полог. Внутри было темно, а ещё тесно и жарко. За маленьким столиком сидела щуплая фигурка. Нос женщины выглядел очень острым и длинным. Она носила большую чёрную соломенную шляпу, украшенную цветами. Трудно было представить шляпу, более не соответствующую такому лицу.

– Ты ведьма? – спросила Тиффани. – Если да, то это ничего.

– Разве можно с порога задавать такие вопросы? – ахнула женщина,

заметно оторопел. – Ваш барон, знаешь ли, объявил ведьм вне закона на своей земле, а ты только вошла и сразу: «Ты ведьма?» С чего ты это взяла?

– Ну, ты вся одета в чёрное... – сказала Тиффани.

– Кто угодно может носить чёрное, – перебила учительница. – Это ровным счётом ничего не значит.

– И на тебе соломенная шляпка с цветочками, – продолжала Тиффани.

– Вот! – сказала учительница. – В том-то и дело. Ведьмы-то носят остроконечные шляпы. Это всем известно, глупышка.

– Да, но, кроме того, ведьмы очень умны, – хладнокровно возразила Тиффани. Какой-то особенный блеск в глазах учительницы заставлял её гнуть свою линию. – Они рыщут вокруг, оставаясь незамеченными. Возможно, они часто одеваются совсем не как ведьмы. А ведьма, которая пришла бы сюда, уж точно знала бы про барона. И если всем известно, как выглядят ведьмы, то она постаралась бы выглядеть не так.

Женщина некоторое время молча сверлила её взглядом.

– Невероятно смелый полёт мысли, – сказала она наконец. – Из тебя получился бы неплохой дознаватель по ведьмам. Знаешь, что они жгут ведьм? Любая шляпа на моей голове доказывает, что я ведьма, так?

– Вообще-то лягушка на шляпе тоже немного вас выдаёт, – сказала Тиффани.

– Я – жаба, – поправила рептилия, притаившаяся среди бумажных цветов на полях шляпы. – Точнее, жаб.

– Для жабы ты малость желтоват.

– Я просто приболел.

– И ты разговариваешь, – сказала Тиффани.

– Тебе никто не поверит. – Жаб спрятался в цветах. – Твоё слово против моего молчания.

– У тебя, случайно, нет при себе спичек? – спросила женщина у Тиффани.

– Нет.

– Хорошо. Это я так, на всякий случай.

И снова повисла тишина. Учительница пристально разглядывала Тиффани, словно собираясь с духом перед продолжением разговора.

– Меня зовут, – сказала она, – мисс Тик. И я ведьма. А это иностранное обращение я предпочитаю потому, что в сочетании с моим именем оно звучит весьма подходяще для ведьмы.

– В смысле, как такое нервное подёргивание? – спросила Тиффани, наморщив лоб.

– Что-что? – холодно переспросила мисс Тик.

– Ну, тик – это когда овца, например, моргает и моргает или там шкурой дёргает. Но хорошая порция скипидара...

– Я имела в виду, что всё вместе звучит как «мистик». А мистик – тот, кто имеет дело с мистикой, со всякими загадочными и волшебными вещами.

– А, это такой колом-бур, игра словами, да?^[5] – сказала Тиффани. – Я вспомнила, тик – это ведь ещё такое дерево, в дальних странах растёт, то есть ты могла бы быть и мисс Дуб. А с другой стороны, тебе повезло, что фамилия не на «к», потому что тогда все звали бы тебя мисс Ка, то есть...

– Я смотрю, разговор развивается быстро, прямо как пожар. Того и гляди будут жертвы.

– А ты правда ведьма?

– Вот зануда... Да ведьма я, ведьма. Все признаки налицо: говорящее животное, привычка поправлять людей, когда они произносят слова неправильно (кстати, не колом-бур, а каламбур), пристрастие совать нос в чужие дела, и да, остроконечная шляпа тоже имеется.

– Можно, я дёрну за верёвочку? – спросил жаб.

– Да, – ответила мисс Тик, не сводя глаз с Тиффани. – Дёргай.

– Люблю дёргать за верёвочку, – заявил жаб, осторожно пробираясь по полям шляпы ближе к затылку её обладательницы.

Раздался щелчок, и с медленным «хлллоппп-хлллоппп» тулья шляпы рывками стала расти и суживаться, бумажные цветы полетели на пол.

– Э... – сказала Тиффани.

– Хочешь что-то спросить?

Раздался последний «хлллоппп», и тулья окончательно превратилась в конус.

– Откуда вы знаете, что я не побегу рассказать о вас барону? – спросила Тиффани.

– Потому что у тебя нет ни малейшего желания бежать и рассказывать, – ответила мисс Тик. – Ты развесила уши. Ты же и сама хочешь стать ведьмой, верно? И, быть может, летать на помеле?

– Ой, да! – воскликнула Тиффани.

Она часто грезила о полётах.

Слова мисс Тик вернули её на землю.

– Правда? А тебе понравится носить очень-очень, просто жутко тёплые панталоны? Лично я, когда приходится летать, надеваю две пары шерстяных, а сверху ещё тканые. Выглядит, доложу тебе, не слишком

женственно, сколько кружев ни нашей. Там, наверху, по-настоящему холодно. Люди почему-то всегда об этом забывают. А ещё волоски... Не спрашивай меня о волосках. Ни слова о волосках не скажу.

– А почему ты не можешь заколдовать себя так, чтобы не мёрзнуть? – спросила Тиффани.

– Могу. Но ведьме такого делать не пристало. Стоит разок использовать волшебство, чтобы согреться, как начнёшь использовать его и для другого.

– Но разве ведьмы не этим занимаются? Разве не... – начала Тиффани.

– Когда ты научишься магии, я имею в виду, по-настоящему научишься, когда будешь знать всё, что только можно узнать о магии, тебе останется выучить ещё один урок, самый важный, – сказала мисс Тик.

– Какой?

– Никогда ею не пользуйся. Ведьма колдует, только когда это действительно необходимо. Работать с магией тяжело, и непросто удержать её в узде. Мы действуем иначе. Ведьма замечает всё, что происходит вокруг. Ведьма думает головой. Ведьма верит в себя. Ведьма всегда носит с собой верёвочку...

– У меня тоже всегда с собой верёвочка! – воскликнула Тиффани. – Вдруг пригодится...

– Хорошо. Хотя для ведьмовских дел одной верёвочки мало. Ведьма с удовольствием замечает тонкости и мелкие детали. Ведьма видит насквозь и вокруг. Ведьма зрит в корень и глубже. Ведьма умеет взглянуть с другой стороны. Ведьма знает, где она и когда она. Ведьма способна увидеть Дженни Зелёные Зубы.

– Откуда ты знаешь, что я её видела?

– Я же ведьма. Вот и подумай, – сказала мисс Тик.

Тиффани оглядела палатку. Смотреть было особенно не на что, даже теперь, когда глаза привыкли к темноте. Звуки снаружи просачивались сквозь плотную ткань.

– Думаю...

– Да? – откликнулась ведьма.

– Думаю, ты слышала, как я говорила с учителем.

– Верно. Я всего лишь слушала ушами, – кивнула мисс Тик, ни словом не упомянув о блюдце с чернилами. – Расскажи-ка мне об этом чудище с глазами как суповые тарелки. Кстати, откуда вообще в этой истории взялись тарелки?

– Я читала о таком чудище в книжке, – стала объяснять Тиффани. – Там написано, что у Дженни Зелёные Зубы глаза как тарелки для супа.

И есть картинка, но не очень хорошая. Поэтому я измерила тарелку, чтобы знать точно.

Мисс Тик сплела пальцы, положила на них подбородок и улыбнулась Тиффани. Улыбка была странная.

– Я ведь правильно сделала, да? – спросила Тиффани.

– Что?.. Ах да. Да. Очень... точно. Продолжай.

Тиффани поведала ей о битве с Дженни, умолчав только о том, какую роль сыграл Винни, – побоялась, что мисс Тик будет смеяться. Ведьма внимательно слушала.

– Почему именно сковородкой? – спросила она наконец. – Ты могла бы найти палку или кол.

– Мне просто показалось, что сковородкой будет лучше, – ответила Тиффани.

– Ха! Ещё как лучше. Дженни сожрала бы тебя с потрохами, вздумай ты пойти на неё с колом. Сковородка железная. Такие твари, как Дженни Зелёные Зубы и её родичи, не выносят железа.

– Но это же чудище из книжки со сказками! – воскликнула Тиффани. – Что оно делало в нашей речке?

Мисс Тик снова помолчала, разглядывая её, прежде чем заговорить.

– Почему ты хочешь стать ведьмой, Тиффани?

Всё началось с «Валшебных сказок для хороших детишек». На самом деле всё началось много с чего, но прежде всего – с книги.

Пока Тиффани была маленькой, ей читала мама, потом девочка стала читать сама. В каждой сказке обязательно была ведьма. Старая злая ведьма.

И Тиффани задумалась: где доказательства?

Нигде не говорилось, почему ведьма злая. Если ты старая, живёшь одна и выглядишь странно, потому что зубов не осталось, – всё, тебя уже будут называть ведьмой.

Если на то пошло, в книге вообще не было доказательств. Вот, скажем, прекрасный принц. Правда ли он был прекрасен или люди говорили так просто потому, что он был принц? Или взять хоть «девушку, которая была столь же красива, сколь долог день». Какой день? В разгар зимы дни заканчиваются, едва рассветёт! Сказки не любят, чтобы над ними думали, они хотят, чтобы им слепо верили, каждому слову.

И они рассказывают, что старая ведьма жила одна-одинёшенька в домике из пряников или в избушке на огромных куриных лапах, перемещавшейся с места на место. И что ведьма умела колдовать.

Тиффани знала только одну старуху, которая жила одна-одинёшенька в странном домике.

Нет, не совсем так. Но Тиффани знала только одну старуху, которая жила в странном домике, перемещавшемся с места на место: матушку Болен. И она умела колдовать, она творила с овцами настоящие чудеса, но в ней не было и капли злобы. А значит, сказки врут и верить им нельзя.

Но была и другая старуха, которую все называли ведьмой. И то, что с ней случилось, заставило Тиффани... крепко задуматься.

Как бы там ни было, ей больше нравились ведьмы, чем разодетые в пух и прах прекрасные принцы и уж подавно чем глупо улыбающиеся принцессы, у которых здравого смысла меньше, чем у букашки. К тому же у них были прекрасные золотые волосы, а Тиффани такими похвастаться не могла. Её волосы были коричневыми, скучного коричневого цвета. Мать звала их каштановыми или тёмно-русыми, но Тиффани знала: они коричневые, коричневые, коричневые, и точка, как и её глаза. Цвета голый земли. И что же, были в книге приключения для людей с коричневыми (ну хорошо – карими) глазами и коричневыми (ладно, каштановыми) волосами? Нет, нет и нет. Все истории доставались белокурым и голубоглазым или рыжим и зелёноглазым. А если у тебя волосы каштановые, тебе светит разве что роль прислуги или лесоруба. Или девушки из молочни. И всё бы закончилось не начавшись, если бы Тиффани так хорошо не удавались сыры. Она не могла быть принцем, ей не светило стать принцессой, лесорубом она быть не хотела – что ж, тогда она станет ведьмой и будет знать всё обо всём, как матушка Болен...

– Кто такая была матушка Болен?

Кто такая была матушка Болен? Люди теперь часто стали задавать этот вопрос. И ответ был только один: кем бы она ни была, она была рядом. Она всегда была где-то рядом. И казалось, жизнь всех Боленов вращается вокруг матушки Болен. Какие бы решения ни принимали люди в деревне, что бы ни собирались делать – они ни на минуту не забывали о том, что где-то над ними, на склонах холмов, сидит в своей пастушьей кибитке матушка Болен и всё видит.

Матушка была само безмолвие холмов. Возможно, поэтому она любила Тиффани, пусть неловко и неумело, как могла. Старшие сёстры девочки болтали без умолку. Тиффани никогда не шумела в кибитке наверху. Она обожала там бывать. Любовалась на канюков в небе и слушала тишину.

Там, наверху, тишина звучала. Звуки, голоса, блеяние и топоток овец –

всё это, всплывая из низин, лишь придавало тишине глубину и наполненность. И матушка Болен заворачивалась в это безмолвие, как в плед, оставив внутри местечко для Тиффани. На ферме вечно царит суета. Много людей, и у всех много дел. Нет времени на тишину, нет времени, чтобы прислушаться. А матушка Болен всегда хранила молчание и всегда слушала...

– Что? – Тиффани заморгала.

– Ты сказала: «Матушка Болен всегда меня слушала», – пояснила мисс Тик.

Тиффани сглотнула ком в горле.

– Мне кажется, моя бабушка была немного ведьмой, – призналась она с ноткой гордости в голосе.

– Правда? Почему ты так думаешь?

– Ну, ведьмы могут сглазить, верно? – спросила Тиффани.

– Так говорят.

– Мой отец говорит, небо синее оттого, что матушка Болен на него глазеет.

Мисс Тик закашлялась.

– Ну, глазеть и сглазить – это, видишь ли, не совсем одно и то же... Глазеть – это просто смотреть, или, скажем, таращиться, а сглазить – это пожелать, чтобы у человека нос лопнул или уши отвалились.

– Мне кажется, матушка Болен не просто смотрела, – убеждённо сказала Тиффани. – А ещё она разговаривала со своими собаками.

– И что же она им говорила?

– Ну, всякое, например: «Ко мне!» или «Вперёд!». И они всегда слушались, что бы она ни велела.

– Но это же просто команды, которым учат всех овчарок, – сказала мисс Тик небрежно. – Тут нет никакого ведьмовства.

– Всё равно, – упёрлась Тиффани, начиная заводиться. – Она сделала овчарок своими фамильярами, так? У всех ведьм есть животное или животные, с которыми они разговаривают. Эти животные называются «фамильяры». Вот у тебя фамильяр – жаба, а у неё были овчарки.

– Нет во мне ничего фамильярного, – возмутился жаб. – Разве что капелька нахальства.

– А ещё она знала всё о травах, – стояла на своём Тиффани. Она была твёрдо намерена сделать матушку Болен ведьмой, даже если придётся спорить весь день. – Вылечить могла любую хворь. Отец говорил, у неё и пирог с бараниной встанет и заблеет. – Тиффани понизила голос: –

Она даже мёртвого ягнёнка могла оживить.

Весной и летом матушку Болен почти невозможно было застать в четырёх стенах. Большую часть года она проводила в кибитке, кочуя вместе со стадами по склонам холмов. Когда Тиффани впервые увидела бабушку в доме на ферме, матушка Болен клала в большую чёрную печь мёртвого ягнёнка.

Тиффани закричала и не могла перестать. И тогда матушка Болен ласково подняла её на ноги, и усадила к себе на колени, и стала утешать, приговаривая: «Тише, тише, малышка-джиггат», а бабушкины овчарки, Гром и Молния, сидели на полу, глядя на хозяйку с изумлением. Она не очень-то ловко управлялась с детьми, они ведь ни «бе-е», ни «ме-е».

Когда Тиффани замолчала, потому что у неё кончился воздух, бабушка посадила её на коврик на полу и открыла печь. И девочка увидела, как ягнёнок в печке ожил.

Став постарше, Тиффани узнала, что «джиггат» на древнем счётном языке пастухов означает «двадцать» или «двадцатый». Старики до сих пор использовали этот счёт, «йан, тан, тетра»^[6] для того, что считали особенным. Тиффани была двадцатой внучкой матушки Болен.

Став постарше, она узнала и то, что, когда протопленная печь остывает, внутри её всего лишь тепло. Мать ставила туда тесто для хлеба, чтобы поднялось, а кот по кличке Крысодав любил спать в печке, иногда прямо на тесте. В тёплой печи можно было отогреть ягнёнка, который родился в снежную ночь и замёрз едва ли не до смерти. Всё оказалось просто. Никаких чудес. Но чудо не перестало быть чудом, когда она узнала, как оно было сотворено.

– Это хорошо, и всё же опять-таки ведьмовство тут ни при чём, – снова разрушила чары мисс Тик. – Впрочем, чтобы стать ведьмой, не обязательно иметь ведьму среди предков. Хотя это, конечно, облегчает дело. Многое передаётся по наследству.

– Например, способности? – спросила Тиффани.

– Отчасти да, – согласилась мисс Тик. – Но я имела в виду, скажем, остроконечные шляпы. Если бы твоя бабушка оставила тебе в наследство шляпу, ты могла бы здорово сэкономить. Обзавестись хорошей шляпой нелегко, особенно такой, которая защитит, если тебе на голову свалится фургон или фермерский дом^[7]. После твоей бабушки, случайно,

не осталось какой-нибудь крепкой шляпы?

– Вряд ли, – ответила Тиффани. – Она вообще почти всегда ходила с непокрытой головой, разве что в сильное ненастье набрасывала старый холщовый мешок как капюшон. Э... мешок подойдёт?

Впервые за весь разговор взгляд мисс Тик немного смягчился.

– Возможно, возможно... – пробормотала она. – У тебя есть братья или сёстры, Тиффани?

– У меня шесть сестёр, – сказала девочка. – Я – младшая. Большинство из них уже не живут с нами.

– А тебя всё равно уже не считают за ребёнка с тех пор, как появился младший братишка. К тому же единственный сын. Вот нежданная радость – то была, наверное...

Лёгкая улыбка мисс Тик вдруг стала действовать Тиффани на нервы.

– Откуда ты узнала про моего брата?

Улыбка погасла.

«С этим ребёнком надо держать ухо востро», – напомнила себе мисс Тик.

– Просто догадалась, – сказала она.

Никто не любит признаваться, что подглядывал.

– Это персикологические штучки, да? – вспылила Тиффани.

– Ты, наверное, хотела сказать «психологические».

– Да плевать! Думаешь, я не люблю его, потому что родители носятся с ним как с писаной торбой?

– У меня мелькнула такая мысль, – признала мисс Тик. Она решила, что можно уже не стесняться подглядывания. В конце концов, она – ведьма, а чего ещё ждать от ведьмы? – Пожалуй, меня навело на неё то, что ты сделала из него приманку.

– Он просто недоразумение ходячее! – закричала Тиффани. – Он отнимает у меня всё время, я вечно должна присматривать за ним, а он постоянно хочет сладкого. И вообще, – продолжала она, – мне некогда было раздумывать.

– Это верно, – заметила мисс Тик.

– Вот матушка Болен, та уж точно знала бы, что делать, если в речке завелись чудовища, – сказала Тиффани, не обратив на неё внимания. – Даже если это чудовища из сказок. И бабушка не допустила бы того, что случилось со старой госпожой Клацли. Бабушка бы им сказала, и они бы послушались. Они всегда слушали, когда матушка Болен говорила. «Выйди вперёд и заступись за тех, кто сам за себя заступиться не может», – любила повторять она.

– Хорошо. Так и надлежит поступать ведьме, – сказала мисс Тик. – Ведьмы следят за тем, что происходит. Ты говоришь, когда появилась Дженни, река сделалась глубокой, а весь мир – расплывчатым и дрожащим. Шу-шу-шу было?

– Да! – просияла Тиффани. – Было, я точно слышала!

– Ясно. Происходит нечто очень плохое.

– Я могу этому помешать?

– А вот теперь, – сказала мисс Тик, – я должна признать, что тебе удалось произвести на меня впечатление. Ты спросила: «Я могу этому помешать?» – а не: «Кто-нибудь может этому помешать?» – и не: «Мы можем этому помешать?». Ты принимаешь ответственность. Очень неплохо, особенно для начала. Но, увы, ты не можешь этому помешать.

– Но я же отколошматила Дженни!

– Тебе повезло, удар попал в цель, – сказала мисс Тик. – Однако поверь мне, тебе могли встретиться существа гораздо опаснее. Я ясно вижу, что грядёт интервенция куда большего размаха, и ты перед ней столь же беспомощна, как один из ваших ягнят в ненастную зимнюю ночь. Держись подальше, а я приведу помощь.

– Кто нам поможет, барон?

– О небо, конечно, нет. В таких делах от него не будет никакого проку.

– Но он защищает нас, – сказала Тиффани. – Так мама говорит.

– Правда? Да от кого он может вас защитить? В смысле, от кого он может вас защитить?

– Ну, от этих, как их... от противников.

– У него большая армия?

– Э-э, во-первых, сержант Робертс. А ещё Кевин, Невил и Тревор, – сказала Тиффани. – Их тут все знают. Они всё больше замок охраняют.

– Кто-нибудь из них владеет магией?

– Я однажды видела, как Невил показывал карточные фокусы.

– Они хороши на вечеринках, а вот против кого-то вроде Дженни, боюсь, не особенно помогут, – сказала мисс Тик. – А здесь есть дру... в вашей округе вообще есть ведьмы?

Тиффани помялась, прежде чем ответить:

– Только старая госпожа Клацли, но её уже нет...

Да, конечно, она жила одна в странном доме...

– Хорошее имя, – сказала мисс Тик. – Хотя я его вроде бы раньше не слышала. И где сейчас эта ведьма?

– Она умерла зимой в метель, – медленно проговорила Тиффани.

– А теперь расскажи мне то, о чём ты молчишь. – Голос мисс Тик

резал, как нож.

– Э... кажется, она просила, умоляла её впустить, но никто не открыл ей дверь, и... э... ночь была холодная, и... госпожа Клацли умерла.

– И она была ведьмой, да?

– Все твердили, что она ведьма, – сказала Тиффани.

Ей очень не хотелось говорить об этом. Никому в окрестных деревнях не хотелось. И все обходили стороной развалины избушки в лесу.

– Но ты так не думаешь?

– Э... – Тиффани стало неуютно. – Дело в том, что у барона был сын, Роланд. Мальчику исполнилось двенадцать вроде бы. И он поехал кататься по лесу верхом один. И собаки вернулись без него.

– Госпожа Клацли жила в этом лесу? – спросила мисс Тик.

– Да.

– И люди решили, она убила его? – Ведьма вздохнула. – Должно быть, они подумали, что она изжарила его в печке или что-нибудь в этом роде.

– Так прямо они не говорят, – сказала Тиффани. – Но мне кажется, да, как-то так они думают.

– А его лошадь вернулась?

– Нет, – сказала Тиффани, – и это странно, потому что, если бы она бродила по холмам, её бы точно заметили.

Мисс Тик сложила руки на груди, фыркнула и улыбнулась без тени весёлости.

– Ну, это легко объяснить, – сказала она. – У госпожи Клацли была большая печка?

– Нет, – ответила Тиффани. – Довольно маленькая. Всего десять дюймов глубиной.

– Дай угадаю. У госпожи Клацли был беззубый рот, а ещё она часто говорила сама с собой, верно? – сказала мисс Тик.

– Да. И у неё была кошка, – добавила Тиффани, и тут слова, будто прорвав плотину, хлынули из неё потоком: – И вот, когда баронский сын пропал, они пришли к её домишку в лесу, перерыли весь её садик, до смерти забросали камнями старую кошку, свалили книги посреди комнаты и подожгли, и всё сгорело, и говорили, что она ведьма.

– Сожгли книги, – сказала мисс Тик голосом сухим, как старая бумага.

– Они говорили, там были странные письма и картинки со звёздами!

– И ты увидела всё это, когда пришла посмотреть?

Тиффани испуганно сглотнула:

– Откуда ты знаешь?

– Я умею слушать. Так были там письма и звёзды?

Тиффани вздохнула:

– Да, я пошла туда на следующий день. Несколько страниц, должно быть, вылетели из огня и уцелели. Я нашла один обрывок, там были старинные буквы и синяя с золотом каёмка. И я похоронила кошку.

– Ты похоронила кошку?

– Да! – выпалила Тиффани. – Кто-то ведь должен был это сделать!

– И ты измерила печку, – добавила мисс Тик. – Я знаю, ты сделала это, ты ведь сама недавно назвала её точный размер.

«И суповую тарелку ты тоже измерила, – добавила она про себя. – Интересная находка мне попалась...»

– Ну да. Потому что... это же была крошечная печка! И если старая госпожа Клацли куда-то уколдовала мальчишку и его лошадь, то почему она не уколдовала куда подальше тех, кто пришёл за ней? Это же чепуха какая-то...

Мисс Тик взмахом руки остановила её:

– А что было потом?

– А потом барон велел, чтобы никто не имел с ней дела. Он сказал, что любую ведьму, которая тут объявится, бросят в омут связанной по рукам и ногам. Э... тебе, наверное, лучше быть осторожнее.

– Я умею развязывать узлы зубами, а в Щеботанском колледже для молодых барышень мне в своё время вручили Золотую Грамоту по плаванию, – сказала мисс Тик. – Кроме того, я недаром много тренировалась, прыгая в бассейн одетой. – Она наклонилась к Тиффани: – Теперь дай-ка я угадаю, что произошло с госпожой Клацли. Она кое-как пережила лето и осень, но потом настала зима и пошёл снег. Старая женщина воровала еду из амбаров, возможно, женщины тайком давали ей что-нибудь поесть с заднего крыльца, когда мужчины не видели. А мальчишки постарше, наверное, бросали в неё чем придётся, так?

– Как ты догадалась? – спросила Тиффани.

– Поверь, для этого особого воображения не требуется, – сказала мисс Тик. – Но она не была ведьмой, верно?

– Я думаю, она была просто больной и никому не нужной старой женщиной, от которой слегка пахло и которая казалась странной из-за беззубого рта, – сказала Тиффани. – Она только выглядела точь-в-точь как ведьма из сказки. Достаточно иметь каплю мозгов, чтобы понять это.

– Ты права, – сказала мисс Тик. – Но порой и капли мозгов не сыщешь, когда она нужна.

– Так ты научишь меня всему, что нужно, чтобы быть ведьмой? – спросила Тиффани.

– Скажи, почему ты всё-таки хочешь стать ведьмой, хотя знаешь, что произошло с госпожой Клацли?

– Затем, что такое не должно повториться, – сказала Тиффани.

«Она даже похоронила кошку старухи, – подумала мисс Тик. – Удивительный ребёнок...»

– Хороший ответ. Но я не учу, как стать ведьмой. Я учу тому, кто такие ведьмы. Ведьмы учатся в особой школе. Я всего лишь показываю дорогу тем, кто подаёт надежды. У каждой ведьмы есть свои интересы, мне вот нравится работать с детьми.

– Почему?

– Их легче запихнуть в печку.

Тиффани не испугалась, только рассердилась:

– Не говори гадостей!

– Видишь ли, ведьме не обязательно быть лапочкой. – Мисс Тик достала из-под стола большой чёрный мешок. – Рада, что мне удалось привлечь твоё внимание.

– А что, правда есть такая школа, где учатся быть ведьмами? – спросила Тиффани.

– Можно и так сказать, – ответила мисс Тик.

– Где?

– Совсем рядом.

– И она волшебная?

– Ещё какая.

– Это такое чудесное место, да?

– Ничего подобного нигде больше нет.

– И я могу попасть туда по волшебству? Меня отнесёт туда единорог?

– С чего бы ему тебя носить? В конце концов, единорог – та же лошадь, только остроконечная. Совершенно ничего особенного. С тебя одно яйцо, спасибо.

– Где мне искать эту школу? – спросила Тиффани, расплатившись.

– Ага! Вот теперь ты зришь прямо в корнеплод, – сказала мисс Тик. – Две моркови.

Тиффани дала ей морковь.

– Спасибо. Готова слушать? Итак, чтобы найти школу ведьмовства, отправляйся на возвышенность где-нибудь поблизости, поднимись на вершину, открой глаза... – мисс Тик умолкла.

– И?

– И открой их снова.

– Но... – начала было Тиффани.

– Ещё яйца есть?
– Нет, но...
– Тогда урок окончен. Но я бы хотела задать тебе один вопрос...
– «Яйца есть?» – предположила Тиффани.
– Ха! Тиффани, ты видела в реке что-нибудь ещё, кроме Дженни Зелёные Зубы?

Палатку вдруг затопила тишина. Тиффани и мисс Тик смотрели в глаза друг другу, снаружи доносились приглушённые обрывки орфографических ошибок и путаной географии.

– Нет, – солгала Тиффани.
– Уверена? – уточнила мисс Тик.
– Да.

И снова они молча посмотрели друг другу в глаза. Но Тиффани в этой игре не могли обыграть даже кошки.

– Что ж, ладно, – сказала мисс Тик, первой отведя взгляд. – Допустим. Тогда скажи мне ещё кое-что. Когда ты остановилась возле моей палатки, ты сказала: «Ага!» – сказала, как мне слышалось, с удовлетворением. Ты имела в виду: «О, какая интересная чёрная палатка с таинственной запиской у входа, наверняка войти туда означает начало замечательного приключения!» – или ты подумала: «А что, если в этой палатке меня поджидает злая ведьма вроде той, какой люди считали госпожу Клацли? И стоит мне войти, она меня тут же заколдует?» Кстати, можешь уже перестать сверлить меня взглядом. У тебя глаза начали слезиться.

– Мне казалось, что может быть и так и этак. – Тиффани моргнула.
– И всё-таки ты вошла. Почему?
– Чтобы узнать, как будет на самом деле.
– Хороший ответ. Все ведьмы по природе любопытны. – Мисс Тик встала. – Сейчас мне пора. Надеюсь, мы скоро увидимся. Но на прощание у меня есть для тебя несколько бесплатных советов.

– Я буду должна тебе за них?
– Что? Я же сказала, советы бесплатные! – воскликнула мисс Тик.
– Да, но папа говорит, что бесплатные советы частенько обходятся слишком дорого.

Мисс Тик фыркнула:

– Мой совет в каком-то смысле и вовсе бесценный. Ты готова его выслушать?

– Да, – сказала Тиффани.
– Итак, если ты веришь в себя...
– И?..

– ...и в свою мечту...

– И?..

– ...и в свою путеводную звезду...

– И?..

– ...ты всё равно не добьёшься того, чего сможет добиться тот, кто прилагает усердие, старательно учится и не позволяет себе лениться. А теперь прощай.

В палатке стало как-то сумрачно. Пора было уходить. Тиффани обнаружила, что она уже стоит снаружи, а вокруг другие учителя разбирают свои выгородки.

Она не стала оглядываться. Оглядываться было бы глупо. Одно из двух: либо палатка стоит где стояла, либо она исчезла. Первое показалось бы обидным, второе – пугающим.

По пути домой Тиффани одолели сомнения. Может, надо было всё-таки сказать про маленьких рыжеволосых человечков? Но у неё нашлось множество причин, чтобы промолчать. Во-первых, она сама не была уверена, что они ей не померещились. Во-вторых, ей казалось, им не понравилось бы, если бы она проболталась. А в-третьих, было здорово знать что-то, чего не знает мисс Тик. Да, вот что главное. А то эта мисс Тик что-то уж больно умная.

Дорога домой шла через Курганный холм^{8}, возвышавшийся сразу за околицей. Впрочем, не так уж он и возвышался. Над Родной фермой нависали холмы и повыше, а с горами над ними ему было и вовсе не сравниться.

Зато он был... уютный, что ли. На вершине холма располагалась ровная площадка, где не росла трава. Рассказывали, что когда-то на этом самом месте какой-то герой одолел дракона и кровь чудовища выжгла землю вокруг. А ещё говорили, что под холмом скрыты несметные сокровища, которые стережёт дракон. Или там похоронен древний король в доспехах из чистого золота. Вокруг холма витало много легенд. Удивительно, как он только не провалился под их весом.

Тиффани остановилась на голой земляной площадке и огляделась вокруг.

Вот деревня, вот река, вот Родная ферма, вон там – замок барона, а вдалеке, за пределами ведомых ей полей, сереют леса и поросшие кустарником пустоши.

Тиффани закрыла глаза и открыла их снова. Моргнула и открыла опять.

И не увидела ни волшебной двери, ни дома, скрытого от чужих глаз,

ни каких-нибудь таинственных знаков.

Правда, на миг в воздухе раздалось жужжание и запахло снегом.

Придя домой, Тиффани посмотрела в словаре, что означает «интервенция». Оказалось – вторжение.

Нашествие куда большего размаха, сказала мисс Тик.

Сверху, с полки, за Тиффани украдкой наблюдали маленькие и зоркие глаза.

Глава 3

Держи каргу!

Мисс Тик сняла шляпу и потянула за верёвочку, приделанную изнутри. С тихим пощёлкиванием и шуршанием ведьмовский головной убор в несколько приёмов перевоплотился обратно в потрёпанную соломенную шляпку. Мисс Тик подобрала осыпавшиеся бумажные цветы и аккуратно вернула их на место.

– Уфф! – тяжело выдохнула ведьма, покончив с делом.

– Неужели ты вот так просто возьмёшь и отпустишь эту девчонку? – спросил жаб – он к этому времени сидел на столе.

– А что такого?

– Но ведь она явно умеет видеть с Первого Взгляда и думать Задним Умом! Весьма многообещающее сочетание!

– Она – маленькая всезнайка, – сказала мисс Тик.

– Ага. В точности как ты сама. Ты ведь почувствовала, что из девочки может выйти толк, верно? Я точно знаю, потому что ты с ней не церемонилась, а ты не церемонишься как раз с теми, кому удалось произвести на тебя впечатление.

- Хочешь, превращу тебя в лягушку?
- Дай-ка подумать... Лучше кожа, задние лапы сильнее, да ещё и принцесса, может стать, поцелует... Да, согласен. Всегда к вашим услугам, госпожа.
- Есть участь и похуже, чем быть жабой, – мрачно сказала мисс Тик.
- Ага, сама как-нибудь попробуй. Ладно, не важно. Как бы там ни было, девочка мне понравилась.
- Мне тоже, – призналась мисс Тик. – Она узнаёт, что старуха умерла, потому что здешние болваны приняли её за ведьму, – и что же делает наша девочка? Решает стать ведьмой, чтобы им не вздумалось уморить ещё кого-нибудь! На неё выпрыгивает из реки чудище – она ему сковородкой по сусалам! Слышал присловье: «Земля свою ведьму найдёт»? Вот именно это тут и случилось, готова поспорить. Но меловая ведьма... Ведьмы любят гранит и базальт, чтобы под ногами была твёрдая скала, как глубоко ни копни! А мел... Ты знаешь, что он такое?
- Вот ты мне сейчас и расскажешь.
- Мел – это раковины миллиардов и миллиардов морских моллюсков, крохотных и беспомощных, умерших миллионы лет назад. Мел – мягкий, топкий, засасывающий. Даже известняк, и тот лучше. Но... она выросла на Меловых холмах, и при этом воля её тверда, а ум остёр. Прирождённая ведьма. На меловых землях! Немыслимо!
- И как она отделала Дженни! – добавил жаб. – Талантище!
- Возможно, но ей понадобится нечто большее, чем просто талант. Дженни Зелёные Зубы не блещет умом, – сказала мисс Тик. – Это всего лишь Пугательный Монстр первого уровня. Кроме того, стихия Дженни – стоячая вода, и тварь, должно быть, растерялась, оказавшись в реке. Дальше будет намного, намного сложнее.
- А что значит «Пугательный Монстр первого уровня»? – спросил жаб. – Что-то не припомню, чтобы ты о таких упоминала.
- Я не только ведьма, но и учитель. – Мисс Тик водрузила шляпу на голову. – А значит, я составляю списки. Даю оценки. Я расписываю всё твёрдым красивым почерком чернилами двух цветов. Дженни Зелёные Зубы – одно из множества существ, придуманных взрослыми, чтобы отпугивать детей от опасных мест. – Она вздохнула. – Кто бы наконец запретил взрослым придумывать разных тварей...
- Ты должна остаться и помочь девочке, – заявил жаб.
- Я здесь почти ни на что не способна, – сказала мисс Тик. – Говорила же тебе. Это мел. И потом, вспомни маленьких рыжих человечков. Нак-мак-Фигли заговорили с ней! Предупредили её! Я за всю

жизнь ни одного из них не видела! Кто знает, на что она способна с такими-то союзниками?

Она взяла жабу со стола.

– Знаешь, что тут начинается? – продолжала ведьма. – Всё, что до поры было заперто в старых сказках. Всё то, почему нельзя сходить с тропы, открывать запретные двери, произносить запретные слова, рассыпать соль. Все истории, после которых детям снятся кошмары. Все чудовища, затаившиеся под самой большой кроватью на свете... Где-то все сказки – быль и все сны – реальность. И они станут былью здесь, если их не остановить. Если бы не Нак-мак-Фигли, я бы испугалась по-настоящему. Но поскольку они здесь, я отправляюсь за помощью. Без помела это займёт не меньше двух дней!

– Нечестно бросать девочку одну со всем этим, – сказал жаб.

– Она не будет одна. Она будет с тобой.

– О.

Тиффани спала в одной комнате с Ханной и Фастидией. Когда они пришли, она проснулась и некоторое время лежала в темноте, пока дыхание сестёр не сделалось ровным и размеренным и их не поглотили сны о молодых стригалях, скинувших за работой рубахи.

За окном над холмами вспыхивали молнии летней грозы, рокотал гром.

Гром и Молния. Для Тиффани это были прежде всего собачьи клички, а уж потом она узнала, что так зовут грохот и вспышки в грозу. Овчарки всегда сопровождали бабушку, в домах и на улице. Мелькнут, бывало, размытыми от быстроты чёрно-белыми всполохами в поле – и вот они уже здесь, рядом с бабушкой, сидят, вывалив языки, и не сводят преданных глаз с лица хозяйки. Половина овчарок на холмах была щенками Молнии, натасканными матушкой Болен.

Тиффани ходила с родителями на Овчарочьи Смотры, которые проводились каждый год. На Смотры приходили все пастухи Меловых холмов. А самые лучшие соревновались в выучке овчарок. Собаки на смотровом поле гуртовали овец, делили стадо на части, загоняли его в загоны, – а порой распугивали животных или грызлись друг с другом, потому что даже самая лучшая и воспитанная овчарка может утром встать не с той лапы. Но матушка с Громом и Молнией никогда не участвовала в соревнованиях. Она стояла у ограды поля, почихивая своей вонючей трубкой, и внимательно следила за выступлениями. Овчарки

лежали у её ног. И отец Тиффани как-то сказал, мол, после каждого выступления судьи тревожно поглядывают на матушку Болен, пытаясь угадать, как оно ей показалось.

На самом деле все пастухи поглядывали на матушку Болен. Она никогда, ни разу в жизни не выходила на смотровое поле, потому что матушка Болен была самым духом Смотров. Кивнёт она тебе, когда ты закончишь показывать своё мастерство, буркнет: «Сойдёт...» – и ты герой дня, и все холмы у твоих ног.

Когда Тиффани была маленькой и только начинала познавать Холмовье с бабушкой, Гром и Молния нянчили её – сидели поодаль, пока она играла, присматривали. А иногда бабушка разрешала ей взять овчарок и согнать овец вместе – о, как Тиффани этим гордилась! Она носилась по полям, визжа: «Ко мне!», «Туда!», «Рядом!» – и, о чудо, собаки отлично гуртовали стадо.

Теперь-то она понимала, что овчарки отлично гуртовали стадо сами по себе, что бы она там ни вопила. Бабушка просто сидела поодаль, покуривала трубочку, и собаки читали её мысли. Они отродясь слушались только хозяйку...

Немного погодя буря поутихла и лишь дождь остался шуршать за окном.

Кот Крысодав навалился на дверь снаружи, приоткрыл её, протиснулся в спальню и запрыгнул на кровать. Это был здоровенный котяра, но текучий. Он был таким жирным, что на любой более или менее ровной поверхности постепенно растекался плоским меховым бурдюком немалых размеров. Тиффани он на дух не выносил, но никогда не позволял личным чувствам встать на пути к тёплому гнездышку для сна.

Тиффани, должно быть, заснула, потому что разбудили её голоса.

– Раскудрыть! Ото ж сказанула – вы пошли-нашли каргу! Кака-така собой этая карга, а? По мне так все верзуны на одно рыло, ыть!

– Мал-не-мал Джорджи, рыбарь, грил, карга – громазда девка!

– Вот уж сподмогнул, ыть! Да они тут все громазды девки!

– Цыть, вы, оба-два ни-вбей-мозгахрясь! Всяк знает: у карги чепунец как гора!

– Тады ой! Тады, раз она дрыхс – ужо не карга?

– Эй? Привет? – окликнула Тиффани.

Воцарилась тишина, расшитая только тонкими стежками сестринского дыхания. Но каким-то необъяснимым образом это была тишина, которая получается, когда кто-то очень-очень старается не шуметь.

Тиффани свесилась с кровати и заглянула под неё. Там не было ничего, кроме ночного горшка.

Голоса говорили точь-в-точь как человек, которого она видела на реке. Тиффани снова легла и стала вслушиваться в залитое лунным светом безмолвие. Вскоре у неё заболели уши.

Тогда она задумалась о том, как выглядит школа ведьмовства и почему она до сих пор её не видела.

Она знала каждый дюйм на две мили вокруг. Больше всего Тиффани любила реку, где в заводях грелись на солнце, паря над тиной, полосатые щуки, а на крутом берегу гнездились зимородки. В миле или около того выше по течению жили цапли, и ей нравилось подкрадываться к ним, когда они ловили рыбу в тростнике, – в мире нет ничего смешнее, чем цапля, пытающаяся срочно взлететь.

Тиффани стала снова погружаться в дрему, перебирая в голове земли окрест. Она знала тут всё. Не было вокруг такого тайного уголка, о котором бы она не подозревала.

Но, может быть, были волшебные двери? Если бы у Тиффани была своя школа магии, она, Тиффани, снабдила бы её именно волшебными дверями. Которые могут вести куда угодно, даже за сотню миль отсюда. Достаточно посмотреть на особую скалу, скажем, в лунном свете, – и вот тебе, пожалуйста, ещё одна дверь.

Но школа, школа... Там будут учить летать на помеле, и как сделать тулью шляпы острой-преострой, словно иголка, и как готовить волшебную еду, и там у неё будет много новых друзей...

– Что, малюха дрыхс?

– Ах-ха, ни шур-шур.

Тиффани открыла глаза. Голоса под кроватью теперь отдавались тихим эхом. Хорошо, что горшок вымыт начисто...

– Лады, а ну драпс, черепокс-то мал-мал.

В следующий раз голоса донеслись уже из другого угла комнаты. Тиффани пожалела, что её уши не могут поворачиваться, как у кошек.

– Зырь, домишко! С мал-мал стуликами и всяко-так!

Они нашли кукольный домик, поняла Тиффани.

Домик был довольно большой, господин Чурбакс сделал его для старшей сестры Тиффани, когда та была маленькой (а сейчас она уже вышла замуж, уехала и у неё подрастали двое собственных детей). Домик был не из хрупких и изящных игрушек. Господин Чурбакс был чужд изящества. Но за долгие годы маленькие хозяйки домика украсили его лоскутками и кое-какой незамысловатой мебелью.

Судя по интонациям, обладатели загадочных голосов решили, что попали во дворец.

– Ой-ой! Да ты зырь, како роскоество! И кловати тута! С поддухами!

– Цыть! Этих разбудишь!

– Да я ж как мал-мала мышка! Ааргх! Аты-баты!

– Чё? Каки аты-баты?

– Красны мундилксы!

Ага, это они увидели игрушечных солдатиков, подумала Тиффани. Строго говоря, солдатикам нечего делать в кукольном доме, но Винворт до них ещё не дорос, и они стали невольными соучастниками кукольных чаепитий. Ну, более или менее кукольных. Мало какая игрушка сможет выжить в относительной сохранности в руках многих поколений фермерских детей. Последний раз, когда Тиффани пыталась собрать гостей на чаепитие, за столом сидели тряпичная кукла без головы, двое солдатиков и три четверти плюшевого мишки.

Из кукольного домика раздались звуки потасовки.

– Ах-ха, попался! Слышь, ты, твоя мамаш шьёт? Дык пусть заштопает!.. Ааргх! У него бошка что твоя колода!

– Раскудрить! Тут тушка без бошки!

– А что ты хотел, вона ведмед сидает! А ну, получи мал-мала люлей с левой!

И хотя трое обладателей голосов сражались с игрушками, которые не могли дать сдачи, а уж одноногий плюшевый медведь точно драться не мог, Тиффани почему-то казалось, что чужаки встретили сопротивление.

– Держ-держ-держу! Ну, ща ты у меня огребёшь, зараза липуча!

– Кто меня за ногу цап?! Зубаксами?!

– Эй, а ну!.. Да вы ж друг другу люлей накидали, чудаки позорные, лопни мои буркалы!

Крысодав, разлётшийся на Тиффани, зашевелился. Он был толстым и ленивым котом, но, когда надо было в прыжке настигнуть нечто маленькое и шевелящееся, он становился быстрым, как молния. Нельзя было допустить, чтобы он поймал... тех, кому принадлежали голоса. Что бы там эти голоса ни говорили...

Тиффани громко кашлянула.

– Ну вот! – зашипел кто-то в кукольном домике. – Из-за вас верзуны прочухались! Драпс-драпс!

Снова воцарилась тишина. Послушав её некоторое время, Тиффани решила, что на сей раз она больше похожа на безмолвие опустевшей комнаты, чем на тишину, в которой кто-то умудряется не издавать ни звука.

Крысодав снова затих и принялся перебирать лапами, потроша кого-то в жирнокошачьем сне.

Тиффани выждала ещё какое-то время, встала и прокралась через комнату, старательно переступив пару скрипучих половиц. Спустившись в темноте по лестнице, она оказалась в кухне, где при свете луны залезла на стул, сняла с матушкиной полки книгу сказок, отодвинула щеколду на задней двери и вышла в тёплую летнюю ночь.

Снаружи клубился туман, но на небе были видно несколько звёздочек и прибывающая луна между второй четвертью и полнолунием. Про фазы луны Тиффани вычитала в «Ещегоднике», и ей понравилось. Теперь можно было говорить про себя не «Луна почти полная», а «Ах, сегодня такая прибывающая луна...»

Возможно, это говорит о Тиффани больше, чем она сама согласилась бы рассказать.

В свете восходящей луны холмы казались чёрной стеной на полнеба. Тиффани по привычке попыталась высмотреть на них знакомый огонёк – фонарь бабушкиной кибитки.

Матушка Болен не позволила ни одному ягнёнку потеряться и пропасть. Одно из самых ранних воспоминаний Тиффани было о том, как мама поднесла её к окошку холодной весенней ночью... Над горами мерцали мириады звёзд, а ещё одна, из созвездия матушки Болен, зигзагом ползла сквозь ночь. Бабушка никогда не шла спать, если ягнёнок потерялся. Какая бы погода ни стояла на дворе, она отправлялась на поиски.

В доме, где живёт большая семья, есть только одно место, чтобы уединиться, – туалет. В эту будочку, состоящую из трёх отсеков, и шли все, когда хотели побыть в одиночестве. Там всегда была свеча, а на верёвочке висел прошлогодний «Ещегодник». Издатели хорошо знали своих читателей и печатали его на мягкой и тонкой бумаге.

Тиффани зажгла свечу, устроилась поудобнее и раскрыла книгу сказок. Прибывающая луна заглядывала в вырез на двери, сделанный в форме полумесяца.

Книга Тиффани никогда не нравилась. Уж больно навязчиво сказки старались втолковать ей, что она должна делать и что думать. Не сходи с тропы, не открывай дверь, но бойся злой ведьмы, потому что она злая. Ах да, и ещё поверь, что при выборе жены главное – какой у неё размер ноги.

Многие сказки казались Тиффани весьма подозрительными. Одна,

например, заканчивалась тем, что двое хороших детишек запихивали ведьму в её собственную печку. После того, что случилось с госпожой Клацли, Тиффани не могла спокойно думать об этом. Такие сказки морочат людям голову, решила она. «Да ну? – думала Тиффани, перечитав историю. – Ни у кого в доме нет такой печи, чтобы засунуть туда человека целиком! И вообще, с чего эти детишки решили, будто могут есть чужие дома почём зря?» Или взять хоть того мальчишку, у которого не хватило ума понять, что корова не может стоять пять бобов. Кто дал ему право убивать великана и забирать его золото? Не говоря уже о том, что этот балбес – просто экологический вандал какой-то. А если девочка не может отличить волка от собственной бабушки, значит, или девица тупа как пробка, или у них в семье все на редкость уродливы. В сказках не было ни капли правды. Но госпожа Клацли умерла из-за них.

Тиффани перелистывала страницы в поисках нужной картинки. Пусть она терпеть не могла сказки, ничего прекрасней этих картинок она в жизни не видела.

Она перевернула ещё одну страницу и наконец нашла, что искала.

Как правило, эльфы на картинках выглядели совершенно неинтересно. Больше всего они напоминали девчачий кружок по бальным танцам после столкновения с зарослями ежевики. Но на этой картинке всё было иначе. Странные краски, отсутствие теней... Трава и ромашки возвышались над эльфами – наверное, это должно было означать, что эльфы крохотные, но они были большими, огромными. Они выглядели людьми, только очень странными. И совсем не походили на эльфов, если уж на то пошло. Почти все обходились без крылышек. Если честно, это были очень странные создания. Некоторые – так настоящие чудовища. У девчушек в балетных пачках не было бы против них ни единого шанса.

И что самое странное, эта картинка, единственная во всей книге, выглядела так, будто художник писал с натуры. На прочих картинках девочки с крылышками и пузатые карапузы были ненастоящими, слишком слащавыми. Но глядя на эту, становилось ясно, что художник видел то, что рисовал... «Хотя бы мысленно», – подумала Тиффани.

Она присмотрелась к левому нижнему углу картинки. Она и раньше замечала это, но если не знаешь, где искать, можно и проглядеть... Там, в углу, сердито скалился маленький рыжеволосый человечек, одетый в короткий килт и кожаный жилет. На вид он был очень злой. И... – Тиффани поднесла свечу, чтобы рассмотреть получше, – да, одной рукой он делал жест, явно предназначенный зрителю.

И даже если не знать, что жест этот неприличный, догадаться труда

не составит.

Снаружи донеслись голоса. Тиффани чуть приоткрыла дверь ногой – ведьма всегда прислушивается к тому, что говорят вокруг.

Голоса доносились из-за изгороди, за которой в поле спали овцы, предназначенные на продажу. Утром их отгонят на рынок. Но овцы, как известно, не особенно разговорчивы. Тиффани выскользнула наружу, в предрассветный туман и подкралась к изгороди. Там была небольшая дыра, сквозь которую можно было заглянуть, – должно быть, дело лап кроликов.

– Раскудрить! Мы ж не бурана хотели, а кокоптаху!

– Э, что бе, что ко... А ну, каждый хватъ по ходуле!

– Ах-ха, все кокоптахи в сарае, тырь-хватай что есть!

– А ну цыть! Цыть, грю!

– Э, да кто услыхнёт-то, а? Тыкс, йан, тан... тетра!

Баран чуть приподнялся, тревожно мемекнул и помчался прочь хвостом вперёд. Тиффани показалось, что над травой возле его копыт мелькнули рыжие волосы, но толком она ничего разглядеть не успела, потому что баран быстро растворился в тумане.

Она протиснулась сквозь кроличью лазейку, не обращая внимания на концы прутьев, царапающие кожу. Матушка Болен ни за что бы не позволила никому украсть животное из её стада, даже невидимкам.

Но туман сгустился, и к тому же теперь Тиффани услышала какой-то шорох в курятнике.

Баран, стремительно уносящийся в туманную даль задом наперёд, может подождать. Сейчас надо спасать наседок. За последние полмесяца в курятник уже дважды забиралась лиса, и уцелевшие куры почти перестали нестись.

Тиффани пробежала через огород, цепляясь ночной сорочкой за подпорки гороха и кусты крыжовника, и рывком распахнула дверь в курятник.

В курятнике вовсе не было того переполоха, который случился бы, явись туда лиса. Но куры возбуждённо кудахтали, а петух Фуфырь нервно вышагивал из угла в угол. Одна из наседок смущённо хохлилась. Тиффани быстро схватила её и подняла. Под курицей обнаружили два маленьких человечка с рыжими волосами и синей кожей. Каждый держал в охапке яйцо. Человечки уставились на Тиффани с очень виноватым видом.

– Ой, не! – вскрикнул кто-то из них. – Малюха! Она ж карга!

– Верните наши яйца! – сказала Тиффани. – Как не стыдно! И я вам не карга!

Человечки посмотрели друг на друга, потом на яйца.

– Каки-таки яйки? – удивился один.

– Яйца, которые у вас в руках! – строго сказала Тиффани.

– Чё? А, эти? Дыкс это яйки, ах-ха? – сказал тот, что заговорил первым, и вытаращился на яйца так, будто впервые их видел. – А мы-то дум-дум, что за штука така... Дум-дум, воно того, булыганы.

– Ах-ха, булыганы, – нервно подтвердил второй.

– Мы, того, шмыг погреться, – продолжал первый. – Гля, тут повезде эти кругляксы насованы. Мы смекнули: ото ж кокоптахи и кудах-тахают.

– Ах-ха, кудах-тах-тах, кудах-тах-тах, – отчаянно закивал второй.

– Так мы им мал-мал подмогли...

– Положите – яйца – где взяли! – отчеканила Тиффани.

Тот, что больше помалкивал, ткнул приятеля локтем в бок.

– Слыхал, что она грит? Валит беда...^[9] Лучше бум пай-пай. Поперёк Боленов – не того, а то кыкс... А она ж карга! Она зелён-бошку шандаракнула, а зелён-бошку ещё никто не шандараксал!

– Ах-ха, и кыкс я сам не смекнул.

Человечки с преувеличенной осторожностью положили яйца на место. Один даже подышал на скорлупу и бережно протёр её обтрёпанной бахромой своего килта.

– Всё типсы-топсы, хозяйка! – заявил первый, и человечки исчезли.

Только мелькнула вроде бы в воздухе пара рыжих всполохов да солома у двери выпорхнула наружу.

– И я вам пока не хозяйка! – крикнула вдогонку Тиффани. – И не карга! И вообще, вы – вроде эльфов, да? И верните бурана... в смысле, барана!

Ей никто не ответил, только со стороны дома донеслось грохотание вёдер – семья начала просыпаться.

Тиффани забрала из туалета книгу, задула свечу и пошла домой. Мать уже разжигала печь. Она спросила, почему Тиффани в такую рань на ногах, и та ответила, что услышала шум в курятнике и пошла посмотреть, не забралась ли туда опять лиса. Она не покривила душой. На самом деле, она сказала чистую правду, просто немного укороченную.

Тиффани не была лгуньей, однако ей казалось, что порой вещи делятся не на правду и ложь, а на то, что другим знать надо, и то, что им пока знать не стоит.

Кроме того, она ещё не была уверена, что именно она сама узнала.

На завтрак была овсянка. Тиффани торопливо работала ложкой: ей не терпелось отправиться к загону и посмотреть, что осталось от барана.

Может, следы в траве...

Что-то заставило её оторваться от миски и поднять глаза. Крысодав, до этого мирно дремавший у печки, теперь сидел и насторожённо смотрел на что-то. Тиффани почувствовала, как пушок у неё на шее сзади зашевелился. Она попыталась понять, куда смотрит кот.

На шкафу рядом стояли белые кувшины с синей росписью. От них в хозяйстве не было никакого проку, но это было наследство престарелой тётки, и мать очень гордилась ими, потому что кувшины были красивые. А поскольку на ферме было не очень-то много красивых, но бесполезных вещей, их берегли как сокровище.

Крысодав смотрел на крышку одного из кувшинов. Она медленно приподнималась, и вскоре под ней стало можно рассмотреть рыжие волосы и цепкие глаза-бусинки.

Под взглядом Тиффани крышка осторожно опустилась на место. Но вот раздался тихий шорох, а когда Тиффани посмотрела на кувшин, он уже тихонько покачивался и на шкафу оседало маленькое облачко пыли. Крысодав ошалело оглядывался вокруг.

Тиффани выскочила во двор. Предрассветная дымка исчезла, над склонами из травы выпархивали жаворонки.

– Если баран не вернётся сию же минуту, – крикнула Тиффани в утреннее небо, – я вам это попомню!

Её крик эхом отразился от холмов и вернулся. А потом где-то рядом раздалась тихие голоса.

– Чавой она?

– Она нам попомнит!

– Ой-ёи-ёи! Ой, беда нам!

Тиффани огляделась, вся красная от злости.

– Мы в ответе за них, – сказала она.

Она слышала эти слова от бабушки как-то раз, когда, ещё маленькой, оплакивала ягнёнка. Матушка Болен сказала тогда, коверкая слова по-старинному, как всегда говорила: «Мы для скотины – навроде богов. Мы решаем, когда ей родиться, когда помирать. А между тем и другим мы в ответе за них».

– Мы в ответе за них, – повторила Тиффани спокойнее. Она сердито оглядела поле. – Не знаю, кто вы такие, но знаю, что вы меня слышите. Если не вернёте барана, вам... беда будет.

Над овчарней запел жаворонок, подчеркнув тишину.

Тиффани ждали дела. Ей надо было много о чём позаботиться, прежде чем у неё снова появится время для себя. Пора было накормить кур,

собрать яйца, втайне гордясь тем, что её стараниями их на два больше, принести шесть вёдер воды, чтобы наполнить большой чан у печи. Но Тиффани решила, что эти дела подождут, они ей не очень-то нравились. Ей нравилось сбивать масло. За этим занятием можно было поразмыслить.

«Вот стану настоящей ведьмой в остроконечной шляпе и с помелом, – думала она, качая насос, – и сливки будут сбиваться в масло по одному взмаху моей руки. И никакие мелкие рыжие бестии не посмеют...»

За спиной у неё, там, где она выставила рядом шесть вёдер, чтобы идти к колодцу, раздался плеск. Одно из вёдер стояло полное, вода ещё покачивалась.

Тиффани вернулась к сбиванию масла, будто ничего не случилось. Но выждав немного, взяла горсть муки из короба и посыпала порог, после чего снова занялась маслом.

Несколько минут спустя позади снова плеснуло. Она обернулась: так и есть, второе ведро стояло полное. А на каменном пороге, присыпанном мукой, виднелись две цепочки крохотных следов: одна вела в молочню, вторая – из неё.

Вёдра были деревянные и очень тяжёлые. Тиффани с трудом поднимала одно полное ведро.

«Итак, – подумала она, – эти человечки не только невероятно быстрые, но и жутко сильные. И почему меня это нисколько не пугает?»

Она посмотрела вверх, на широкие деревянные балки под потолком. Оттуда медленно спланировал клок пыли, потревоженный кем-то, кто спешил скрыться с глаз долой.

«Наверное, надо прекратить всё это прямо сейчас, – подумала Тиффани. – С другой стороны, почему бы не подождать, пока все вёдра наполнятся?»

– А ещё мне надо натаскать дров в ящик у печи, – сказала она вслух.

Попытка – не пытка, верно?

Тиффани снова принялась сбивать масло и не стала оборачиваться ни когда за спиной у неё ещё четыре раза плеснула вода, ни когда со стороны дровяного ящика донёсся шорох и постукивание. Она обернулась лишь тогда, когда всё затихло.

Ящик был полон доверху, и вёдра тоже. Мука на пороге – вся истоптана.

Тиффани оставила масло в покое. Она чувствовала, что на неё смотрят. Множество маленьких глазок.

– Э... спасибо, – сказала Тиффани.

«Нет, так нельзя, – поняла она. – Что я лепечу, будто напугана?» Она

отложила лопатку для сбивания масла, повернулась и напустила на себя по возможности грозный вид.

– А баран? – спросила она. – Я не поверю, что вы правда раскаиваетесь, пока не вернёте барана!

Со стороны загона раздалось блеяние. Тиффани выскочила в огород и заглянула за изгородь.

Баран нёсся назад через поля. Хвостом вперёд и очень быстро. У самой изгороди он резко затормозил и опустился – воры поставили его в траву. На голове барана мелькнула рыжая шевелюра – человек подышал на рог и протёр его краем килта, после чего растворился в воздухе.

Тиффани в задумчивости вернулась в молочню. Там её ждало уже готовое масло. Оно было не просто сбито, а порезано на аккуратные кирпичики и разложено на каменном столе, как она всегда это делала. На каждом кирпичике даже лежала веточка петрушки.

«Может, они домовые?» – предположила Тиффани. Если верить сказкам, домовые шныряют вокруг дома и делают разную домашнюю работу за блюдечко молока. Но на картинках домовых рисовали весёлыми человечками в ярких колпачках. А эти синекожие существа выглядели так, будто сроду молока не пробовали. Но, возможно, стоит проверить...

– Хорошо, – сказала она, по-прежнему ощущая на себе множество взглядов. – Сойдёт. Извинения приняты.

Тиффани взяла из кучи грязной посуды у раковины кошачье блюдце, тщательно вымыла его, наполнила парным молоком, поставила на пол и отошла.

– Так вы – домовые? – спросила она.

Что-то мелькнуло в воздухе, молоко выплеснулось на пол. Блюдце ещё некоторое время дребезжало, кружась на полу.

– Ладно, будем считать, это значит «нет», – заключила Тиффани. – Тогда кто вы?

Ответом ей было сколько угодно молчания.

Она легла на пол и заглянула под раковину. Потом встала и изучила полки для сыров. Долго всматривалась в паучью темноту по углам. Молочня отчётливо опустела.

И Тиффани подумала: «Похоже, мне надо срочно поумнеть на целое яйцо».

По дороге, ведущей с фермы в деревню, Тиффани ходила тысячу раз. Идти было меньше полумили^[6], под гору, и за многие века повозки и телеги укатали дорогу так, что она больше походила на канаву, а в дождь

превращалась в реку, белую, как молоко, из-за мела.

Тиффани прошла уже полпути, когда на мир обрушилось знакомое «шу-шу-шу». Живые изгороди по бокам дороги зашуршали, хотя ветра не было. Жаворонки умолкли, и наступила оглушительная тишина. Тиффани совсем не обращала внимания на их пение, но ничего не может быть громче молчания, оборвавшего песню, которая звучала всегда.

Она подняла глаза к небу, и ей показалось, она смотрит на него сквозь алмазную призму. Небо искрилось и переливалось. Воздух наполнился холодом – так резко, будто она шагнула в ледяную ванну.

И вдруг оказалось, что под ногами лежит снег и снегом укрыты живые изгороди. И застучали копыта.

Лошадь неслась к Тиффани галопом через поле за изгородью, превратившейся в белую стену. Тиффани не видела коня, только слышала.

Звук копыт смолк. Мгновение была только тишина, потом лошадь перепрыгнула изгородь и приземлилась на дорогу, поскользнувшись на снегу. Вот она выровнялась, и всадник повернулся, чтобы посмотреть в лицо Тиффани.

Она не могла посмотреть ему в лицо в ответ. У него не было лица. У него не было даже головы, так что лицу просто негде было быть.

Тиффани побежала. Башмаки скользили по снегу, но внутри у неё вдруг воцарилось ледяное спокойствие.

У неё было только две ноги, чтобы поскользываться. У коня – вдвое больше. Тиффани доводилось видеть, как мучительно лошади преодолевают этот спуск зимой, когда дорога заледенела. У неё оставался шанс.

Она слышала позади тяжёлое, со свистом дыхание и как ржёт конь. Тиффани рискнула быстро оглянуться. Всадник догонял её, но медленно, конь не столько скакал, столько скользил. От животного валил пар.

Примерно на середине склона дорога скрывалась под деревьями. Сейчас, укутанные снегом, они казались облаками, рухнувшими с неба. А за рощицей, Тиффани помнила, спуск заканчивался и дорога была уже ровной. Там безголовый всадник легко нагонит её. Она не знала, что он собирается с ней делать потом, но не сомневалась: это займёт до обидного мало времени.

Она вбежала под деревья, сверху стали падать потревоженные снежные хлопья. Она решила всё же попытаться. До деревни не так далеко, а Тиффани быстро бегала.

Но что потом? Ей ни за что не успеть спрятаться у кого-нибудь в доме. Люди станут метаться и кричать... На всадника это вряд ли произведёт впечатление. Нет, ей придётся разобраться с ним самой.

Если бы только она захватила с собой сковородку!

– Эй, мала карга! А ну стой!

Тиффани посмотрела вверх. Из живой изгороди торчала рыжеволосая голова.

– За мной гонится всадник без головы!

– И догонит, малюха! Стой, где есть! Зырь ему в глазья!

– У него нет глаз!

– Раскудрить! Ты карга или нет? Зырь ему в глазья, каких нет! – И синекожий человечек скрылся в кустах.

Тиффани обернулась. Всадник уже был под деревьями, лошадь почувствовала себя увереннее, когда уклон стал меньше, и пошла рысью. В руке всадник держал меч – и смотрел на Тиффани глазами, которых не было.

«Маленькие человечки смотрят на меня, – подумала она. – Нельзя бежать. Матушка Болен не кинулась бы наутёк от безголовой твари».

Она скрестила руки на груди и зло уставилась на врага.

Всадник придержал коня, словно опешив, потом снова пришпорил его.

И тогда сверху упала сине-рыжая фигурка, больше, чем те, что раньше доводилось видеть Тиффани. Человечек приземлился на голову лошади, прямо на лоб, и схватил её за уши.

– А ну, получи мал-мала люлей, ты, чучундра копытная! Ишь, верзуна оно носит! – раздался крик, и маленький человечек с размаху ударил головой между глаз коня.

К изумлению Тиффани, животное покачнулось.

– Пондра? – завопил крохотный воин. – И ишшо разокс на закукс!

На этот раз конь попятился, задние ноги его подогнулись, и он рухнул в снег.

Из изгороди валом повалили маленькие человечки. Всадник попытался встать на ноги, но его захлестнуло яростной сине-рыжей волной...

И тогда он исчез. И лошадь исчезла. И снег.

Ещё мгновение посреди пыльной дороги оставалась шевелящаяся грудa синекожих человечков. Один из них заорал:

– Раскудрить! Я себе по балде люлей налягал!

А потом исчезли и они, но Тиффани успела заметить рыже-синий всполох, сверкнувший в направлении изгороди.

Жаворонки пели, как раньше. Изгороди стояли цветущие и нетронутые – ни одна веточка не сломана, ни один цветок не опал. Небо снова было голубым, от алмазного сияния не осталось и следа.

Тиффани посмотрела вниз. На её башмаках таяли последние

снежинки. Это её даже немного успокоило. Значит, чудо было на самом деле, она не сошла с ума. Вот и хорошо, потому что, стоило ей закрыть глаза, в ушах раздавалось свистящее дыхание всадника без головы.

Теперь ей требовалось оказаться там, где много людей и жизнь течёт своим чередом. Но ещё больше ей требовались ответы.

А если уж совсем честно, она бы всё отдала за то, чтобы не слышать зловещего дыхания всякий раз, закрывая глаза.

Палатки исчезли. Если не считать нескольких обломков мела, яблочных огрызков и тут и там куриных пёрышек, ничто больше не напоминало о том, что недавно здесь были учителя.

– Эй! Только тихо! – окликнул тоненький голосок.

Тиффани посмотрела вниз. Из-под листа щавеля осторожно выбралась жаба, точнее, жаб.

– Мисс Тик говорила, что ты ещё придёшь, – сказал он. – Наверное, хочешь о многом спросить?

– Обо всём! – выпалила Тиффани. – Мне не дают покоя маленькие человечки! Я не понимаю и половины из того, что они говорят! И они всё время зовут меня каргой!

– О да. Нак-мак-Фигли, – важно кивнул жаб.

– Пошёл снег, а потом исчез, как не было! За мной гнался всадник без головы... А потом один из... как ты их назвал?

– Нак-мак-Фигли, – повторил жаб. – Их ещё называют «пиксты». А сами они себя зовут маленьким свободным народцем^{10}.

– Так вот, один из них ударил головой лошадь! В лоб! И лошадь упала! А она была немаленькая!

– Очень похоже на Фиглей, – подтвердил жаб.

– Я дала им молока, а они опрокинули блюдце!

– Фиглям? Молока?!

– Ты же сам сказал, что они – пикси!^{11}

– Не пикси, а пиксты. И уж чего они не пьют, так это молока.

– Они явились из того же места, откуда Дженни? – спросила Тиффани настойчиво.

– Нет. Они взбунтовались.

– Взбунтовались? Против кого?

– Против всех. И всего, – ответил жаб. – А теперь подбери меня.

– Зачем ещё?

– Затем, что вон та женщина у колодца странно на тебя смотрит. Ради

всего святого, подбери меня и положи в карман передника.

Тиффани подхватила жаба с земли и улыбнулась деревенской матроне:

– Понимаете, я собираю раздавленных жаб.

– Какая ты умничка! – сказала женщина и поспешила по своим делам.

– Не смешно, – заявил жаб из кармана.

– Люди всё равно не слышат, что им говорят, – сказала Тиффани.

Она устроилась под деревом и достала жаба из кармана:

– Эти Фигли пытались стащить у нас пару яиц и барана. Но я заставила их всё вернуть.

– Тебе удалось заставить Фиглей вернуть украденное? – поразился жаб. – Они что, все заболели?

– Да нет... На самом деле они где-то даже любезно себя вели. И помогли мне по дому.

– Фигли?! Помогли по дому?! Да они никогда никому не помогают, ни по дому, ни вообще!

– А потом этот всадник без головы! – продолжала Тиффани. – У него головы напрочь не было!

– Ну, иначе бы его на эту работу не взяли, – сказал жаб.

– Скажи мне, что происходит? – попросила Тиффани. – Кто вторгается к нам? Фигли?

Жаб неуверенно замялся:

– Мисс Тик не хотела, чтобы ты ввязывалась в это дело. Она скоро вернётся, приведёт помощь...

– А она успеет вовремя? – упрямо спросила Тиффани.

– Не знаю. Может быть. Но ты лучше не...

– Я хочу знать, что творится!

– Она приведёт ещё кого-нибудь из ведьм, – сказал жаб. – Она считает, тебе не надо...

– Лучше расскажи мне всё, что знаешь, жаба, – проговорила Тиффани. – Мисс Тик здесь нет. А я – есть.

– Столкновение миров, вот что происходит. Нашего и чужого, – сказал жаб. – Теперь довольна? Но дело идёт быстрее, чем ожидала мисс Тик. Все чудовища возвращаются...

– Почему?

– А кто им помешает?

На мгновение воцарилось молчание.

– Я.

Глава 4

Маленький свободный народец

По пути на ферму ничего особенного не произошло. Небо оставалось голубым, овцы в загонах вроде бы не носились задом наперёд, в воздухе была разлита знойная пустота. Крысодав возился на тропинке, ведущей к задней двери, – он кого-то поймал и прижимал лапами. Завидев Тиффани, он подхватил добычу зубами и проворно шмыгнул за угол дома. Тиффани очень метко бросалась комьями земли.

Хорошо ещё жертва, которую он сжимал в зубах, не была синей и рыжеволосой.

– Только посмотри на него! – сказала Тиффани. – Жирный трусливый паршивец. Если б он только перестал ловить бедных птенчиков...

– Слушай, а у тебя, случайно, нет какой-нибудь шляпки? – спросил жаб. – Терпеть не могу вот так сидеть и ничего не видеть.

Тиффани с жабом в кармане вошла в молочню, где её обычно никто не трогал до вечера.

В кустах у двери раздались тихие голоса.

– Что крага грит?

– Вона хочет, чтоб кошакс не цапал мал-мал птах.

– И всё-то? Раскудрить! Да лехко!

Тиффани с величайшей осторожностью высадила жаба на стол.

– Что ты ешь? – спросила она, потому что знала: гостей положено угощать.

– Последнее время перебиваюсь червяками, улитками и всяким таким, – сказал жаб. – Пришлось привыкнуть. Хотя было непросто. Не переживай, если у тебя ничего подобного нет. В конце концов, ты ведь не ожидала в гости жабу.

– Молоко будешь?

– Очень любезно с твоей стороны.

Тиффани налила немного молока в блюдце и стала с интересом смотреть, как жаба ковыляет к нему по столу.

– Ты был прекрасным принцем? – спросила она.

– Ага. Может быть. Типа того, – ответил жаб, принимаясь лакать.

– А почему мисс Тик превратила тебя в жабу? – не унималась Тиффани.

– Кто? Она? Да ей такое не под силу, чтоб ты знала! Превратить человека в жабу так, чтобы он продолжал считать себя человеком, – это серьёзное волшебство. Нет, это не она, это фея-крёстная постаралась. Никогда не связывайся с дамочками, у которых есть такая палочка, а на палочке – звёздочка. Все они подлые, низкие твари.

– Но почему она тебя заколдовала?

Жаб засмутился.

– Не знаю, – признался он. – Я не очень-то хорошо помню, как это было. Просто знаю, что раньше я был человеком. Ну, или мне так кажется. На самом деле, меня от таких мыслей в дрожь бросает. Иногда просыпаюсь по ночам и думаю: а что, если я на самом деле никогда человеком не был? Что, если я всегда был жабой, а однажды чем-то досадил фее-крёстной,

и она заколдовала меня, заставив думать, что я бывший человек? Вот уж наказание, врагу не пожелаешь, верно? В смысле, если мне не в кого превращаться обратно... – Жаб поднял на Тиффани встревоженные жёлтые глаза. – Ведь это, должно быть, совсем несложно, задурить жабе голову, правда? Во всяком случае, куда легче, чем превратить сто шестьдесят фунтов человечины в восемь унций жабы, согласна?^[7] Ну, то есть я всё думаю: куда лишнее-то делось? То, что в остатке, оно как выглядит? Подумать даже страшно. Да, у меня имеется парочка-другая воспоминаний о том, как я был человеком, но что такое воспоминания? Они ведь только в голове. Почём мне знать, настоящие они или нет? Иногда, особенно если поужинаю несвежим слизняком, я от этих мыслей просыпаюсь по ночам с криком. То есть на самом деле с кваком, конечно. Спасибо за молоко, очень вкусно.

Тиффани молча смотрела на жабу.

– Знаешь, – проговорила она, – я и не думала, что магия – это так сложно.

– Трепых-пых-пых! Чирик-чик-чик! Ай-ай, бедный мал-мал я, чирик!

Тиффани кинулась к окну.

На дорожке возле дома суетился Фигль. На нём были крылышки из лоскутков и шапочка с клювом, кое-как сделанная из соломы. Ряженный Фигль носился кругами, хлопая «крыльями» и всячески изображая раненую птицу.

– Чирик-чирик! Трепых-пых-пых! Ой-ой, токо бы кис-кисун не прошмыгнул мимоходом! Ай-ай, я плак-плак птах! – верещал он.

Крысодав, злой рок всех птиц и птенцов, был тут как тут – подкрадывался к Фиглю по тропинке. Тиффани открыла было рот, чтобы закричать, но кот уже взвился в воздух и приземлился всеми четырьмя лапами прямо на маленького человечка.

Точнее, туда, где Фигль только что был. Человечек успел сделать сальто и оказался прямо у кота перед носом, после чего немедленно схватил зверя за уши.

– Ага! Подь сюды, кошакс мерзавый! Вот те за всех мал-мал птах, ты, чучундра грязнорыла! – И врезал коту головой по носу.

Крысодав перекувырнулся в воздухе, упал на спину и остался лежать. Глаза его съехались к носу. Оцепенев от ужаса, кот уставился на Фигля, который наклонился над ним и заорал:

– Чири-и-ик!!!

После такого Крысодав вдруг взвился в воздух, как это умеют только

коты, рыжей молнией метнулся по тропинке к дому, шмыгнул между ног Тиффани и забился под раковину.

Фигль, ухмыляясь, посмотрел ему вслед... и увидел Тиффани.

– Пожалуйста, не уходи!.. – начала она, но тот уже растворился в воздухе.

Тем временем по дорожке к дому торопливо спускалась мама. Тиффани едва успела спрятать жабу в карман передника.

– Где Винворт? – спросила мать. – Он вернулся домой? Ну же!

– А разве вы не взяли его с собой на стрижку, мама? – спросила Тиффани.

Ей вдруг стало очень не по себе. Паника сочилась из матери, будто струйки дыма.

– Его нигде нет! – чуть не плача, сказала мать. – Я отвернулась всего на минутку! Ты точно его не видела?

– Но он же не мог уйти сам так далеко...

– Иди и посмотри в доме! Живо!

Госпожа Болен поспешила дальше. Тиффани торопливо вынула жабу из кармана и посадила под раковину. Она слышала, как заколдованный жаб квакнул на Крысодава, и кот, ошалевший от всего пережитого, мохнатым вихрем вылетел из молочни.

Тиффани выпрямилась. За первую мысль, которая пришла ей на ум, ей тут же стало стыдно: «Он же так хотел посмотреть, как стригут овец! Как он мог потеряться! Там же были и мама, и Ханна, и Фастидия! Но так ли уж хорошо присматривали за братцем Ханна и Фастидия, когда вокруг все эти удалыцы-стригали?»

Тиффани попыталась сделать вид, будто этой мысли не было, однако её разум всегда был предательски внимателен, подмечая её ложь. Разум – это хорошо, вот только если бы он ещё не заходил мыслями туда, куда ему не велено...

Но Винворт никогда не пытался сбежать подальше от людей! От хижин стригалей до дома полмили пути! А Винворт ведь не может быстро ходить, проковыляет несколько шагов, шлёпается на попу и требует конфет!

Но если он и правда исчез, в доме станет немного поспокойнее...

Последняя мысль опять была гадкой и постыдной, и Тиффани постаралась прогнать её, занявшись поисками брата. Первым делом она отсыпала леденцов из кувшина и принялась бегать по комнатам, шурша кульком.

Она слышала, как по двору топают мужчины, вернувшиеся со стрижки

овец, но не обращала на это внимания, продолжая заглядывать под кровати и открывать дверцы шкафов, даже те, куда карапуз уж никак не мог бы забраться, а потом снова смотреть под кроватями, хотя уже смотрела там – потому что это был как раз тот случай, когда ищешь даже на чердаке, хотя чердак весь год заперт.

Несколько минут спустя во дворе раздались голоса – люди бегали там и звали Винворта на все лады. А потом Тиффани услышала, как папа сказал: «Посмотрите у реки!» – и поняла, что он тоже в отчаянии, потому что уж так далеко Винворт точно не мог уйти добровольно, его всегда требовалось подкупить, чтобы увести к реке. Он был не из тех детей, кто готов просто так взять и удалиться от источника сладкого.

Это всё ты виновата.

Мысль была холодной, как лёд.

Это всё ты виновата, ведь ты его никогда не любила. С тех пор как появился Винворт, ты перестала быть младшей в семье. И он таскался за тобой хвостом, и был обузой, и ты только и мечтала, чтобы его не было, верно? Вот он и пропал.

– Неправда, – тихо-тихо прошептала Тиффани. – Мы с ним... ладили.

Не слишком-то. И не всегда. Он не умел играть как надо и вечно не слушался. И ты то и дело думала, как было бы здорово, если б он пропал пропадом.

«И вообще, – мысленно добавила она, – невозможно всё время любить человека, у которого непрерывно течёт из носу. И всё же... Что, если...»

– Как бы я хотела отыскать моего брата, – сказала она вслух.

Похоже, это не возымело никакого действия. Но в доме было полно людей, и все кричали, хлопали дверьми и путались друг у друга под ногами. А Фигли, хоть у многих из них физиономии и смахивали на сжатые кулаки со множеством костяшек, были довольно застенчивы...

«Не надо хотеть, – сказала бы мисс Тик. – Надо делать».

Тиффани спустилась вниз. Оказалось, даже кое-кто из женщин, что должны были паковать шерсть в мешки в хижинах стригалей, вернулся на ферму. Они собрались вокруг матери, которая сидела за столом, заливаясь слезами. На Тиффани никто не обратил внимания. Так часто бывало.

Она мышкой прошмыгнула в молочню и наклонилась заглянуть под раковину... Дверь с грохотом распахнулась, в комнату влетел отец и резко остановился. Тиффани с виноватым видом обернулась.

– Его не может быть там, детка, – сказал папа.

– Ну, я... э... – промямлила Тиффани.

– Ты наверху смотрела?
– Даже на чердаке, пап.
– Что ж... – Отец глядел на неё с отчаянием и в то же время нетерпеливо. – Тогда иди и... поищи ещё где-нибудь.
– Хорошо, папа.
Когда дверь за ним закрылась, Тиффани снова всмотрелась в темноту под мойкой:
– Эй, жаб! Ты там?
– В помойном ведре, и поживиться нечем, – пожаловался тот, выбираясь на свет. – Уж больно ты заботишься о чистоте. Даже ни одного паука нет.
– У меня срочное дело! – рывкнула Тиффани. – Мой младший брат пропал. Среди бела дня! Выше по склону, где видно на много миль вокруг!
– О, брекекекс! – сказал жаб.
– Что?
– Это я... выругался по-жабьи. Извини, но...
– Как думаешь, в этом замешана магия? – перебила Тиффани. – Ведь замешана, правда?
– Надеюсь, что нет, – ответил жаб. – Но полагаю, что да.
– Это маленькие человечки украли моего брата?
– Что ты! Фигли не крадут детей!
В том, как жаб это сказал, Тиффани послышалось нечто подозрительное. Детей, значит, не крадут...
– Тогда кто забрал моего брата? – настойчиво спросила она. – Ты знаешь, кто это сделал?
– Нет. Но, может быть... – принялся юлить жаб. – Послушай, мисс Тик строго наказала мне, чтобы ты не...
– Моего брата похитили, – отрезала Тиффани. – Прикажешь мне сидеть сложа руки?
– Нет, но...
– Вот и ладно. Где сейчас Фигли?
– Попрятались, наверное. Тут ведь полно людей, которые обшаривают каждый уголок, но...
– Что мне сделать, чтобы они вернулись? Они нужны мне!
– Гм, мисс Тик сказала...
– Как их вернуть?
– Ты правда хочешь, чтобы они вернулись? – сокрушённо спросил жаб.
– Да!
– Просто обычно люди хотят совсем другого, – пояснил жаб. –

Пиксты – это тебе не домовые. Если в доме завелись Фигли, остаётся только убраться восвояси. – Он вздохнул. – Скажи, твой отец выпивает?

– Иногда он пьёт пиво, – сказала Тиффани. – А при чём тут это?

– Только пиво?

– Ну, есть ещё то, что папа зовёт особой овечьей притиркой, только мне вроде как не полагается о ней знать, – призналась Тиффани. – Бабушка делала её в старом хлеву.

– А она крепкая, эта притирка?

– В ней ложки растворяются. Папа держит её для особых случаев. Он говорит, что это пойло не для женщин, потому что от него волосы на груди растут.

– Тогда, если ты правда хочешь найти Нак-мак-Фиглей, раздобудь немного этой выпивки, – посоветовал жаб. – И они явятся, вот увидишь.

Тиффани управилась за пять минут. Трудно что-то утаить от ребёнка с хорошим зрением, так что она знала, где хранятся бутылки, и утащила одну. Бутылка была плотно заткнута, под пробку подложена тряпица, но пробка была старая, и Тиффани удалось подцепить её кончиком ножа. От запаха у неё заслезились глаза.

Тиффани наклонилась налить немного золотисто-коричневой жидкости в блюдце.

– Нет! – крикнул жаб. – Так они затопчут нас до смерти. Просто не затыкай бутылку.

Пары поднимались над бутылкой волнами, как горячий воздух над камнями в знойный день.

Тиффани почувствовала, как в полутёмной прохладной комнате сгустилось напряжение, и села на табурет для дойки.

– Ладно, – сказала она. – Можете показаться.

Их были сотни. Они вылезали из-под вёдер. Спускались с потолочных балок по верёвкам. Воровато выбирались из-за полок для сыров. Выползали из-под мойки. Появлялись из таких мест, где, казалось бы, никак не мог бы остаться незамеченным человек с волосами, пылающими, как сверхновая.

Все они были не выше шести дюймов ростом, все синекожие, хотя трудно было сказать, это их природный цвет или всё дело в татуировках, которые покрывали пикстов с головы до пят. Все носили короткие килты, на некоторых красовались и другие детали одежды вроде тесных кожаных жилеток. Кое-кто щеголял в шлемах из кроличьих или крысиных черепов. И у каждого за спиной висел меч. Мечи были ненамного меньше своих хозяев.

Но прежде всего Тиффани бросилось в глаза не всё это, а то, как они её боятся. Большинство упрямо таращилось на свои ноги, а это было зрелище не для слабонервных, ибо ступни у Фиглей были большие, грязные, обмотанные звериными шкурками в качестве весьма посредственной замены башмакам. И никто не смел поднять на неё глаза.

– Это вы наполнили ведра водой? – спросила Тиффани.

Раздалось множественное шарканье, покашливание, и нестройный хор ответил:

– Ах-ха.

– И дровяной ящик?

– Ах-ха, – снова вразнобой донеслось снизу.

Тиффани сердито оглядела собрание:

– А баран – ваших рук дело?

Тут уж потупились все поголовно.

– Почему вы украли барана?

В толпе принялись толкаться и пихаться, пока не выдавили вперёд одного человечка. В руках он смущённо вертел свой шлем – кроличий череп.

– Мы жратс хотели, – сказал Фигль. – Мы не бум-бум, что ме-зверь твоя. А как бум-бум, быро его взад.

Пиксты выглядели такими виноватыми, что Тиффани стало жаль их.

– А, значит, вы украли его только потому, что были голодны? А иначе бы не стали воровать? – спросила она.

Фигли обменялись сотнями удивлённых взглядов.

– Мы б всё одно тырили, хозяйка, – сказал за всех тот, что крутил в руках шлем.

– Всё равно воровали бы? – Тиффани не смогла скрыть изумления, и говоривший оглянулся на своих товарищей в поисках поддержки.

– Да, хозяйка. Мы токо так. Все бум-бум: мы тырим. То слава! Ах-ха, ребя? Чё для нас самолучшее?

– Тыркс-лямзь! – дружно заорали синие человечки.

– А ишшо?

– Дракс-передракс!

– А ишшо?

– Пойло жракс!

– А ишшо?

На сей раз пикстам потребовалось некоторое время на размышление, но вскоре у всех был готов один ответ:

– Пойло жракс, морда дракс!

– А что ж ишшо-то... – пробормотал обладатель кроличьего шлема как бы про себя. – Ах-ха! А ну-кась, ребя, пусть карга бум-бум!

– Тыркс, дракс, пойло жракс! – радостно грянули Фигли.

– А ну, сказаните карге, кто мы такие, ребя?

Множество крохотных мечей взметнулись в воздух.

– Нак-мак-Фигли, нах! Долой Королька! Долой Кральку! Долой господавов! Нас ужо не окрутнёшь!

Тиффани сердито оглядела их. Все Фигли напряжённо смотрели на неё, не зная, что она будет делать дальше. Чем дольше тянулось молчание, тем больше они нервничали. Пиксты смущённо опустили мечи.

– Но мы признаём могучу каргу, если только не нахрюксаемся вышкрыщ, – добавил тот, что всё теребил в руках шлем. От волнения он принялся вертеть череп быстрее прежнего и не сводил глаз с бутылки. – Ты нам подмогнёшь?

– Помочь вам? Я думала, вы поможете мне! – сказала Тиффани. – Кто-то похитил моего брата среди бела дня!

– Ой-ёи-ёи-ёи! – завопил Фигли. – Горе, горе! Мы опоздали, она ужо тута со своими о'чарами! Кралька тута!

– Никаких кралей тут не было! – сказала Тиффани.

– Они имеют в виду Королеву, – вмешался жаб. – Королеву м-м-м...

– Пасть затыкни! – рявкнул Фигли со шлемом, но его голос утонул в общем вое.

Фигли катались по полу, рвали на себе волосы, причитали: «Ой-ёи! Раскирдькс-беда!» Жаб и шлемоносец о чём-то жарко спорили, и каждый старался перекричать остальных...

Тиффани встала:

– Все замолчали, живо!

Пала тишина, лишь несколько запоздалых всхлипов и «Ой-ёи!» донеслось из задних рядов.

– Мы просто шмыг-шмыг свой удел, хозяйка, – сказал шлемоносец.

Когда Тиффани прикрикнула на них, он присел от страха, да так и остался стоять на полусогнутых.

– Нашли место! – возмутилась Тиффани. – Это молочня! Здесь должно быть чисто!

– Гм, он хотел сказать, что они оплакивали свою судьбу, – перевёл жаб.

– Тамушта раз Кралька здесь, наша кельда^{12} скоро будет слаб-слаба! На кого ж мы останемся? Кто по-за нами будет зырить?

«Кто за нами присмотрит», – мысленно перевела Тиффани. Толпа маленьких забияк, каждый из которых мог бы претендовать на приз

за самый переломанный нос, нуждалась, чтобы за ними кто-то присматривал.

Она глубоко вздохнула.

– Моя мама сидит на кухне и плачет, – сказала Тиффани. – И...

«И я не знаю, как её утешить, – добавила она про себя. – Не сильна я в этом. Никогда не могу подобрать слова».

– И хочет, чтобы мой брат вернулся. Гм. Очень хочет. – И добавила скрепя сердце: – Она любит его больше всех.

Тиффани ткнула пальцем в шлемоносца, который испуганно попятился:

– Но сначала вот что. Я не могу больше звать тебя про себя «тот, со шлемом». Как твоё имя?

Фигли дружно ахнули, и кто-то прошептал:

– Точняк карга! Токо карга так спросит!

Обладатель шлема испуганно поднял взгляд.

– Я – Большой Человек нашего клана, – сказал он. – И моё имя... – он нервно сглотнул, – Явор Заядло Фигль. Токо, пжлста, не пользуйвай его спротив мя!

Жаб с готовностью пояснил:

– Они думают, что имена имеют волшебную силу. И держат их в тайне, чтобы никто не мог записать.

– Ах-ха, особливо в о-фи-ци-яль-ных бумагах, – кивнул Фигль.

– В повестках типатого! – добавил кто-то.

– И под словом «разыскивается»!

– Ах-ха, ишшо в счетах и показаниях!

– И в залоговых описях!

При одной мысли обо всех этих страшных бумагах Фигли бледнели и испуганно переглядывались, ища поддержки.

– Они верят, будто написанное имя обладает даже большей магической силой, – прошептал жаб. – Боятся слов на бумаге. Видишь их мечи? Они начинают светиться голубым, если поблизости появляются законники^{13}.

– Ладно, – сказала Тиффани. – Идём дальше. Я обещаю не писать его имя. А теперь расскажите мне про эту Королеву, которая похитила Винворта. Что ещё за Королева, кем она правит?

– Низзя грить, хозяйка, – ответил Явор Заядло. – Она слышает, когда её зовут, и приходит.

– Так и есть, – подтвердил жаб. – И поверь мне, ты не хочешь с ней встречаться.

– Она что, плохая? – спросила Тиффани.
– Хуже. Зови её просто Королева.
– Ах-ха, Кралька. – Явор Заядло смотрел на Тиффани с тревогой. – Ты не бум-бум про Кральку? И ты – отпрыкс Ма Болен, у кой эти холмы в костях? Ты не бум-бум путей? Она не показала те? Так ты не карга? Как так? Ты ж шандаракснула зелён-бошку, ты зырила Всаднику Без Бошки в глаза, каких нет?

Тиффани натянуто улыбнулась ему и шёпотом спросила у жаба:

– Кто кого бум? И что такое «отпрыкс Ма Болен»?
– Насколько я понял, – ответил жаб, – они удивляются, что ты ничего не знаешь про Королеву и, э... магические пути, при том что ты внучка матушки Болен и не испугалась чудовищ. «Отпрыкс» значит отпрыск, потомок.

– А кто кого бум-то?

– Забудь, не до того, – прошипел жаб. – Они думают, что матушка Болен научила тебя всему, в смысле, магии. И, э... поднеси меня к уху, пожалуйста. – Тиффани послушалась, и он прошептал: – И лучше их не разочаровывать, ага?

Тиффани обмерла.

– Но бабушка никогда не рассказывала мне ни о чём волшеб... – Она осеклась.

Да, матушка Болен и правда ни слова не говорила ей о чудесах. Но она каждый день творила чудеса так, что все это видели.

Однажды, давным-давно, случилось так, что лучшая собака барона загрызла овцу на глазах у людей. Неудивительно, ведь это был охотничий пёс, он случайно выскочил на пастбище, овца побежала, он и погнался...

Барон знал, что полагается за вред, причинённый овцам. На Меловых холмах были древние неписанные законы. Никто уж и не помнил, кто их придумал, но закон на такой случай знали все: собаку, которая загрызла овцу, убивают.

Но этот пёс стоил аж пять сотен золотых, и потому барон, как гласит легенда, послал своего слугу к кибитке матушки Болен. Старуха сидела на ступеньке, покуривала трубочку и смотрела на овцу вдалеке.

Человек барона подъехал к кибитке на лошади, не соизволив спешиться. Не стоит так делать, если не хочешь попасть в немилость к матушке Болен. Подковы портят дёрн. Она этого не любит.

Слуга сказал:

– Барон повелевает тебе изыскать способ спасти его пса, госпожа Болен. В награду за это он даст тебе сотню серебряных монет.

Матушка Болен долго молчала, с улыбкой разглядывая горизонт и попыхивая трубочкой. Потом промолвила:

– Кто восстанет против своего господина, того повесят. Кто с голоду украдёт овцу своего господина, того повесят. Таков закон холмов, а мел холмов – у меня в костях. Кто таков барон, чтобы заради него закон рушить?

– Барон – хозяин этой земли, – сказал слуга. – И это его закон.

И тогда матушка Болен посмотрела на него так, что тот поседел. Так говорят. Истории о матушке Болен всегда немного сказочные.

– А коли это его закон, как ты говоришь, – сказала она, – так пусть барон плюёт на него, и посмотрим, что из этого выйдет.

Несколько часов спустя барон прислал к матушке Болен своего управляющего. Тот был человеком куда более важным, чем давешний слуга, но знал матушку дольше.

– Госпожа Болен, – сказал он, – барон просит тебя оказать ему услугу. Люди прислушиваются к тебе, так что ты можешь спасти его пса. А барон с радостью отблагодарит тебя за помощь полусотней золотых. Уверен, все останутся довольны.

Матушка некоторое время курила, разглядывая новорождённых ягнят, а потом ответила:

– Ты говоришь за своего господина. Господин твой заступается за своего пса. А кто заступится за холмы? Где твой барон, чтобы заради него закон рушить?

Рассказывают, что, когда барону передали ответ матушки, он не сказал ни слова. Но, пусть он и был человеком высокомерным, заносчивым и порой безрассудным, глупцом он не был. И тем же вечером он пешком поднялся к кибитке и сел возле неё на траву.

Помолчав, матушка Болен спросила:

– Что привело тебя ко мне, господин мой?

– Матушка Болен, пожалуйста, спаси мою собаку, – сказал барон.

– А ты принёс золото? Аль серебро? – спросила матушка Болен.

– Нет, – ответил барон. – Ни золота, ни серебра.

– Хорошо. Закон, который можно перебороть золотом аль серебром, – никудышный закон. И что же?

– Я прошу тебя, матушка Болен.

– Хочешь перебороть закон силой слова?

– Да, матушка Болен, этого и хочу.

Говорили, матушка Болен долго любовалась закатом, прежде чем ответила:

– Видишь вон тот старый каменный хлев ниже по склону? Приходи туда завтра на рассвете, и посмотрим, можно ли старого пса научить новым трюкам. Каждый получит по заслугам. Спокойной тебе ночи.

Наутро чуть не вся деревня собралась возле старого каменного хлева. Матушка Болен приехала на небольшой телеге с фермы и привезла с собой овцу с новорождённым ягнёнком. Она завела их в хлев.

Люди барона привели пса. Пёс рычал и огрызался после ночи на цепи в сарае и пытался укунить дюжих мужиков, которые вели его на двух кожаных поводках. Пёс был косматый. И клыкастый.

Барон приехал верхом, и с ним был управляющий. Матушка Болен кивнула им и распахнула дверь хлева.

– Хочешь запереть в одном хлеву пса и овец, госпожа Болен? – спросил управляющий. – Чтобы пёс придушил ягнёнка?

Смех быстро стих. Люди не очень-то жаловали управляющего.

– Посмотрим, – только и сказала матушка Болен.

Люди барона подтащили пса к хлеву, втолкнули его внутрь и быстро захлопнули дверь. Все бросились к маленьким оконцам.

Заблеял ягнёнок, зарычал пёс, подала голос мать-овца. Но это было не обычное овечье блеяние. От её крика волосы вставали дыбом.

Что-то ударилось о дверь, да так, что она едва не слетела с петель. Пёс отчаянно взвизгнул.

Матушка Болен взяла Тиффани на руки и поднесла к окну.

Пёс весь дрожал. Он пытался подняться, но не успел – овца снова ударила его, всеми своими семьюдесятью разъярёнными фунтами, словно хотела забодать.

Матушка Болен опустила внучку на землю и раскурила трубку. Она мирно попыхивала табачком, а хлев за её спиной трясся и содрогался, собака скулила и визжала.

Через минуту-другую матушка кивнула людям барона. Те распахнули дверь.

Пёс вышел, хромой на три лапы, и не успел уковылять далеко – овца вылетела за ним и поддала так, что он упал и остался лежать. Возможно, понял, что вставать лучше не пытаться.

Матушка Болен снова кивнула, и овцу затолкали обратно в хлев.

Барон смотрел на всё на это разинув рот.

– Он загрыз дикого вепря весной, – сказал он. – Что ты с ним сделала?

– Он поправится, – сказала матушка Болен, старательно обойдя

вопрос. – Пострадала-то больше его гордость. Но он ни в жизнь теперь не сунется к овце, вот те палец. – Она лизнула свой большой палец и подняла его, повернувшись к барону.

Поколебавшись лишь мгновение, барон сделал то же самое и, свесившись с седла, прижал свой большой палец к пальцу матушки. Все знали, что это значит. На Меловых холмах, когда сделку скрепляют на пальцах, нарушить её никак нельзя.

– По твоему слову был нарушен закон, – сказала матушка Болен. – Вспомнишь ты этот день, когда будешь править суд? Однажды придётся вспомнить.

Барон кивнул.

– Вот и ладно, – сказала матушка Болен и опустила палец.

На следующий день барон оплатил матушке Болен золотом. Точнее, золотой фольгой, в которую была завёрнута унция «Весёлого капитана», вонючего и крепкого табака. Матушка курила только это зелье и очень переживала, если бродячие торговцы долго не заходили в деревню и её запасы подходили к концу. Чтобы подкупить матушку Болен, не хватило бы всего золота в мире, но унции «Весёлого капитана» было вполне достаточно, чтобы привлечь её внимание.

С тех пор жить сделалось намного легче. Управляющий стал уступчивей, когда подходил срок выплат, и барон обращался с людьми более вежливо. А однажды поздно вечером, после второй кружки пива, отец Тиффани сказал маме: барон, мол, теперь знает, что бывает, когда у овец кончается терпение, и скоро всё может очень даже измениться. Мать шикнула на него, чтобы не говорил такого – мало ли кто услышит.

А как-то раз отец тихо сказал маме: «Это старый фокус, все пастухи его знают. За своего ягнёнка овца будет сражаться как лев».

Вот как это было сделано. Никакой магии. Но там и тогда это было чудо. И чудо не перестаёт быть чудом, когда узнаёшь, как оно было сотворено.

Нак-мак-Фигли, ожидая ответа, смотрели на Тиффани, лишь изредка бросая хищные взгляды на бутылку особой овечьей притирки. «Я ведь до сих пор даже не нашла дорогу в школу ведьмовства, – подумала Тиффани. – Я не знаю ни одного заклинания, у меня и шляпы-то нет. Всё, что я умею делать лучше других, – это варить сыры и спокойно думать, когда все остальные мечутся и вопят от ужаса. Ах да, ещё у меня есть жаба.

И я не понимаю и половины из того, что говорят эти человечки. Но они знают, кто похитил моего брата.

Почему-то мне кажется, что барон не догадывается, где его искать. Я, правда, тоже не догадываюсь, но, очень может быть, в моей недогадливости больше смысла».

– Я... многое помню о матушке Болен, – сказала она наконец. – Что мне делать?

– Нас послала кельда, – сказал Явор Заяadlo. – Она чуёт, Кралька близко. Кельда кумексает, всем кирдыкс скоро. Она и грит – сыскните каргу. Карга бум-бум, что делать.

Сотни глаз с надеждой таращились на Тиффани. Некоторые Фигли носили перья в волосах и ожерелья из кротовых зубов на шее. Очень трудно, глядя в глаза человеку, у которого половина лица тёмно-синего цвета, а за спиной висит меч размером с него самого, признаться, что ты – не ведьма. Страшно разочаровывать таких собеседников.

– И вы поможете мне вернуть моего брата? – спросила Тиффани.

Фигли продолжали таращиться на неё всё с тем же выражением. Она решила попробовать иначе:

– Так вы поможете мне выкрасть моего брата у Королевы?

Сотни маленьких жутких морд расцвели улыбками.

– Ах-ха, от ща ты гришь по-нашенски, – заявил Явор Заяadlo.

– Э... не совсем, – сказала Тиффани. – Подождите минутку, хорошо? Мне надо собраться в дорогу, – добавила она, старательно притворяясь, будто знает, что делает.

Тиффани выбежала на кухню, схватила мешок, бросила туда бинты и какие-то мази из домашней аптечки, добавила бутылку особой овечьей притирки (отец всегда говорил, что она придаёт ему сил). Подумав, взяла ещё «Болезни овец» и сковородку. То и другое могло пригодиться.

Когда она вернулась в молочню, маленьких человечков нигде не было видно.

Надо объяснить родителям, что случилось, понимала Тиффани. Только ничего не получится. Скажут, «детские фантазии». И вообще, если повезёт, она вернётся с Винвортом даже раньше, чем её хватятся. Но на всякий случай...

Тиффани вела дневник молочни. Сыры любят учёт, и она записывала, сколько масла сбила, сколько молока влила...

Она открыла чистую страницу, взяла карандаш и, высунув кончик языка, стала писать.

Постепенно снова объявились Нак-мак-Фигли. Они не показались из укрытий и уж точно не возникли из воздуха. Они просто сделались видимыми. Так в облаке или пламени, если приглядеться, медленно

проступают лица. То есть, чтобы увидеть их, нужно долго-долго смотреть и хотеть их увидеть.

Нак-мак-Фигли со священным трепетом следили за движениями карандаша.

– Зырь, шкрябалка – тудым-судым, тудым-судым... О как! Карга колдунствует!

– Ах-ха, она шибко ловко шкряб-шкряб!

– Но ты ж не шкрябашь наши имена, а, хозяйка?

– Ах-ха, так ведь могут и турьма сажать, если кто про кого чего нашкрябит.

Тиффани дописала и зачитала записку вслух:

Дорогие мама и папа!

Я ушла искать Винворта. Со мной наверняка точно наверное всё будет хорошо, потому что я иду не одна, а с друзьями знакомыми теми, кто знал матушку Болен.

PS: если я не вернусь до завтра, переверните, пожалуйста, сыр на третьей полке.

Целую, Тиффани

Она посмотрела на Явора Заядло, который забрался по ножке стола и нервно наблюдал за карандашом – должно быть, чтобы тот не написал чего лишнего.

– Что ж вы сразу не пришли ко мне? – спросила Тиффани.

– Да мы ж не бум-бум, кого ищем, – ответил Явор Заядло. – Тут у вас вокруг дома пропасть сколько верзуний шастит. А вот кык ты зацапала Тупа Вулли, мы-то и скумекснули, кто тут карга.

– Совершенно не обязательно было воровать барана и яйца, – строго сказала Тиффани.

– Дыкс они ж не тук-тук гвоздьями, хозяйка! – заявил Явор Заядло таким тоном, будто это оправдывало кражу.

– Яйца гвоздями не прибить! – прикрикнула Тиффани.

– Ах-ха, а тебя на мяк-мяк не проведёшь! – прищурился Фигль. – Ну, ты уже нашкорила, давай быр-быро шасьт. Подметальник есть?

– Помело, – перевёл жаб.

– Э, нет... – Но Тиффани вдруг посетило вдохновение. – Главное в магии, – наставительным тоном сказала она, – это понимать, когда не нужно её использовать.

– Тож хлеб. – Явор Заядло съехал по ножке стола обратно на пол. – А ну, подь сюдыть, Туп Вулли!

Вперёд вышел пикст, подозрительно похожий на одного из утренних похитителей яиц.

– Давай, ступай на нас, карга, – сказал Явор Заядло.

Прежде чем Тиффани успела что-то ответить, жаб тихо успокоил её:

– Один пикст легко поднимает взрослого человека. – Он говорил краешком рта, благо жабий рот имеет весьма обширные края. – Ты их не раздавишь, даже если захочешь.

– В мыслях такого не было!

Тиффани приподняла ногу в огромном башмаке. Туп Вулли подбежал, и она осторожно наступила на него. Фигль оказался надёжной опорой. С таким же успехом можно было наступить на кирпич.

– А таперя другой башмакс! – сказал Явор.

– Я же упаду!

– Нае, мы ловки таскать громазды тушки!

И вот Тиффани уже стоит на двух пикстах. Носильщики поёрзали, принаравливаясь к весу, но аккуратно, так что она не потеряла равновесия. Стоять на Фиглях было легко. Как будто подошвы башмаков просто сделались очень толстыми.

– Ехай! – крикнул Явор снизу. – И не волнувайся, твой кошакс не будет нямить птах! Два-три ребя бу тута, шоб за ними зырить!

Крысодав крался по ветке. Он с трудом усваивал новое. Зато без труда находил гнёзда. Котяра расслышал чирикание аж с дальнего конца сада, а оказавшись у дерева, разглядел три жёлтых клювика, высывавшихся из гнезда. Он стал подбираться к ним, дрожа хвостом от предвкушения... Сейчас...

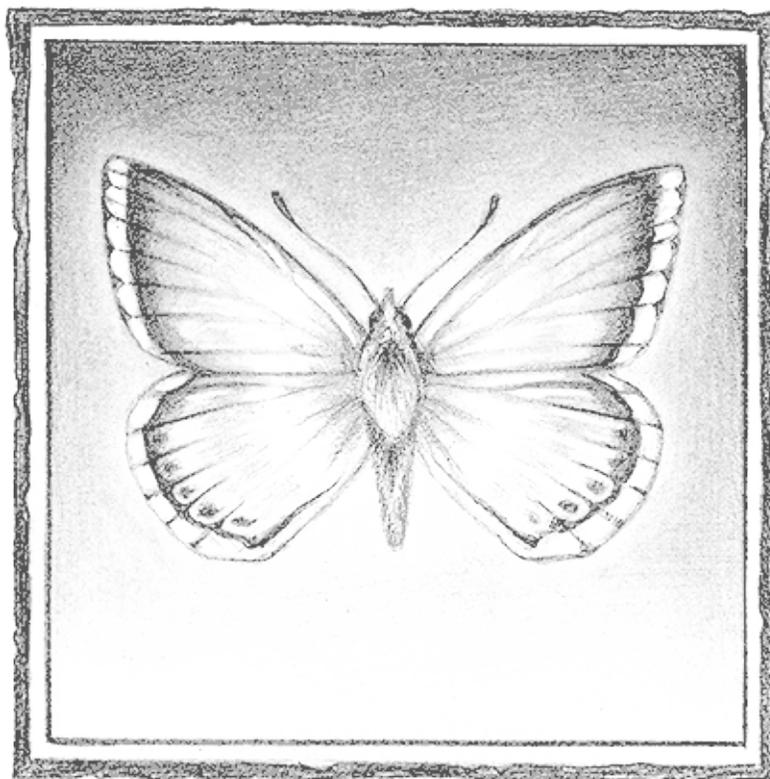
Трое Нак-мак-Фиглей сбросили соломенные шапочки с клювами и радостно ухмыльнулись ему в морду.

– Привет, котява! – заявил один. – Чё, совсем туп-туп, на ус не мотай, да? ЧИРИ-И-ИК!!!

Глава 5

Зелёное море

Тиффани, не шевеля ногами, летела в нескольких дюймах от земли. Ветер свистел у неё в ушах. Фигли, не сбавляя шага, проскочили верхние ворота фермы и помчались по холмам.

Вот девочка, она летит. Вот жаба, она сидит у девочки на голове, вцепившись в её волосы.

А теперь поднимемся выше, так, чтобы видеть китовьи спины холмов. И вот девочка уже всего лишь светло-голубое пятнышко в необъятном море травы, оципанной овцами так коротко, что оставшаяся зелень не длиннее ворса ковра. Но зелёное море не везде имеет первозданный вид. Тут и там отметились люди.

В прошлом году Тиффани отдала три морковки и яблоко за полчаса геологии. Правда, одну морковку она отработала обратно, объяснив учителю, что писать на вывеске «Гиалохия» – неправильно. Тот учитель рассказал, как получился мел: когда-то, миллионы лет назад, в здешних

краях было море, и мел – это остатки крохотных раковин моллюсков.

Тиффани была готова в это поверить. На Меловых холмах часто попадались маленькие ракушки. Но откуда тогда взялся кремь? Об этом учитель мало что мог рассказать. Почему среди мела и известняка, самого мягкого камня на свете, попадаются куски кремня, который твёрже стали? Пастухи иногда делали ножи, раскалывая одним кремнём другой, и такой нож был куда острее железного.

А когда-то, во времена, которые на Меловых холмах звали давнишними, люди копали ямы и складывали туда кремь. Ямы сохранились до сих пор – глубокие рытвины в зелёных округлостях холмов, заросшие терновником и ежевикой.

А ещё люди холмов до сих пор находили большие шишковатые куски кремня, когда вскапывали грядки. Порой это были булыжники размером с человеческую голову. Да они зачастую и походили на головы. То есть они были настолько неровными, бугорчатыми и причудливыми, что в них при желании можно было разглядеть что угодно: лицо, сказочного зверя, чудище морское. Самые интересные куски кремня хозяева огородов выставляли на всеобщее обозрение, чтобы соседи могли оценить.

Старики звали эти булыжники «мелятки», то есть «дети мела». А Тиффани всегда чудилось в них нечто... странное. Словно камень мучительно старался ожить. Некоторые кремни выглядели как куски мяса, или костей, или прочего товара из мясной лавки. Как будто в темноте морских глубин мел пытался лепить живых созданий.

Но кавернами в известняке дело не ограничивалось, были в холмах и другие следы давнего пребывания человека. Тут и там попадались огромные валуны, выстроенные в круг, и могильные курганы, похожие на зелёные фурункулы. Говорили, в курганах покоятся древние вожди и сокровища. Никому и в голову не приходило раскопать их и проверить.

А ещё были огромные меловые фигуры^{14}. Пастухи, бродя со стадами, от нечего делать убирали с них сорняки, чтобы белые контуры не зарастали. Слой почвы на холмах был совсем тонкий, всего несколько дюймов. Под ним начинался мел. Отпечаток подковы, сковырнувшей дёрн до самого мела, мог держаться несколько месяцев. А эти силуэты держались тысячи лет. Они изображали лошадей и великанов, но странное дело – откуда ни посмотри, видно было плохо. Казалось, неведомые художники прошлого рассчитывали, что их творениями будут любоваться с высоты птичьего полёта.

И ещё в холмах были места с дурной славой. Например, Старая

Кузня^[15]. Кто-то когда-то пристроил четыре огромных каменных плиты на склоне кургана так, что получилось нечто вроде хижины, наполовину вросшей в землю. Кузня была длиной всего несколько шагов. Казалось бы, ничего особенного, но если заглянуть в неё и прокричать своё имя, пройдёт несколько мгновений, прежде чем оно вернётся к тебе эхом.

Люди оставили свои следы повсюду. Меловые холмы были очень важным местом.

Тиффани и Фигли миновали хижины стригалей и помчались дальше вверх по склону. Никто не обратил на них внимания. Стриженным овцам не было никакого дела до девочки, которая неслась мимо, не касаясь земли.

Здесь начинались настоящие холмы, где лишь блеяние ягнят и крики канюков изредка нарушали деловитую тишину, наполненную жужжанием пчёл, дыханием ветерка и шелестом травы, растущей по тонне в минуту.

Слева и справа от Тиффани, рассыпавшись неровной цепью, целеустремлённо бежали Нак-мак-Фигли.

Они без остановок миновали несколько курганов, не сбавив шагу, оставили позади несколько распадков. И тогда Тиффани увидела впереди знакомое место.

То есть сначала она увидела небольшое стадо овец. Всего несколько остриженных овечек. К этому месту сбредались те, кто отбил от стада, и ягнята, потерявшие мать, тоже находили дорогу сюда.

Это было волшебное место.

Хотя смотреть тут теперь стало особенно не на что. Четыре колеса, вросшие в землю, да старенькая железная печка с короткой трубой – вот и всё, что осталось.

В тот день, когда матушка Болен умерла, пастухи сняли дёрн вокруг её кибитки и осторожно убрали его в сторону. Потом вырезали могилу в шесть футов^[8] глубиной и шесть длиной, вынимая мел большими влажными плитами.

Гром и Молния молча наблюдали за ними, не лаяли и не скулили. Казалось, овчарки вовсе не грустят и с интересом ждут, что будет дальше.

Матушку Болен завернули в шерстяное одеяло и приколотили к нему клочок овечьей шерсти. Так было заведено среди пастухов. Если вдруг умершему встретится какой-нибудь бог, то поймёт: перед ним – пастух, который всю жизнь провёл в холмах, и за хлопотами с ягнятами и прочим у него вечно не хватало времени толком помолиться, в холмах и всяких храмов-

церквей-то нет. Пастухи лишь надеялись, что бог или боги войдут в их положение и будут благосклонны к покойнику. А матушка Болен, надо сказать, сроду никому и ни о чём не молилась. И даже теперь все признавали, что у неё хватало забот поважнее, – эти боги, они ведь даже не понимают, как важно помочь овце объегниться.

Потом меловые плиты уложили сверху. И вот кости матушки Болен, которая всегда говорила, что мел холмов у неё в костях, упокоились в этом самом меле.

После похорон бабушкину кибитку сожгли. Обычно такого не делали, но отец сказал, что ни один пастух холмов не станет жить в этой кибитке.

Гром и Молния не шелохнулись, когда их позвали, однако у отца хватило ума смириться и оставить их сидеть возле тлеющих углей. У овчарок был такой вид, словно они одобряют происходящее.

На следующий день, когда зола остыла и ветер размёл её по обнажённому известняку, люди вернулись и бережно положили снятый дёрн на место. Теперь единственное, что осталось на виду, – это колёса кибитки на осях и старая пузатая печка.

И тогда – рассказывали все – Гром и Молния вдруг навострили уши, встали и потрусил прочь. Больше их никто не видел.

Пиксты замедлили бег, и Тиффани замахала руками, чтобы не упасть, когда её поставили в траву. Овцы лениво отошли на несколько шагов, обернулись и посмотрели на неё.

– Почему мы остановились? – спросила Тиффани. – И почему здесь? Нам надо спешить, чтобы догнать... ну, её.

– Надеть ждать Хэмиша, хозяйка, – объяснил Явор.

– Зачем? Кто такой этот Хэмиш?

– Он, мож, видал, по каковскому путиу Кралька унесла твоего мал-мал братца, – успокоил её Фигль. – Низзя ж наобум переть.

Большой бородатый пикст поднял руку:

– Имею сказануть, Человек Кельды. Наобум переть мона. Мы всегда наобум впираем.

– Вернякс, Громазд Йан. Но надеть бум-бум, на каковский обум переть. Низзя переть на какой попало. А то придётся выпирать взад, раскудрить.

Тиффани заметила, что все Фигли, забыв про неё, таращатся в небо.

Это было непонятно и обидно. Тиффани сердито села на одно из вросших в землю колёс и тоже стала глядеть в небо – всё лучше,

чем смотреть вокруг. Где-то здесь могила матушки Болен, хотя теперь никто уже не мог бы сказать, где именно. Трава, когда дёрн вернули на место, вскоре ожила.

В небе виднелась пара-другая маленьких облаков и ничего больше. Разве что вдали кружили канюки.

Над Меловыми холмами всегда парили канюки. Пастухи звали их «цыплята матушки Болен». А облачка вроде тех, что были сегодня, они называли «ягнятами матушки Болен». И отец Тиффани, когда гремел гром, говорил, что это матушка Болен ворчит.

А ещё поговаривали, что, когда зимой за стадом повадятся ходить волки или лучшая овца потеряется, кое-кто из пастухов шёл туда, где когда-то стояла кибитка, и приносил унцию «Весёлого капитана» – так, на всякий случай...

Тиффани, поколебавшись, закрыла глаза. Я хочу, чтобы это было правдой, сказала она про себя. И я хочу знать, что другие люди верят: она всё ещё здесь...

Она заглянула под широкий ржавый обод колеса и вздрогнула: там был маленький свёрток в яркой обёртке. Тиффани подобрала табак. Свёрток казался довольно новым, вряд ли он пролежал здесь больше нескольких дней. На обёртке широко улыбался сам Весёлый Капитан с огромной бородицей и в огромной жёлтой зюйдвестке, и столь же огромные синие волны разбивались о берег позади него.

Тиффани узнала о море благодаря обёрткам «Весёлого капитана». Ей объяснили, что море – оно большое и грохочет. В море есть башня, называется – «маяк». На её вершине всегда горит яркий огонь – так нужно, чтобы лодки и корабли не разбивались о скалы. На картинках луч маяка всегда был ослепительно-белым. Тиффани столько думала обо всём этом, что порой видела море во сне и просыпалась от оглушительного шума волн.

Однажды она услышала, как её дядя сказал: если перевернуть «Весёлого капитана» вверх тормашками, то часть его шляпы, ухо и кусочек воротника сложатся в раздетую женщину. Но Тиффани так и не удалось её увидеть, да она и не понимала, что в этом такого.

Она вытащила обёртку и понюхала её. Бумага пахла бабушкой, и на глаза Тиффани навернулись слёзы. Они ни разу не всплакнула по бабушке до этой минуты. Она плакала, когда умирали ягнята, плакала, когда случалось порезать палец, плакала о том, что не может идти своим путём, но бабушку она не оплакивала. Это казалось неправильным.

«И вот теперь я плачу, – подумала она, бережно пряча обёртку

в карман передника. – Но не потому, что бабушка умерла...»

Это всё запах... От матушки Болен пахло овцами, скипидаром и «Весёлым капитаном», три запаха смешивались в один, и его облако всюду сопровождало матушку. Для Тиффани это облако означало тепло, и покой, и место, вокруг которого вертится мир.

Какая-то тень скользнула над её головой. Канюк пикировал с неба прямо на Нак-мак-Фиглей.

Тиффани вскочила и замахала руками:

– Бегите! Ложитесь! Он убьёт вас!

Маленькие человечки посмотрели на неё как на дурочку.

– Не бойсь, хозяйка, – сказал Явор.

Птица вышла из пике, но прямо перед тем что-то упало с неё и понеслось к земле. На лету оно расправило два крошечных крылышка, отчего завертелось в воздухе, как кленовый парашюттик, и его падение немного замедлилось.

Это был Фигль. Упав на землю, он некоторое время продолжал вертеться, потом наконец остановился, нетвёрдо встал на ноги, выругался и снова упал. Ещё некоторое время летун сыпал ругательствами.

– Добра посадка, Хэмиш, – приветствовал его Явор Заядло. – Эти твои птахокрылсы работают. Ты прям почти бошкой в землю и не прохлобыстнул.

Хэмиш, уже не так резко, поднялся на ноги и на сей раз смог устоять. На глазах у него были выпуклые очки.

– Да ни в жисть ишшо! – заявил он. – С этими крылсами я как лесная фейка.

– Как тебе удалось выжить? – спросила Тиффани.

Очень маленький летун попытался смерить её взглядом, но его мерка оказалась коротковата.

– Тю! Что эт' ишшо за верзунья? Очень много кумексаешь о летанье, да?

Явор Заядло многозначительно кашлянул:

– Она карга, Хэмиш. Ма Болен отродье.

Физиономия Хэмиша перекосилась от ужаса:

– Я-я-я ничо тако не хотел зло сказануть, хозяйка! – Он в отчаянии попятился. – Карга-то точняк кумексает обо всём. Но не бойсь, оно все типсы-топсы. Главное – завсегда бошку вниз повырчивать.

– Ах-ха, мы крепки на черепок, – важно подтвердил Явор Заядло.

– Ты не видел женщину с маленьким мальчиком? – резко спросила Тиффани.

Ей очень не понравилось «отродье».

Хэмиш в отчаянии посмотрел на Явора, тот кивнул.

– Зырил, хозяйка, – сказал летун. – На чёрной коняге. Тыгдымила прям ко всем чер...

– Язык в глотку затыкни, тута карга! – прогремел Явор Заядло.

– Звиняй, хозяйка. Тыгдымила прям к феечкам на куличики. – Казалось, Хэмиш готов от стыда сквозь землю провалиться или, на худой конец, зарыться туда быстрее крота. – Но она заприметила, что я сверху зыркс, и призвала туман. Шасть на тую сторону, я ни бум-бум, хде.

– Опасное место, тая сторона, – медленно проговорил Явор. – Зла много. Холод. Не для дитяти.

На холмах царил зной, но Тиффани пробрал озноб. «Мне придётся пойти туда, что бы меня там ни ждало, – подумала она. – Я знаю. У меня нет выбора».

– Та сторона? – переспросила она.

– Ах-ха. Чудомир, – объяснил Явор. – Там... много чудищ всяко-разных.

– Чудовища?

– Такие страхущие, каких токо могёшь напредставлять, – сказал Явор. – Вот точь-в-точь такенные.

Тиффани попыталась сглотнуть комок в горле и закрыла глаза:

– Страшнее, чем Дженни Зелёные Зубы? И чем всадник без головы?

– О, да там такие чучундры водятся, что те рядом с ними – кискуньи. То дрянь-земля. Там сны всмаделишны. Мир Кральки.

– Ну, что плохого в том... – начала было Тиффани, но тут вспомнила некоторые свои сны. Из тех, когда просыпаешься с облегчением. – Ты ведь не о хороших снах, да?

Явор покачал головой:

– Нае, хозяйка. Не про них.

«А у меня только сковородка и «Болезни овец», – подумала Тиффани. Потом она представила себе Винворта в компании чудовищ. – Кто знает, может, в том мире и вовсе нет ничего сладкого...»

Она вздохнула:

– Ладно. И как туда попасть?

– А ты сама ни бум-бум? – удивился Явор.

Такого ответа Тиффани не ожидала. Она ждала скорее причитаний вроде: «О, нет, токо не это, низзя, ты ведь така мал-малюха!» Ну, хорошо, не ждала, но надеялась услышать. Но Фигли вели себя так, будто она действовала вполне разумно.

– Нет! – крикнула Тиффани. – Я вообще никого ни разу ни бум. Мне как-то не приходилось раньше этим заниматься. Помогите мне!

– Её правда, Явор, – сказал какой-то Фигль. – Она ж ещё нова карга. Отведем её к кельде.

– Даже Ма Болен никогда не суйносила к кельде в её пещеру! – рявкнул Явор Заядло. – Это...

– Тихо! – перебила его Тиффани. – Слышите?

Фигли огляделись по сторонам.

– Что слых-то? – спросил Хэмиш.

– Шу-шу-шу!

Дёрн вокруг как будто легонько дрожал. Небо обрело алмазные грани. И вокруг запахло снегом. Хэмиш выхватил из кармана дудочку и подул в неё. Тиффани ничего не услышала, но канюк высоко в небе ответил на зов.

– Я дам зна, чё тако! – крикнул Хэмиш и побежал по траве, вскинув руки над головой.

Когда он уже прилично разогнался, сверху обрушился канюк и аккуратно подхватил Фигля. Пока птица набирала высоту, Тиффани разглядела, как крохотная фигурка карабкается вверх, цепляясь за перья.

Прочие Фигли выстроились вокруг Тиффани и достали мечи.

– Каков план, Явор? – крикнул кто-то.

– Знатца, план бу таковой: узырил чё – дай люлей!

Маленькие воины засмеялись.

– Хорош план! – сказал Туп Вулли.

На земле появился снег. Он не падал с неба, он... таял наоборот. Слой снега становился всё толще и толще, и вот уже Фигли утонули в нём по пояс, а вскоре и по шею, некоторые и вовсе скрылись с головой, из-под снега глухо доносились их проклятия.

А потом показались псы. Большие, коренастые, чёрные с оранжевыми подпалинами на бровях. Они вразвалочку трусили к Тиффани, и намерения их явно были недобрыми. Тиффани уже издалека слышала их рычание.

Она сунула руку в карман и достала жабу.

– Шотакоэ? – Жаб заморгал спросонок.

Тиффани повернула его так, чтобы он мог видеть псов.

– Кто это?

– Ох, брекекекс! Злейхаунды!^{16} Мы пропали! У них глаза горят огнём и зубы острые, как бритвы!

– И как быть?

– Очень недолго!

– Спасибо! Ты мне и правда помог!

Тиффани сунула жабу обратно в карман и достала из мешка сковородку.

Она и сама понимала, что дело плохо. Глаза чёрных псов пылали, и, когда они приоткрывали пасти, чтобы зарычать, там мелькали острые лезвия зубов. Тиффани не боялась собак, но эти точно явились из кошмарных снов.

Их было трое, но они постоянно кружили так, что она могла видеть лишь двоих. И та тварь, что за спиной, наверняка нападёт первой.

– Расскажи о них ещё! – крикнула Тиффани, стараясь повернуться так, чтобы держать в поле зрения всех трёх.

– Говорят, они рыщут на кладбищах! – ответил ей голосок из кармана.

– А почему вокруг снег?

– Здесь теперь земля Королевы. В её стране всегда зима, и, когда Королева простирает свою руку над нашим миром, зима приходит и сюда.

Однако вдалеке виднелась полоска зелени, Тиффани стояла в центре огромного снежного круга, но дальше начиналась трава. Думай, думай...

Мир Королевы. Волшебная страна, где чудовища из страшных снов существуют на самом деле. Например, собаки с огненными глазами и зубами-лезвиями. В реальном мире такое не сработает...

Гончие раззявили пасти, вывалили языки, истекая слюной и наслаждаясь её страхом. «И как только у них зубы не ржавеют...» – подумала какая-то часть Тиффани... и захватила власть над её ногами. Ноги пустились бежать. Пригнувшись, Тиффани проскочила между двух тварей и бросилась дальше, к далёкой полоске зелени. За спиной у неё раздалось торжествующее рычание, снег заскрипел под тяжёлыми лапами...

Далёкая полоска зелени, казалось, не думала приближаться.

За спиной у Тиффани раздалась воинственные вопли пикстов и рык, перешедший в жалобный визг, но что-то уже дышало ей в затылок, когда она прыжком преодолела последний снег и покатила по тёплой траве. Злейхаунд прыгнул, щёлкнули зубы. Тиффани попыталась рывком отползти, однако могла бы и не беспокоиться – твари было уже не до неё.

Пылающие глаза, зубы-ножи... Здесь такой номер не пройдёт. В настоящем мире, на тёплой земле, тварь была слепа, и из пасти её текла кровь. Не стоит прыгать с полным ртом ножей...

Чудовище заскулило от боли, и Тиффани стало почти жаль его, но снег уже подбирался к ней, и она со всей силы врезала твари сковородкой. Злейхаунд рухнул замертво.

На снегу кипел бой. В облаке взметнувшейся позёмки виднелись два тёмных силуэта. Злейхаунды вертелись и щёлкали зубами.

Тиффани ударила в сковородку и закричала. Один из злейхаундов выпрыгнул из снежного вихря и очутился прямо перед ней. С каждого его уха свисало по Фиглю.

Снег расползлся, приближаясь к Тиффани. Она попятилась, не сводя глаз с рычащего пса, идущего на неё.

– Давай же, – прошептала она, – прыгай!

Пёс сверкнул огненными глазами, потом посмотрел на снег у себя под лапами.

И исчез. Снег впитался в землю. Свет изменился.

Тиффани и маленький свободный народец остались совершенно одни на пастбищах. Фигли поднимались на ноги, приходя в себя после боя.

– Ты жив-здоровая, хозяйка? – спросил Явор Заядло.

– Да! – радостно ответила Тиффани. – Это было просто! Стоит им сойти со снега, и они – всего лишь собаки!

– Лады. Тады двигаем. Мы потеряли несколько ребя.

Радость Тиффани как ветром сдуло.

– Ты хочешь сказать, они погибли? – прошептала она.

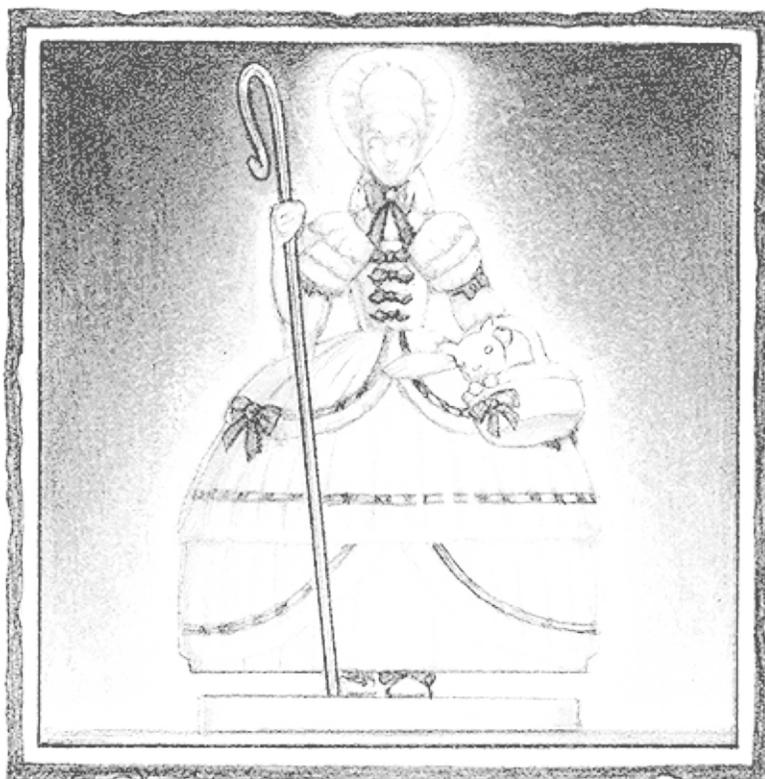
Солнце светило по-прежнему, жаворонки пели, будто ничего не случилось... а кто-то уже умер.

– Ах, нае, – сказал Явор Заядло. – Мы-то ужо мёртвые. Ты что, ни бум-бум?

Глава 6

Пастушка

– Вы мертвы?

Тиффани огляделась вокруг. Фигли пытались прийти в себя после боя, многие ворчали, но никаких «ой-ёи-ёи» слышно не было. И слова Явора Заядло ничего не проясняли.

– Если вы, по-вашему, мёртвые, то они какие? – спросила она, показав на два маленьких тела в траве.

– А, они возвратились к жизни, – радостно пояснил Явор Заядло. – Тот мир, канеш, не так хорош, как этот, но они бу пай-пай и скоро вуновъ тута очутются. Грустевать не о чем.

Болены не были особенно религиозны, но Тиффани полагала, что худо-бедно представляет себе, как всё устроено. И это устройство начиналось с того, что ты жив и пока ещё не мёртв.

– Но вы живы! – воскликнула она.

– Ах, нае, хозяйка, – сказал Явор, помогая очередному пиксту встать

на ноги. – Мы были живы. И мы были пай-пай мальчики в том мире, от когда копытсы откинули, и возродились тут.

– То есть... вы думаете... – начала Тиффани, – что вроде как умерли где-то ещё и очутились тут? И наш мир для вас как... рай?

– Ах-ха! – подтвердил Явор Заядло. – Всё, как обетовано. Солнышко бликс-бликс, птахи бякс-бякс, охота добра...

– Ах-ха, а ишшо раздольно морда дракс! – сказал другой Фигль.

И все подхватили:

– И тыркс!

– И пойло жратс!

– И шышлык! – добавил Туп Вулли.

– Но тут полно плохого! – вмешалась Тиффани. – Тут чудовища водятся!

– Ах-ха! – согласился Явор Заядло, улыбаясь во весь рот. – Зашибайсь, да? Всё, душе угодное, имеется!

– Но мы-то тут живём! – сказала Тиффани.

– Ах, ну, мож, вы тож были пай-пайки в Догробном мире, – великодушно признал Явор. – Я ща, токо соберу ребя, хозяйка.

Он отошёл, и Тиффани вытащила из кармана передника жаба.

– О, мы всё ещё живы, – удивился тот. – Потрясающе. Кстати, можно было бы вкатить неплохой иск владельцу собак.

– Что? – не поняла Тиффани. – О чём ты?

– М-м-м... ну... не знаю, – смутился жаб. – Вроде как само с языка сорвалось. Может, когда я был человеком, я что-то понимал в собаках?

– Послушай, Фигли думают, что они в раю. Они считают, что умерли и попали сюда после смерти.

– И?

– Но этого же не может быть! Считается, что здесь мы живые, а после смерти отправляемся на небеса или куда-то ещё, в общем, в загробный мир.

– Так ведь это то же самое, только другими словами. И вообще, многие воинственные племена верят, что их воины после смерти в награду за доблесть попадают в иной, прекрасный мир, – пояснил жаб. – Ну, знаешь, где можно пить, сражаться и пировать в своё удовольствие. Так может, наш мир – рай для Фиглей.

– Наш мир – настоящий!

– И что? Они так верят. И потом, они же маленькие. Может, во Вселенной многовато народу и приходится кроить рай там, где нашлось свободное место? Я всего лишь жаба, поэтому, извини, могу только догадываться, как оно на самом деле. Возможно, они просто ошибаются.

Возможно, вы ошибаетесь. Возможно, я ошибаюсь.

Кто-то мелкий пнул башмак Тиффани.

– Эй, хозяйка, пора топс-топс! – заявил Явор Заядло.

Через плечо у него был перекинут мёртвый Фигль. Другие пиксты тоже несли тела, но их было совсем немного.

– Вы собираетесь их похоронить? – спросила Тиффани.

– Ах-ха, им эти ношены тела уже без надобности, – сказал Явор. – А бросать их где попало не годится. Да и верзуну ещё чего доброго найдут мал-мал черепки, будут суйносить, а оно нам не надо. Ты не в счёт, хозяйка, – добавил он.

– Нет, это очень... разумно, – признала Тиффани.

Фигль показал на далёкий курган, поросший колючими кустами и деревьями. На многих курганах располагались густые заросли – слой почвы там был толще, чем в других местах, вот деревья и приживались. Рубить их считалось дурной приметой.

– Тута близь, – сказал Явор.

– Вы живёте в кургане? – удивилась Тиффани. – А я думала, там похоронены древние вожди, или как-то так...

– Ах-ха, валяется там какой-то королёк по соседству, но нам не мешкувает, – сказал Явор. – Не боись, в нашенной половине никаких скелетонов и прочего. Там места завались, и мы ишшо мал-мал поработали.

Тиффани огляделась. Бескрайнее синее небо над головой, бескрайнее зелёное море трав под ногами... всё снова стало таким мирным, когда всадник без головы и зловещие псы остались в ином мире.

«А если бы я не повела Винворта к реке? – подумала Тиффани. – Что бы я сейчас делала? Хлопотала с сырами, наверное... И так ничего бы никогда и не узнала. Никогда не узнала бы, что живу в раю, пусть даже это рай только для клана маленьких синекожих человечков. Никогда не узнала бы, что на канюках можно летать...

Никогда прежде я не убивала чудовищ».

– Откуда они берутся? – спросила она. – Как называется то место, откуда приходят все эти чудища?

– Ах, мож статья, ты хорошо то место бум-бум, – сказал Явор Заядло.

Теперь они были уже рядом с курганом, и Тиффани почуяла в воздухе дымок.

– Ах-ха. Ты его имя бум-бум. Но тут я его грить не бу. Не тако это имя, чтоб под небом его грить. А такое, чтоб шептать в укрывалище.

Для кроличьей норы лаз был великоват, а барсуки тут не водились, но вход в курган темнел под корягой в гуще зарослей, ну точь-в-точь нора,

ничего другого человеку бы и в голову не пришло.

Тиффани была девочкой худенькой, но всё равно ей пришлось снять передник и ползти на животе под колючими ветками, чтобы добраться до норы. А потом понадобилось несколько Фиглей, чтобы втолкнуть её внутрь.

Внутри оказалось довольно просторно и совсем не воняло. Узкий лаз был нужен только для того, чтобы не привлекать внимания, а само подземелье оказалось размером с большую комнату с высоким сводом и низкими, под рост Фиглей, галереями вдоль стен. На галереях сутились большие и маленькие пиксты – стирали, спорили, шили, местами дрались, но что бы они ни делали, шумели при этом они как могли. У самых старых из них волосы были тронуты сединой. Самые юные, всего пару дюймов ростом, носились повсюду в чём мать родила и вопили во всю маленькую глотку. Тиффани уже два года как помогала присматривать за Винвортом, так что ей это было не в новинку. Но она обратила внимание, что среди маленьких пикстов не было девочек. А среди старших не было женщин.

Впрочем, нет. Одна была.

Вопящая и скандальная толпа Фиглей расступилась перед ней. Девушка подошла и остановилась у ноги Тиффани. Красивая, по сравнению с Фиглями-парнями, – хотя нетрудно быть красивей, скажем, Тупа Вулли. Но у неё были такие же рыжие волосы и такое же решительное выражение лица, как у прочих пикстов.

Она присела в реверансе и спросила:

– Эт' ты – карга верзунская?

Тиффани огляделась. Кроме неё, в подземелье не было никого выше нескольких дюймов ростом.

– Э... да, – сказала она. – Более или менее. Да.

– Я Фиона. Кельда велела сказануть тебе, твой мал-мал братец покуда жив-здоров.

– Она нашла его? – обрадовалась Тиффани. – Где он?

– Нае, нае. Но кельде ведомы пути Кральки. Кралька не хочет покамест, чтобы ты извелась.

– Но Королева украла моего брата!

– Ах-ха. Это все мал-мал за-пу-тан-но. Отдохновой здесь. Кельда позовёт тебя вскорости. Она ныне... несильна.

Фиона резко развернулась и прошествовала прочь, горделиво, как королева. Вскоре она скрылась за круглым плоским камнем, прислонённым к дальней стене.

Не глядя вниз, Тиффани достала жаба из кармана и поднесла его

к лицу.

– Послушай, я что, извожусь? – спросила она шёпотом.

– Нет, вовсе нет, – заверил её жаб.

– Скажи мне, если я начну изводиться, хорошо? А то будет ужасно, если все увидят, как я извожусь, а я и знать не буду.

– Ты просто не понимаешь, что означает это слово, верно? – спросил жаб.

– Не очень... Нет, не понимаю.

– Это значит переживать, только и всего.

– Да, я примерно так и думала, – сказала Тиффани, покривив душой. – Ты не мог бы посидеть у меня на плече? Кажется, мне не помешает помощь.

Толпы Нак-мак-Фиглей таращились на неё с той самой минуты, как она забралась в курган, но пока что делать было, похоже, нечего, разве что ждать.

Тиффани осторожно села и принялась барабанить пальцами по коленям.

– Ну и какова тебе наша мал-мал норка? – раздался голос снизу. – Зашибайсь, ах-ха?

Она посмотрела вниз. Рядом неслышно очутились несколько пикстов, которых она уже видела раньше, во главе с Явором Заядло Фиглем.

– Тут очень... мило, – сказала Тиффани.

Всё лучше, чем заявить: «Тут всё черно от сажи» или «Тут оглохнуть можно от гвалта».

– А еду вы готовите вот на том маленьком костерке? – спросила она.

В середине пещеры горел небольшой костёр. Дым выходил наружу через круглое отверстие в потолке, которое впускало взамен немного света.

– Ах-ха, хозяйка, – сказал Явор Заядло.

– Всяки мал-мал тушки тут жарим, – добавил Туп Вулли. – А громазды тушки – в меловой я... мффф, ммммфф...

– Прости, что? – переспросила Тиффани.

– Что «что»? – невинно уточнил Явор Заядло, по-прежнему крепко зажимая ладонью рот Тупу Вулли, хотя тот сражался, как мог.

– Что Вулли начал говорить про «громазды тушки»? – упрямо спросила Тиффани. – Значит, вы жарите в меловой яме большие туши? А при жизни эти большие туши, случайно, не говорили «бе-е»? Потому что скота крупнее в округе не найти. – Она встала на колени на грязном полу и склонилась так, чтобы оказаться нос к носу с Явором Заядло. Фигль ухмылялся и отчаянно потел. – Я права?

– Э... Ну, навряд ли того...

– Да?

– Эт' не про ваших ме-зверей, хозяйка! – взвизгнул Явор. – Мы нипочём никогда не брали бурана без позволенья Ма Болен!

– Матушка Болен позволяла вам воровать овец?

– Ах-ха, правда-правда-правда! В отп-плату!

– Плату? За что?

– Ни одного бурана Боленов волк не загрызил, – забормотал Фигль. – Ни одного ягнёнка Боленов лиса не придушнула. Ни одному ягнёнку боленскому карс глаза не выклевал, покуда Хэмиш сверху зырил!

Тиффани вопросительно покосилась на жаба, сидевшего у неё на плече.

– Вороны, – пояснил он. – Иногда они выклёвывают гла...

– Да-да, я знаю, – перебила Тиффани.

Она немного успокоилась.

– О, теперь я поняла, – сказала она Фиглям. – Вы отгоняли волков, воронов и лис от наших стад, да?

– Не просто отпугняли, хозяйка, – с гордостью поправил Явор. – Волкс – это куча ценного мсява.

– Ах-ха, отколошматишь их хорошенько – и шышлыки выходят недурны, но бураны все одно луч... мфф, мффф! – успел вставить Туп Вулли, прежде чем ладонь Явора опять зажала ему рот.

– У карги дозволительно брать токо то, что она даёт, – сказал Явор, удерживая брата. – Токо опосля того, как она кирдыкс, мы, значить, иногда старую мамку-овцу берём. Такенну, что сама скоро копытсы откинёт. Но с клеймом Боленов – ни в жисть, зубдамс. Слово тоись.

– Слово пьяницы, вора и скандалиста? – уточнила Тиффани.

Явор Заядло просиял:

– Ах-ха! А я дорожу своей репутацией! И то правда, хозяйка, мы стерегаем стада холмов в память о Ма Болен. А взамен берём то, что ничё не стоит...

– Ну и махорку, канеш... – И вновь Тупу Вулли пришлось бороться за право глотнуть воздуху.

Тиффани глубоко вздохнула. Обычно это помогает взять себя в руки, но в обиталище Фиглей лучше слишком глубоко не дышать. Явор Заядло скалился, как праздничная тыква при виде большой ложки.

– Вы таскаете табак? – прошипела Тиффани. – Табак, который пастухи оставляют для... для моей бабушки?

– Ойк, забыл сказануть, – пискнул Явор Заядло. – Берём-таки.

Но завсегда поперва день-два-три ждём, вдруг она сама забрать захотит. А то с вами, каргами, никогда наверняк не бум-бум. И мы правда стада берегаем, хозяйка! А она была б не спротив! Они с нашей кельдой, бывалоча, любили курнуть у её хатки на колёсах ночкой! Матушке б не пондра, что добра махорка мокнет под дождем! Пжалста, хозяйка!

Тиффани была очень зла, но, что самое неприятное, она была очень зла на себя.

– Мы когда мал-мал ме-зверей находим, мы их отгоняем туды, хде их пастухи заприметят, – в отчаянии добавил Явор.

«А что я хотела? – подумала Тиффани. – Неужели я правда надеялась, что она возвращается с того света за пачкой “Весёлого капитана”? Неужели я думала, что она до сих пор ходит по холмам, оберегая стада? Неужели я верила, что она... по-прежнему с нами и присматривает за ягнятами?»

Да! Я хотела, чтобы это было правдой! И не хотела верить, что бабушка ушла навсегда. Такой человек, как матушка Болен, не может просто взять и... перестать быть. И я так отчаянно хочу, чтобы она вернулась, потому что она не знала, как говорить со мной, а я боялась говорить с ней, и мы молчали вдвоём, и нам было хорошо в нашем молчании.

Я ничего о ней не знаю. Остались только несколько книг и пара историй, которые она пыталась мне рассказать, и я помню мягкие красные руки и запах. Я никогда её толком не знала. В смысле, ей ведь тоже когда-то было девять лет. Она была Сарой Брюзгель. Она вышла замуж и родила детей, двоих из них – в пастушьей кибитке. Она делала много чего такого, о чём я понятия не имею».

И, как всегда случалось рано или поздно, когда она думала о бабушке, перед внутренним взором Тиффани встала белая фарфоровая пастушка, окутанная багровой дымкой стыда.

За несколько дней до её седьмого дня рождения отец взял Тиффани в городок Взвой, отвести на продажу несколько баранов. До города был целый день пути, десять миль, так далеко Тиффани никогда прежде не уезжала. Город стоял даже не на Меловых холмах, и там всё было другое. Там было больше полей, обнесённых изгородями, коровы паслись на пастбищах, дома крыли черепицей, а не соломой... Для Тиффани это было путешествие за границу.

Матушка Болен никогда тут не бывала, сказал отец. Она ни разу в жизни не покидала холмов. Говорила, стоит ей сойти с мела, голова кружится.

Это был великий день. Тиффани объелась сахарной ваты, старушка-предсказательница напороочила ей, что множество мужчин будут просить её руки, и ещё Тиффани выиграла фарфоровую пастушку, белую с голубым узором.

Пастушка была главным призом в палатке, где играли в кольца, но отец сказал, что хозяин лотка жульничал: основание фигурки слишком широкое – надо миллион раз бросить, чтобы повезло попасть.

Тиффани бросила кольцо наугад, и ей выпала единственная удача на миллион. Хозяин лотка не обрадовался, что она выиграла пастушку, вместо того чтобы набросить кольцо на любой из остальных призов, дешёвых и потрёпанных. Но отец упёрся и заставил его отдать Тиффани приз, и всю обратную дорогу, пока на небе проступали звёзды, она прижимала к себе пастушку.

На следующее утро Тиффани с гордостью вручила фигурку матушке Болен. Бабушка взяла её морщинистыми руками и некоторое время разглядывала.

Теперь-то Тиффани не сомневалась, что поступила жестоко.

Матушка Болен, наверное, никогда и не слышала о пастушках. На Меловых холмах все, кто ходил за овцами, звались пастухами, будь то мужчины или женщины. А это прекрасное создание казалось полной противоположностью матушке Болен.

Фарфоровая пастушка щеголяла в длинном старинном платье, по бокам его юбка вздымалась колоколом, словно в панталонах у девицы слева и справа было по седельной сумке. По всему платью и соломенной шляпке (довольно безвкусной) вились голубые ленточки. И даже на изящных туфельках, выглядывавших из-под юбок с рюшечками, виднелись голубые банты.

Этой пастушке явно никогда не случалось надевать огромные старые башмаки, набитые шерстью, и топтать по холмам под завывание ветра, когда дождь и град жалят, как гвозди. Ей не приходилось в этом платье вытаскивать барана, запутавшегося рогами в колючих кустах. Она уж точно не соревновалась со стригалём-чемпионом семь часов кряду, подстригая овцу за овцой, пока шерстяной жир, шерсть и ругательства не затянули воздух голубой дымкой, а чемпион не сдался, потому что не мог так приложить овцу крепким словцом, как матушка Болен. Ни одна уважающая себя овчарка никогда не выполнила бы ни одной команды этой жеманной девицы, запихавшей себе в панталоны седельные сумки. Это была прелестная вещица, но не пастушка, а смех один, и тот, кто её сделал, должно быть, никогда не видел овцу вблизи.

Что тогда подумала матушка Болен? Тиффани не представляла. Бабушка обрадовалась, но бабушкам положено радоваться подаркам внуков. Она поставила пастушку на свою полку и взяла Тиффани на колени. И назвала её «малышка-джиггат», и голос у неё был чуть напряжён, как всегда, когда бабушка пыталась быть бабушкой. Иногда, когда она спускалась на ферму (что случалось нечасто), Тиффани заставляла её на кухне с пастушкой в руках. Матушка Болен молча разглядывала фигурку, но, если замечала, что за ней наблюдает внучка, сразу ставила пастушку обратно на полку и делала вид, будто на самом деле хотела достать книгу про овец.

Возможно, думала Тиффани, кусая локти, эта пастушка была для бабушки как жестокая насмешка. Фигурка словно говорила: «Вот какой должна быть настоящая пастушка!» Юной и прекрасной девушкой, а не старухой в грязном платье и огромных башмаках, закрывающей голову и плечи от дождя старым холщовым мешком. Пастушка должна сверкать, как звёздочка в ночи. Тиффани не хотела, никогда не хотела сказать ничего такого, но, быть может, её подарок сказал матушке Болен, что она, матушка... недостаточно хороша.

А спустя несколько месяцев матушка умерла, и с тех пор всё пошло наперекосяк. Родился Винворт, а потом ещё баронский сын пропал, и выдалась лютая зима, и старая госпожа Клацли умерла в снегу.

Пастушка не шла у Тиффани из головы. Поговорить об этом ей было не с кем – одним некогда, другим неинтересно. У всех своих забот по горло. Они сказали бы, что переживать из-за фарфоровой пастушки... глупо.

Несколько раз Тиффани уже готова была разбить фигурку вдребезги, но не смела – заметят ведь, объясняй потом...

Теперь-то она уж точно не сделала бы матушке Болен такого дурацкого подарка. Теперь она выросла.

Она помнила, что бабушка иногда улыбалась, глядя на пастушку. Если бы она тогда сказала хоть что-нибудь! Но матушка Болен любила помолчать.

А теперь вот оказалось, что она водила дружбу с толпой маленьких человечков, которые носятся по холмам и приглядывают за овцами, потому что тоже любят матушку Болен. Тиффани моргнула. А ведь всё правильно...

В память о матушке Болен пастухи оставляют у останков её кибитки табак. И в память о матушке Болен Нак-мак-Фигли оберегают стада. Всё правильно, всё работает, хотя и без всякого волшебства. Но это

означает, что бабушки больше нет...

– Туп Вулли! – сказала Тиффани, глядя прямо на пикста, извивающегося в хватке Явора Заядло, и изо всех сил стараясь не расплакаться.

– Мффф?

– Явор Заядло сказал правду?

– Мффф! – Туп Вулли яростно задрал и опустил брови.

– Господин Фигль, будьте добры, отпустите его, – попросила Тиффани.

Туп Вулли обрёл свободу. Явор Заядло смотрел на Тиффани испуганно, но Туп Вулли был и вовсе в ужасе. Он стащил с головы плоскую круглую шапочку и выставил её перед собой, словно щит.

– Всё это правда, Туп Вулли? – спросила Тиффани.

– Ой-ёи-ёи...

– Просто скажи: да или... скажи, ах-ха или нае, пожалуйста.

– Ах-ха! Всё так! – выпалил Туп Вулли. – Ой-ёи-ёи...

– Хорошо, спасибо. – Тиффани шмыгнула носом и попыталась незаметно сморгнуть слёзы. – Я поняла.

Фигли напряжённо таращились на неё.

– И ты не будешь рвать-метать? – осторожно спросил Явор Заядло.

– Нет. Всё... правильно. Всё работает.

По пещере эхом разнёсся шелест – сотни маленьких человечков перевели дух.

– Видали? Она не превратила меня в кукарачу! – гордо осклабился Туп Вулли. – Я грил с каргой, и она не заглазила меня косо-накося! Она мне лыбилась! – Он широко улыбнулся Тиффани и добавил: – А ты бум-бум, барышня, что ежели перевертать эту картинку с капитаном, то можно узреть голу ба... мфф, мффф!

– Ой-ёи, увалень я неуклюж, опять тебя чуть не придушнул! – сказал Явор Заяло, крепко зажимая рот Вулли.

Тиффани хотела заговорить, но тут у неё странным образом зачесалось в ушах.

Под сводом пещеры проснулись и поспешно выпорхнули в дымовое отверстие летучие мыши. У дальней стены что-то происходило. Фигли откатили в сторону то, что Тиффани сначала приняла за большой круглый камень, – это оказалась дверь, за ней открывался проход. Уши её уже хлюпали, как будто из них стала вытекать сера. Фигли выстроились в два ряда, образовав коридор между нею и дверью.

Тиффани ткнула жаба пальцем:

– Что такое кукарача? Или мне спокойнее будет не знать?

– Таракан, – объяснил жаб.
– Да? Звучит... немного странно... А кстати, что это за писк?
– Мы, жабы, высоких звуков не различаем. Но может быть, это вон тот парень пищит.

Из круглой норы в дальней стене торжественно шёл Фигль. Из-за его спины пробивался слабый желтоватый свет – Тиффани смогла различить его только потому, что глаза уже привыкли к полумраку.

На голове новоприбывшего пикста не было ни одного рыжего волоска, все седые. Он был довольно высоким для Фигля, но худым, как зубочистка. В руках он нёс какой-то кожаный бурдюк, щетинившийся дудками.

– Ого! Немногим людям довелось увидеть такое и остаться в живых, – сказал жаб. – Он играет на визжали, её ещё называют мышшиной волынкой!

– У меня от его музыки в ушах зудит! – сказала Тиффани, стараясь не обращать внимания на два округлых ушка, сохранившихся на бурдюке.

– Очень высокие тона, понимаешь? – пояснил жаб. – Пиксты, разумеется, слышат звуки иначе, чем люди. Думаю, он ещё и их боевой поэт.

– Воспевает в стихах их доблесть в бою?

– О, нет. Читает стихи прямо на поле боя, для устрашения противника. Помнишь, как много значения Фигли придают словам? Ну так вот, когда опытный гоннагл начинает декламировать, у противника лопаются уши. О, похоже, всё готово к твоему приёму.

И в самом деле, Явор Заядло уже стучал по носку её ботинка.

– Кельда бу грить с тобой, хозяйка, – сказал он.

Музыкант перестал играть и почтительно занял позицию у входа. Тиффани чувствовала: тысячи крошечных глаз напряжённо таращатся на неё.

– Особая овечья притирка, – прошептал жаб.

– Прости, что?

– Возьми её с собой, – посоветовал он. – Это будет хороший подарок.

Под взглядами пикстов Тиффани снова легла на живот и поползла к норе в дальней стене. Жаб цеплялся, как мог. Подобравшись ближе, она поняла, что камень, который раньше закрывал вход, – вовсе не камень, а щит, круглый, сине-зелёный, очень старый. Нора за ним оказалась достаточно широкой, чтобы Тиффани могла проползти, но ноги пришлось оставить снаружи – в пещере, куда привела нора, она целиком бы не поместилась. Не потому, что пещера была маленькая, а потому, что слишком много места занимала кровать кельды (впрочем, не такая уж и большая) и рассыпанное, разбросанное, наваленное грудями золото.

Глава 7

Первый Взгляд и Задний Ум

Блик, блеск, блистание, лоск...

Долгими часами, сбивая масло, Тиффани много думала о словах. В словаре она нашла «звукоподражание» – так называются слова, которые звучат похоже на то, что они обозначают, например ку-ку. Но, по мнению Тиффани, должно быть ещё и слово для слов, которые звучат так же, как звучало бы то, что они обозначают, если бы оно могло звучать.

Блик, например. Кто-нибудь открывает окно, и на миг свет бьёт в глаза, и если бы он звучал, то звук был бы: «Блик!» А когда много бликов намешано в кучу, например в мишуре, они блистают: «Блист-блист-блист!» Хорошо отполированная поверхность, намеренная сиять целый день, поёт: «Блеск!» А «лоск!» шипели бы вещи, сверкающие богато и маслянисто.

В маленькой пещере было всё это разом. Там горела только одна свеча, пахнувшая овечьим жиром, но золотые кубки и блюда бликовали, блестели, блистали и лоснились, и крохотный огонёк свечи, отражаясь от одного

к другому, наполнял пещеру светом с привкусом богатства.

Посреди золота стояла кровать, на ней, опираясь на грудку подушек, сидела кельда. Она оказалась гораздо, гораздо толще, чем пиксты-мужчины, вся словно слепленная из шариков мягкого теста. Кожа её была орехового цвета.

Когда Тиффани сунулась в нору, глаза кельды были закрыты, но они мигом распахнулись, едва гостя вползла, насколько могла, и остановилась. Такого пронизательного взгляда Тиффани ещё встречать не доводилось, даже мисс Тик смотрела не так резко.

– Та-ак... значит, это ты – малышка Сары Болен? – спросила кельда.

– Да. В смысле, ах-ха, – ответила Тиффани. Говорить, лёжа на животе, было неловко. – А ты – кельда?

– Ах-ха. В смысле, да. – Кельда улыбнулась, и её лицо покрылось лучиками морщинок. – Как тебя зовут, дитя?

– Тиффани, э-э... кельда.

Откуда-то из глубин пещеры появилась Фиона, уселась на стул у кровати и принялась сверлить Тиффани неодобрительным взглядом.

– Хорошее имя. На нашем языке тебя звали бы «Тир-вар-фойн», что значит «Земля под волной», – сказала кельда. – Произносится «Тиффан».

– Гм, вряд ли кто-нибудь думал называть меня...

– Что люди думают делать и что они делают – не одно и то же. – Маленькие глаза кельды сияли. – Не бойся за своего малого братца, дитя. Теперь ему... ничего не грозит. Ни одна земная хворь не тронет его. Королева не уронит и волоса с его головы. И в том-то есть зло. Подсобика мне приподняться, девочка.

Фиона вскочила и помогла кельде повыше устроиться на подушках.

– Так о чём я? – продолжала та. – А, мал-малыш. Можно сказать, ему очень хорошо там, в мире Королевы. Но его матушка небось горюет?

– И его отец тоже, – добавила Тиффани.

– А его сестрёнка?

Слова «да, конечно» чуть было не сорвались у Тиффани с языка, но у неё хватило ума прикусить его. Чёрные глаза крохотной старухи смотрели прямо в душу.

– О да, ты прирождённая карга, нет сомнений, – сказала кельда, не спуская с неё пронизывающего взгляда. – Внутри тебя есть крошечная упрямая чуточка, верно? Чуточка, которая присматривает за остальной тобой. То-то ты видишь с Первого Взгляда и думаешь Задним Умом. Это невеликий дар и тяжёлое бремя твоё. Ты видишь и слышишь то,

что другим не дано, но всегда будешь как тот гость на празднике, что сидит себе в уголке с мал-мал стаканчиком. Это та самая чуточка не даёт тебе растаять и смешаться. Ты истинная наследница Сары Болен, ребятки не ошиблись с тобой.

Тиффани не знала, что сказать на это, поэтому не стала говорить ничего. Кельда наблюдала за ней, в глазах её плясали искорки. В конце концов Тиффани сделалось неловко.

– Зачем Королеве похищать моего брата? – спросила она. – И что она имеет против меня?

– А ты думаешь, она имеет?

– Да, ещё как! Дженни Зелёные Зубы ещё могла быть случайностью, но всадник без головы? И злейхаунды? И похищение Винворта?

– Она сосредотачивает свои мысли на тебе, – объяснила кельда. – А когда она так делает, что-то из её мира проникает сюда. Быть может, она испытывает тебя.

– Испытывает?

– Хочет посмотреть, насколько ты хороша. Ты теперь карга, то бишь ведьма, а ведьмы стерегут границы и двери. Вот и твоя бабушка стерегла, хоть и не звала себя так. И я стерегла, до самой сей поры, а теперь перекладываю это на твои плечи. Если Королева хочет эту землю, ей сперва придётся одолеть тебя. А у тебя есть Первый Взгляд и Задний Ум, прямо как у твоей бабки. Редкий дар среди верзунов.

– Вы имеете в виду третий глаз? – уточнила Тиффани. – Как у людей, которые видят призраков и всё такое?

– Ах, нет. Вот так верзуны и думают, и в том-то и беда их. Ты видишь то, что на самом деле, а не то, что тебе голова велит видеть, мол, так должно быть. Ты видела Дженни Зелёные Зубы, ты видела всадника без головы, как живых. Второй взгляд – мутный, он видит только то, что ожидаешь. Почти все верзуны так и смотрят. Слушай меня внимательно, ибо я слабею, а тебе многое надо узнать. Думаешь, этот мир – единственный? Пусть так думают овцы и те смертные, кому лень открыть глаза. Ибо миров больше, чем звёзд на небе. Понимаешь? Они повсюду, большие и малые, совсем рядом, под боком прямо. Они повсюду. Одни видно, другие нет, но существуют двери, Тиффан. Холм ли, камень ли, изгиб дороги или даже мысль в твоей голове, но они здесь, они рядом, повсюду вокруг тебя. Тебе надобно научиться их видеть, а то ты ходишь среди них и не знаешь. А некоторые из них... ужасны.

Кельда чуть помолчала, не спуская с Тиффани взгляда, потом продолжила:

– Ты спрашивала, зачем Королева похитила твоего брата? Королева любит детей. Своих-то у неё нет. Она в них души не чаёт. Она будет давать твоему брату всё, что он хочет. Только лишь то, что он хочет.

– Но он хочет только сладкого! – воскликнула Тиффани.

– Вот как? И ты даёшь ему сласти? – Кельда, казалось, видела её насквозь. – Но нужно-то ему другое. Ему надобна любовь, и забота, и чтобы учили уму-разуму, и чтобы порой говорили «нет», и всё в таком духе. Ему нужно, чтоб его взрастили сильным. Но Королева ему всего этого не даст. Она даст ему сласти. Одни только сласти. Вечность сластей.

«Если бы только кельда перестала на меня так смотреть...» – подумала Тиффани.

– Но я вижу, у малыша есть сестрёнка, готовая на всё, лишь бы вернуть его, – сказала крошечная старушка и отвела глаза. – Как же ему повезло... Ты умеешь быть сильной, верно?

– Да. Думаю, умею.

– А умеешь ты быть слабой? Умеешь склониться перед бурей, пасть ниц перед ураганом? – Кельда снова улыбнулась. – Нет, не отвечай. Птенец только тогда узнает, умеет ли он летать, когда из гнезда выпрыгнет. Как бы там ни было, ты вылитая Сара Болен, а она, бывало, если уж что решит, никому на свете её не отговорить, даже мне. Ты пока не женщина ещё, и это хорошо, ибо то место, куда ты отправишься, доброе к детям, а ко взрослым злое.

– Мир Королевы? – рискнула спросить Тиффани.

Ей с трудом удавалось следить за ходом мыслей кельды.

– Ах-ха. Я чую его теперь, он ложится на нас, как туман – далёкий, словно та сторона зеркала. Я слабею, Тиффан. Я не могу защитить эту землю. Так давай уговоримся, дитя. Я покажу тебе путь к Королеве, а ты взамен станешь кельдой.

Фиона была удивлена не меньше Тиффани. Маленькая пикста резко вскинула голову и открыла рот, чтобы что-то сказать, но кельда повелительно подняла руку:

– Когда уж ты где-то кельда, дочка, то к твоим велениям прислушиваются. Так что не спорь со мной. Обдумай моё предложение, Тиффан. Лучшего не услышишь.

– Но она не мо... – начала Фиона.

– Не может? – переспросила кельда.

– Она ж не из пикстов, ма!

– Малость великоваста, ах-ха, – усмехнулась кельда. – Не бойсь, Тиффан. Это ненадолго. Только присмотри за всем тут покамест. Думай

о земле, как то делала твоя бабка, и о моих ребятках тож. А потом, когда твой братик возвратится домой, Хэмиш полетит в горы и скажет, что клану Мелового холма нужна новая кельда. У нас тут место хорошее, от девушек отбоя не будет. Ну, что скажешь?

– Но она ни бум-бум в наших обычаях! – возмутилась Фиона. – Ты переутомилась, ма.

– Ах-ха, я устала, – признала кельда. – Но дочь не может возглавить клан своей матери, и ты это знаешь. Ты хорошая девочка, Фиона, на тебя можно положиться, но теперь тебе пришла пора выбрать себе хранителей из братьев и отправляться искать свой клан. Ты не можешь остаться здесь. – Она снова посмотрела на Тиффани. – Что ты решила? – И кельда подняла свой большой палец, крохотный, как спичечная головка.

– Что я должна буду делать? – спросила Тиффани.

– Думать. – Кельда по-прежнему держала палец наготове. – Мои ребятки – хорошие парни, храбрее не сыщешь, но считают, что голова им дана больше для того, чтобы ею драться. Таковы уж они есть. Мы, пиксты, – не то что люди. У тебя много сестёр? У Фионы ни одной. Она – моя единственная дочь. Кельде дано родить лишь одну дочь за всю жизнь, но сотни и сотни сыновей.

– Они все – твои дети? – ахнула Тиффани.

– О да, – ответила старая женщина. – Кроме нескольких моих братьев, которые пришли сюда вместе со мной, когда я явилась, чтобы стать кельдой. О, не смотри так. Дитятки рождаются крохотными, прямо как горошинки в стручке. И растут быстро. – Она вздохнула. – Но порой мне кажется, что все мозги достаются дочери. Они хорошие мальчишки, но мыслители невеликие. Тебе придётся помогать им помогать тебе.

– Ма, она не может нести обязанности кельды, – встряла Фиона.

– Не вижу в этом ничего для неё невыносимого.

– Ах, не вишь? Ну что ж, я на то посмотрю!

– Сара Болен рассказывала о тебе, – сказала кельда, снова обращаясь к Тиффани. – Она говорила, ты была чудной малюхой, всё только слушала и смотрела. И что голова твоя полна слов, которые ты никогда не говоришь вслух. Она всё гадала, что из тебя вырастет. Вот сейчас и увидим, ах-ха?

Чувствуя на себе злобный взгляд Фионы и отчасти именно под действием этого взгляда, Тиффани лизнула свой большой палец и приложила его к крохотному пальцу кельды.

– Значит, решено, – сказала кельда. Она вдруг обмякла на подушках и так же неожиданно будто вся съёжилась. Морщин на её лице прибавилось. – Теперь никто не скажет, что я бросила своих ребятков,

не подыскав для них кельду, чтобы заботилась. Теперь я могу отойти в Догробный мир. Отныне Тиффани – кельда, Фиона. В её доме делай как она велит.

Фиона сидела, не поднимая глаз. Тиффани чувствовала её злость. Кельда обмякла ещё больше и поманила пальцем:

– Вот, Тиффан. Это решено. Теперь то, что я тебе должна. Слушай. Найди место, где... время не такое, как везде. Это вход. Он тебе в глаза бросится. Верни брата, и исцелишь боль в сердце своей матери и, может, и в своей голове тож.

Её голос утих, и Фиона поспешно склонилась над кроватью.

Кельда потянула носом.

– Ещё нет, – пробормотала она, обращаясь к дочери. – Уж не обманывает ли меня мой нос, кельда? Мне кажется, я чую капельку особой овечьей притирки.

Тиффани не сразу поняла её, но быстро спохватилась:

– Ах да... Это я. Э-э... Вот.

Старая кельда забарахталась в подушках, чтобы снова сесть повыше.

– Лучшее, что когда-либо делали люди, – сказала она. – Только одну большую маленькую капельку, Фиона.

– От этого пошла на груди волосы растут, – предупредила Тиффани.

– Ах, пусть и вырастет пара кудряшек, зато я отведаю капельку пошла Сары Болен, – сказала старая кельда.

Фиона передала ей стакан размером с напёрсток, и кельда протянула его Тиффани.

– Тебе же вредно, ма, – сказала младшая пикста.

– А вот теперь это уж мне решать! Плесни, пожалуйста, капельку на дорожку, кельда Тиффан.

Тиффани осторожно наклонила бутылку над напёрстком. Кельда раздражённо трянула стаканом:

– Я имела в виду капельку побольше! У кельды должна быть щедрая душа.

Она не то чтобы опрокинула стакан, но и не то чтобы просто пригубила.

– Ах-ха, как же давно мне не доводилось пить это хлёбово, – сказала кельда. – Мы с твоей бабкой любили выпить по глоточку, сидя у огня холодными ночами.

Эта картина так и встала у Тиффани перед глазами: матушка Болен и толстенная пикста сидят перед пузатой железной печкой, а за стенами кибитки бредут под звёздами овцы...

– Ах, ты видишь, – проговорила кельда. – Я чувствую, как ты смотришь на меня. Вот и Первый Взгляд как он есть. – Она опустила стакан. – Фиона, сходи позови Явора Заядло и Вильяма Гоннагла.

– Верзунья собой весь ход заткнула, – пробухтела младшая пикста.

– Ничего, мне сдаётся, там можно протиснуться, – возразила кельда тем спокойным тоном, который угрожает быстро перейти в рёв бури, если люди не станут делать, что им говорят.

Фиона одарила Тиффани взглядом, где тлела сдержанная злоба, и пробралась в нору.

– Кто-нибудь среди ваших держит пчёл? – спросила старая кельда.

Тиффани кивнула.

– Тогда ты поймёшь, почему нам не дано родить больше одной дочери. В улье может быть только одна королева, иначе вспыхнет война. Фиона должна взять себе защитников и отправляться искать клан, где нужна кельда. Таков закон. Она думает, что может его обойти, – все девочки порой так думают. Будь осторожна с ней.

Тиффани почувствовала, как кто-то протискивается мимо неё в нору, и в пещеру забрались Явор Заядло и Вильям Гоннагл^[17]. Позади, в большой пещере, слышался шорох и шепотки – все хотели послушать, что будет дальше.

Кельда сказала:

– Дурно было бы и на час оставлять клан без кельды, чтобы заботилась о нём. Посему Тиффан будет вашей кельдой до тех пор, пока вы не сыщете себе новую.

Позади Тиффани и под её боком раздался ропот.

Кельда посмотрела на гоннагла:

– Так ведь уже делалось прежде, верно?

– О да. В песнях говорится, это случалось дважды. – Он нахмурился и добавил: – Или даже трижды, если считать те времена, когда Коррролева...

Его голос утонул в громовых воплях:

– Долой Королька! Долой Кральку! Долой господавов! Нас уже не окрутнёшь!

Старая кельда подняла руку:

– Тиффан – отпрыск матушки Болен. Вы все её знаете.

– Ах-ха, и вы видели, как она зырила всаднику без балды в глаза, каких нет, – добавил Явор Заядло. – Таковски мало кто могёт!

– Я была вашей кельдой семьдесят лет, и слово моё закон, – сказала старуха. – И я говорю: выбор сделан. А ещё вы поможете ей выкрасть

обратно её мал-мал брата. Это судьба ваша по слову моему, в память обо мне и Саре Болен.

А теперь пусть гоннагл сыграет «Цветики-цветочки» и прощайте – встретимся в Догробном мире, надеюсь. А ты, Тиффан, будь осторожна, – добавила умирающая. – Все сказки где-то были, все песни где-то правда...

Старая кельда умолкла. Гоннагл наполнил воздухом свою визжалю, подув в одну из трубочек. Слишком высокая для человеческого уха нота отдалась в ушах Тиффани противным хлопанием.

Через несколько мгновений Фиона склонилась над постелью матери и заплакала.

Явор Заядло, с глазами, полными слёз, повернулся к Тиффани.

– Не бушь ли ты добра выйти в больший зал, кельда? – тихо сказал он. – Нам надуть кой-что сделать, сама понимаешь, как оно...

Тиффани кивнула и очень осторожно, чувствуя, как спешат убраться с её дороги пиксты, попятилась назад. Она отыскала уголок, где вроде бы никому не мешала, и села там, прислонившись спиной к стене.

Она думала, что Фигли опять заведут своё «ой-ёи-ёи», но, похоже, горе их было слишком велико для причитаний. Кто-то тихо плакал, кто-то смотрел в пустоту. Новость распространялась, и зал заполняла надломленная, полная слёз тишина.

...В тот день, когда умерла матушка Болен, холмы молчали.

Каждый день кто-то ходил наверх, относил матушке свежее молоко и хлеб и кости собакам. Это ни к чему было делать так часто, но Тиффани слышала, как отец говорил матери:

– Мы должны присматривать за ней теперь...

В тот день была очередь Тиффани. Для неё такие поручения были в радость. Ей нравилось ходить к бабушке.

И она услышала тишину. Раньше тишина состояла из множества еле различимых звуков, а теперь над кибиткой будто раскинулся шатёр молчания.

Она сразу всё поняла, ещё до того, как поднялась к кибитке, открыла дверь и увидела матушку Болен на узкой кровати.

Холод стал расползаться по телу Тиффани. Она чувствовала его. Она даже слышала его – высокую, пронзительную ноту. И ещё голос, её собственный голос, который говорил: «Поздно, слезами делу не поможешь, не время плакать, надо столько всего сделать...»

И... она покормила собак, терпеливо дожидавшихся завтрака. Ей было бы легче, если бы они как-то показали, что горюют по бабушке,

например заскулили или попытались лизнуть её лицо, но овчарки ничего такого не делали. И в голове Тиффани по-прежнему звучал голос: «Не плачь, не надо. Не плачь по мамушке Болен».

И вот, сидя в пещере, она мысленным взором видела, как Тиффани семи лет от роду, чуть меньше, чем теперь, ходит по кибитке, словно кукла...

Она прибралась в хижине. Кроме кровати и печки, там почти ничего не было. Сундук с одеждой, бочка с водой, ящик для еды – вот и всё. Нет, конечно, повсюду лежали вещи, необходимые в пастушеском хозяйстве: горшки, бутылки, мешки, ножи, ножницы – но ничего такого, что выдавало бы в хижине жильё. Разве что сотни сине-жёлтых обёрток «Весёлого капитана», прищипленных к стене. Тиффани сняла одну из них (и до сих пор хранила её под матрасом) – и ей вспомнилась История.

Мамушка Болен редко говорила больше нескольких слов кряду. Она роняла их так скупно, словно они стоили денег. Но однажды, когда Тиффани принесла еду, бабушка рассказала ей историю. Ну, или что-то вроде. Мамушка Болен развернула обёртку и наградила Тиффани своим слегка озадаченным взглядом – она часто так смотрела на внучку. Потом она сказала:

– Я повидала их тысячи, а вот его корабль никогда не видала.

Она так говорила «корабль».

Конечно, Тиффани кинулась посмотреть, но ей не удалось увидеть корабля на картинке, как никогда не удавалось увидеть на ней голую женщину.

– Просто корабль там, где его не видать, – сказала бабушка. – Но у него есть корабль. Чтобы гоняться за большущей белой рыбой-китом в море-океане. Гоняется и гоняется, весь мир по кругу обойдёт – и снова. А кита зовут Мопи. Он огромный, как меловой утёс. В книжке так говорится^[18].

– А зачем Капитан гоняется за рыбой-китом? – спросила Тиффани.

– Чтобы поймать, – сказала бабушка. – Да только нипочём не поймает, потому что мир круглый и море тож, вот он и гоняется за рыбой-китом весь век. Всё равно что себя догнать пытается. Не ходи в море, джиггат. Там жуткие дела творятся. Всяк тебе скажет. Оставайся здесь, в холмах, они у тебя в костях.

Вот и всё. В тот день случилось то, что бывало на памяти Тиффани очень редко: мамушка Болен заговорила о чём-то, никак не касающемся овец. И это был единственный раз, когда она признала, что за пределами Мела есть жизнь. Тиффани стали сниться Весёлый Капитан, его корабль

и рыба-кит. Весёлый Капитан гнался за китом, а иногда рыба-кит гналась за Тиффани, но в последнюю минуту всегда поспевал Весёлый Капитан на своём могучем корабле и спасал Тиффани, и вечная погоня снова шла по кругу.

А иногда она во сне бежала к маяку и просыпалась в тот самый миг, когда дверь распахивалась. Тиффани никогда не видела моря, но в доме по соседству на стене висела картинка: там мужчины цеплялись за плот, плывущий по огромному бушующему озеру. Маяка видно не было.

И Тиффани, присев возле узкой кровати, стала думать о мамушке Болен, и о маленькой Саре Брюзгель, как она аккуратно рисовала цветы в книжке, и о мире, который потерял своё сердце.

Ей не хватало тишины. Тишина, что висела над кибиткой теперь, была уже не та. Бабушкино молчание было тёплым и уютным, в него можно было закутаться, как в плед. Может, мамушка Болен иногда и не сразу припоминала разницу между ягнёнком и ребёнком, но её тишина всегда была открыта для Тиффани. И с собой надо было взять только своё молчание.

Тиффани было жаль, что она уже не сможет попросить прощения за пастушку.

Потом она отправилась домой и сказала всем, что мамушка Болен умерла. Тиффани тогда было семь, и её мир лежал в руинах.

Кто-то вежливо стучал по башмаку Тиффани. Она открыла глаза, и жаб выплюнул камушек.

– Прошу прощения. Я бы постучал лапой, но мы для этого слишком склизкие создания.

– И что мне теперь положено делать? – спросила Тиффани.

– Ну, если ударишься головой об этот низкий потолок, определённо сможешь выставить иск о причинении телесных повреждений, – ответил жаб. – Хм... Это я только что сказал?

– Да, и надеюсь, уже пожалел, что не промолчал, – сказала Тиффани. – Но почему ты это сказал?

– Не знаю я, не знаю... – простонал жаб. – Прости, о чём мы говорили?

– Я спросила: чего Фигли ждут от меня? Что я должна делать?

– О, по-моему, это происходит не так. Ты теперь кельда. Это ты говоришь, кому что делать.

– А почему Фиона не может быть кельдой? Она же пикста!

– Не могу тебе сказать.

– Может, я пррригожусь? – раздался голос у Тиффани над ухом.

Она обернулась – позади неё, на галерее, стоял Вильям Гоннагл.

Вблизи стало заметно, что он во многом не похож на других пикстов. Его волосы не торчали во все стороны, а были собраны в аккуратный конский хвост. Татуировок было меньше. И говорил он иначе, медленнее и чётче, налегая на «р», отчего оно рокотало, как барабанная дробь.

– Э-э, да, – сказала Тиффани. – Почему Фиона не может стать кельдой? Вильям кивнул.

– Хоррроший вопрррос, – признал он вежливо. – Однако кельда ведь не может взять в мужья своего брррата. Фионе придётся найти дррругой клан и стать женой одного из его воинов.

– А почему воин из другого клана не может прийти сюда?

– Потому что его тут не знают. И не будут уважать. Никакого ррресpekта, – объяснил гоннагл. Последнее слово прогрохотало, как горная лавина.

– Ах вот как. А... что ты начал говорить про Королеву, когда тебе не дали сказать?

Вильям смутился:

– Не знаю, могу ли я рррасказывать тебе...

– Я – ваша временная кельда, – твёрдо сказала Тиффани.

– О да. Что ж... В былые вррремена мы жили в мире Коррролевы и служили ей. Тогда она ещё не была такой холодной. Но она пррровела нас, и мы восстали. То были мрррачные времена. Мы ей не по нррраву. И более я ничего не скажу, – закончил Вильям.

Фигли входили в пещеру кельды и выходили снова. Что-то там творилось.

– Они хоррронят кельду в дррругой пещере, – пояснил Вильям, угадав мысли Тиффани. – Рядом с прррошлыми кельдами.

– Я думала, они будут... не такие тихие, – призналась она.

– Она была им матерью, – сказал Вильям. – Им не до криков и не до слов. Их серррдца слишком полны скорррбью. Когда придёт время, мы спррравим по ней тризну, дабы её возвррращение в Догррробный мирррр прррошло легче. И вот тут уж будет шумно, поверь мне. Мы будем танцевать Пятьсотдвенадцатерной рил^{19} под «Чёрррта в стряпчих», есть и пить, а наутррро головы у моих племянников будут пухлые и огррромные, как овцы. – Старый Фигль мимолётно улыбнулся. – Однако до тех поррр каждый вспоминает её в тишине. Мы не оплакиваем умерррших, как вы. Мы оплакиваем тех, кто остался.

– Она и тебе была матерью? – тихо спросила Тиффани.

– Нет, – ответил Вильям. – Она была мне сестрой. Разве она не говорила тебе? Когда кельда отправляется в чужой клан, она берёт с собой нескольких братьев, чтобы не быть одной среди чужаков, оно ведь слишком тоскливо. – Он вздохнул. – Разумеется, потом она рождает много сыновей, и ей уже не так одиноко.

– Но тебе одиноко, – сказала Тиффани.

– А ты сообразительная, надо признать, – сказал Вильям. – Когда всё будет кончено, я попрошу новую кельду отпустить меня обратно в горы, к моей родне. Здесь хорошие тучные земли и хороший клан, но я хочу умереть среди родного вереска. Попрошу простить меня, кельда. – Он отошёл и растворился среди теней.

А Тиффани вдруг страшно захотелось домой. Может, просто тоска Вильяма передалась ей, но почему-то она почувствовала себя в пещере как в ловушке.

– Выберусь-ка я на свет, – сказала она жабу.

– Хорошая мысль, – одобрил он. – Тебе ведь ещё надо найти место, где время не такое, как везде.

– Но как? – всхлипнула Тиффани. – Время ведь нельзя увидеть!

Она сунула обе руки в нору, ведущую наружу, и кое-как вытащила себя на воздух...

На ферме были большие старые часы, время на них устанавливали раз в неделю. То есть когда отец отправлялся на рынок в Ивовые Ключи, он заодно смотрел там на башенные часы и, вернувшись домой, переводил стрелки домашних часов в то же положение. Всё равно никто по ним время не определял. Все смотрели по солнцу, а солнце не врет.

Тиффани легла на землю среди колючих кустов, неумолчно шелестящих на ветру. Курган, словно остров, плыл по бескрайнему морю трав. Поздние примулы и даже несколько потрепанных наперстянок цвели под защитой корней боярышника. Передник лежал рядом, там, где она его оставила.

– Она могла бы просто сказать мне, где искать, – пожаловалась Тиффани.

– Нет. Она не знала, где это, – сказал жаб. – Знала только, по каким приметам можно найти нужное место.

Тиффани осторожно перекатилась на живот и стала смотреть на голубое небо по ту сторону завесы склонившихся к самой земле ветвей.

– Думаю, мне надо поговорить с Хэмишем, – сказала она.

– Верно, хозяйка, – раздалось у неё над ухом.

Тиффани повернула голову:

– И как давно ты тут?

– Завсегда, хозяйка, – ответил Фигль.

Из-за веток и из-под листьев показались и другие пиксты. Их было не меньше двух десятков.

– Вы всё время наблюдали за мной?

– Ах-ха, хозяйка. Эт' нашенский долг – приглядывать за своей кельдой. А я так вообще почём зря наверху торчу. Я тут на гоннагла учусь, – юный пикст с гордостью показал свою визжалъ, – а наши грят, мол, моя игра пока звучит так, будтова паук ушами пердит, хозяйка.

– Но что, если я захочу побыть... если мне надо будет... Что будет, если я скажу, что не хочу, чтобы меня охраняли?

– Если ты про зов природы, так тубзя вон тама, в меловой яме. Ты токо скажи, и никто из нас не сунет нос, зубдамс, – заверил её Фигль.

Тиффани сердито уставилась на него. Фигль стоял среди примул, очень довольный и гордый своей ролью телохранителя. Он оказался моложе прочих, и шишек и шрамов у него было не так много. Даже нос явно ни разу не ломали.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок, хозяйка. Понимашь, у пикстов не так много имён, приходится делиться.

– Послушай, Не-так-громазд-как-мал-Джок... – начала Тиффани.

– Как средний, хозяйка, – поправил Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок.

– Так вот, Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок, я могу...

– Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок, хозяйка, – сказал Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок. – Один Джок прозабыла.

Тиффани почувствовала себя беспомощной.

– А тебе никогда не хотелось, чтобы тебя звали, скажем, Генри? – спросила она.

– Ах-х, нае, хозяйка, – поморщился Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок. – Что эт' за имя, если в ём нет истории. А Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок звали много славных воинов. Эт' же почти тако же славное имя, как сам Мал Джок! А если Мал Джок отправится в Догробный мир, я стану Мал Джок. Хотя Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок мне тоже нравится. Мы, Не-так-

громазды-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джоки, много славных подвигов подвигли, про нас сказы есть, – добавил пикст.

Тиффани не хватило духу съехидничать по поводу длины этих историй – маленький пикст явно очень гордился собственным именем.

– Э-э... – протянула она, – пожалуйста, я хотела бы поговорить с Хэмишем-летуном.

– Да лехко, – отозвался Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок. – Он тута, наверху.

И он исчез. Мгновение спустя Тиффани услышала – точнее, почувствовала зачесавшимися ушами – тонкий свист Фиглей.

Она достала «Болезни овец» из кармана передника и вырвала оттуда последнюю страницу. Страница была пустая, но Тиффани всё равно чувствовала себя ужасно виновато, как будто совершила преступление. Она достала карандаш и написала:

Дорогие мама и папа!

Как вы поживаете? У меня всё хорошо. Винворт тоже жив-здоров, только мне придётся отправиться и забрать его из ~~Велл~~ оттуда, где он сейчас. Постараюсь не задерживаться.

Тиффани

PS: Надеюсь, с сыром всё благополучно.

Пока она перечитывала написанное, над головой раздался шум крыльев, потом трепыхание крыльев помельче, шлепок, и тихий, усталый и довольно-таки приглушённый голос сказал:

– Ах, раскудрить его...

Тиффани выглянула из кустов на пастбище. Хэмиш торчал вверх ногами, головой в земле. Руки, снабжённые самодельными крылышками,

по-прежнему были растопырены в стороны^[9].

Вытащили его пиксты не сразу. Когда он в падении начинает вертеться вокруг своей оси и так, вращаясь, ввинчивается в землю головой, объяснили они Тиффани, его надо вывинчивать осторожно, в противоположную сторону. А то можно уши оторвать.

Как только Хэмиша поставили на ноги и он закачался перед ней, Тиффани спросила:

– Ты можешь обернуть этот листок вокруг камня и бросить его где-нибудь во дворе фермы, чтобы его нашли люди?

– Ах-ха.

– И... послушай, а тебе не больно вот так на голову падать каждый раз?

– Нае, хозяйка, токо жуть кыкс с панталыку сбивает.

– Знаешь, есть одна игрушка, которая могла бы тебе пригодиться, – сказала Тиффани. – Сделай себе что-то вроде воздушного мешка...

– В'здушного мешка? – не понял летун.

– Ну, знаешь, как ветер надувает бельё, которое сохнет на верёвках? Так вот, мы просто делали из тряпок как бы такой мешок и привязывали к нему верёвочки, а к верёвочкам – камень. И тогда если сбросить всё это с высоты, воздух наполняет мешок, и камень падает медленно, как листок.

Хэмиш таращился на неё во все глаза.

– Ты понял, о чём я говорю?

– Ах-ха. Я просто ждал, не сказанёшь ли ты чего ишшо, – вежливо сказал Хэмиш.

– Как думаешь, получится у тебя *одолжить* немного тонкой ткани?

– Нае, хозяйка, но я бум-бум, хде её тыркс, – ответил летун.

Тиффани решила оставить это без внимания.

– Можешь сказать, где была Королева, когда опустился туман?

Пикст ткнул пальцем:

– Хде-то с милю тудыть, хозяйка.

В той стороне были другие курганы и несколько камней, оставшихся с древних времён.

Их называли трилитонами, что означает попросту «три камня». Здесь, на холмах, не встречалось других камней, кроме кремня, а куски кремня никогда не бывают большими. Но кто-то в древности таскал огромные валуны по меньшей мере за десять миль и складывал их вместе, как дети строят домики из кубиков. Там и тут попадались круги из больших камней, а где-то валуны стояли поодиночке. Должно быть, понадобилось очень много сил и времени, чтобы устроить всё это. Поговаривали, что когда-то

на камнях приносили людей в жертву. А ещё говорили, что камни были частью какой-то забытой религии. А ещё – что они отмечали старые могилы.

А ещё – что камни служили предупреждением, какие места надо обходить стороной.

Тиффани не обходила. Они с сёстрами несколько раз исследовали камни – вдруг удалось бы отыскать череп-другой. Но курганам возле камней было много сотен лет. Всё, что там можно найти сейчас, – это кроличьи норы.

– Есть что ишшо, хозяйка? – спросил Хэмиш. – Нае? Ну, тады я полетел.

Он вскинул руки над головой и побежал по полю. Тиффани подпрыгнула, когда канюк вышел из пике в нескольких шагах от неё, подхватил пикста и взмыл ввысь.

– Как может человек шести дюймов ростом так выучить птицу? – удивилась она вслух, глядя, как канюк кругами набирает высоту.

– Ах, тута всегой-то и нужно, что мал-мал капелька доброты, – пояснил Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок.

– Правда?

– Ах-ха, и громазда ложка люлей, – добавил Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок. – Чтоб приучивать их, Хэмиш бегаёт по полю в кроличье шкуруне и ждёт, когда канюк на него набрякнется.

– Ужас какой.

– Да не, он с ними не слишком злобунствует. Просто даёт бошкой в лоб, чтоб птахс отрубился, – успокоил её Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок. – А потом мажет ему клюв особым маслом. И когда большой птахс очухивается, то думает, что Хэмиш – его мамочка.

– Похоже, он на землю почти и не спускается, – сказала Тиффани, наблюдая за удаляющимся канюком.

– Верно, хозяйка. Хэмиш спит в канючьем гнезде. Говорит, там чудь как тепло. А когда не спит, то летает почём зря. Говорит, ему ндра килт проветривать.

– А птицы не против?

– Нае, хозяйка. Всяк птахс и зверь в округе знает: дружить с Фиглями – к удаче.

– Да?

– Ну, по правде, хозяйка, они знают, что не дружить с Фиглями – к большой неудаче.

Тиффани посмотрела на солнце. До заката оставалось всего несколько часов.

– Мне надо найти проход, – сказала она. – Послушай, Не-так-мал-как...

– Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок, хозяйка, – терпеливо поправил пикст.

– Да, спасибо. Послушай, где Явор Заядло? Где вообще все, если уж на то пошло?

Юный гоннагл немного смутился:

– Они тама внизу мал-мал препираки-драки устроили, хозяйка, – признался он.

– Так. Нам надо отыскать моего брата, ясно? Я ведь здесь кельда, правильно?

– Тута кой-что мал-мал за-пу-тан-нее, хозяйка. Они, э-э, как раз за тебя и препирают...

– Спор обо мне?

Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок, похоже, мечтал провалиться сквозь землю.

– Эм... они препирают... они того... обо...

Тиффани поняла, что ничего не добьётся. Фигль густо покраснел. А поскольку в обычном состоянии он был синий, то теперь приобрёл неприятный фиолетовый оттенок.

– Я полезу обратно в нору. Будь добр, подтолкни мои башмаки, хорошо?

Она съехала вниз по сухой земле, и пиксты в пещере брызнули в стороны.

Когда глаза Тиффани привыкли к темноте, она увидела, что галереи опять запружены народом. Некоторые Фигли перед её прибытием мылись, другие зачем-то смазывали свои рыжие волосы жиром и зачёсывали их назад. И все как один уставились на неё так, будто она поймала их на горячем.

– Нам пора идти, если мы хотим нагнать Королеву, – сказала Тиффани, глядя в упор на Явора Заядло.

Он стоял над раковиной, сделанной из половинки грецкого ореха, и умывался. С рыжей бородищи, заново заплетённой в косы, капала вода. Волосы тоже были натуго заплетены в три длинные косы, так что, вздумай он резко повернуть голову, мог бы зашибить кого-нибудь насмерть.

– Ах, ну... – промямлил он, – поперёд надуть уладить одно мал-малюсенькое дельце.

Явор Заядло вертел в руках крошечную мочалку для лица. Когда Явор вертит, это значит, что он взволнован.

– Да? – сказала Тиффани.

– Э... не желашь ли чашечку чаю?

И вперёд выступил пикст с золотым кубком, наверняка сделанным для давно почившего короля. Тиффани взяла кубок. Ей и правда хотелось пить. По рядам пикстов пронёсся вздох. Чай оказался на удивление хорош.

– Хорош чаёк, а? Мы спёрли цельный мешок этого добра у торговца с большой дороги, – похвастался Явор Заядло и пригладил волосы мокрыми руками.

Тиффани замерла, не донеся кубок до рта. Должно быть, пиксты не понимали, как громко они шепчутся, тем более что перешёптывались они на галерее, а галерея была как раз на уровне ушей Тиффани.

– Не, я что? Я ничё... А всё ж таки она мал-мал громаздоваста.

– Ах-ха, кельда и должна быть громазда, чтоб плодить много-много детов.

– Ах-ха, то верно, добра баба – громазда баба. Но ведь ежели кто захочет её обнявить, ему ж придётся мелом метить, хде он завчера остановился.

– И годков ей маловато, сдаётся...

– Дыкс ей ж не надуть вотпрямца детов делать. Ну, много зараз не надуть. Штук по десять моно по первости.

– Раскудрить, ребя, об чём ваще речь? Ясно дело, она Явора Заядло выберет. Вона у него как у него, бедолажца, коленки блямс-блямс, отсюдыть видать...

Тиффани выросла на ферме. А на ферме истории о том, что детей приносит аист или их находят в капусте, не приживаются, особенно если корова начинает телиться среди ночи и роды проходят нелегко. Тиффани даже помогала овцам ягниться – когда у них не всё идёт гладко, маленькие руки могут быть очень кстати. Она знала о том, зачем баранам привязывают спереди мешочки с красным мелом и почему у овец с красными отметинами на спинах весной появляются ягнята. Просто удивительно, как много может узнать ребёнок, склонный наблюдать и помалкивать, даже из того, что взрослые считают неподходящим для детей.

Тиффани разглядела на другом конце пещеры Фиону. Пикста недобро улыбалась.

– Что происходит, Явор Заядло? – спросила Тиффани, осторожно подбирая слова.

– Ну, эт... эт' всё законы нашего клана, понимаешь, – смущённо пролепетал Фигль. – Ты ныне наша кельда, и хочеваем мы того или нет, мы должны спросить тебя, значит... бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу... – Он торопливо попятился.

– Я что-то не уловила, – сказала она.

– Мы все себя отдраили, вишь, – сказал он. – Кой-кто даже взаправду вымылся в росяном пруду, хотя ишшо токо май, а Громазд Йан попервой в жисть помыл под мышками, а Туп Вулли насобирал тебе ай-какой букетик.

Туп Вулли выступил вперёд, нервно сглотнул и гордо вскинул в воздух упомянутый букет. Цветы в нём, возможно, были красивые, вот только Фигль не очень-то представлял себе, как их рвать и как составить из них букет. Стебли, листья и лепестки торчали из его кулака во все стороны.

– Очень мило, – Тиффани отпила чаю.

– Лана... лана... – Явор Заядло вытер пот со лба. – Дыкс, может, ты сказанёшь... сказанёшь нам... бу-бу-бу...

– Они хочевают, чтобы ты сказанула, кого из них возьмёшь в мужья, – громко объявила Фиона. – Таковый закон. Ты должна назвать имя будущего мужа и день свадьбы, иль ты боле не кельда.

– Ах-ха. – Явор Заядло старался не встречаться с Тиффани взглядом.

Кубок в руке Тиффани не дрогнул, но только потому, что все её мышцы разом одеревенели. В голове неслось: «Аргх!.. Это происходит не со мной! Я не могу... Он же не... Мы бы не... Они даже... Это смешно! Бежать!»

Но она знала, что к ней прикованы взгляды сотен крохотных глаз. «Очень важно, как ты теперь станешь себя вести, – заметил Задний Ум. – Фиона ждёт, что ты будешь делать. Нет, правда, глупо недолгобливать девицу вчетверо меньше тебя ростом, но что есть, то есть – она тебе не нравится».

Тиффани заставила себя улыбнуться:

– Это так неожиданно... Большая честь для меня, конечно.

– Ах-ха, – сказал Явор Заядло, глядя в пол.

– И вас ведь так много. Нелегко сделать выбор, – продолжала Тиффани, всё так же улыбаясь. А Задним Умом подумала: «Он тоже не в восторге».

– Ах-ха, трудновасто, – отозвался Явор Заядло.

– Пожалуй, я лучше поразмыслю над этим на свежем воздухе, – сказала Тиффани и упрямо улыбалась, пока не выбралась наружу.

Усевшись на корточки, она вгляделась в заросли примул:

– Эй, жаб!

Он выбрался на свет, дожёвывая что-то:

– Ммм?

– Они хотят жениться на мне!

– И?

– И?! Сам подумай!

– Ах да, разница в росте, – сказал жаб. – Конечно, сейчас она ещё не так заметна, но когда ты вытянешься до пяти футов семи дюймов, а твой муж будет по-прежнему шесть дюймов...

– Не смейся надо мной! Я кельда!

– Ну, так в этом-то всё и дело, верно? Фигли рассуждают так: есть правила, их надо соблюдать. Новоиспечённая кельда выбирает одного из воинов, становится его женой, и вскоре на свет появляются много-много Фиглей. Отказаться – значит нанести страшное оскорбление...

– Не пойду я замуж за Фигля! Я не могу рожать сотни детей! Скажи мне, как быть!

– Чтобы я указывал кельде, что ей делать? Как можно, – притворно возмутился жаб. – И вообще, мне не нравится, когда на меня кричат. У жаб тоже есть гордость, знаешь ли. – И он уполз обратно в кусты.

Тиффани набрала побольше воздуха, чтобы рывкнуть на него... но передумала. «Старая кельда знала, что так будет, – сказала она себе. – Выходит, она рассчитывала, что я найду способ выкрутиться. Это ведь только правила, и Фигли сами не знают, как с ними быть. Никто из них не хочет брать меня в жёны, хотя если спросить, они, конечно, ни за что не признаются. Это только правила...

Должен быть способ их обойти. Его не может не быть. Но выбрать жениха и назначить день свадьбы придётся. Это было сказано ясно».

Тиффани задумчиво уставилась на заросли боярышника. Хм...

Она заползла обратно в нору.

Фигли уже заждались и изволновались. Каждая испуганная бородатая физиономия повернулась к Тиффани.

– Я выбираю тебя, Явор Заядло, – сказала она.

Лицо Явора перекопилось от ужаса. Тиффани расслышала, как он пискнул себе под нос: «Ох, раскудрить!»

– Но ведь назначить день свадьбы должна невеста, верно? – жизнерадостно продолжала Тиффани. – Все это знают.

– Ах-ха. Таковой обычай, как есть... – дрожащим голосом признал Явор Заядло.

– Ну, раз так, я назову этот день. – Тиффани набрала полную грудь воздуха. – На краю света высится большая-пребольшая гора, гранитная скала в милю высотой, – начала она. – Раз в год из далёкого далека прилетает маленькая-маленькая птичка и трётся о скалу клювом. И когда птичка сотрёт гору так, что от той останется только крохотная песчинка, я стану твоей женой, Явор Заядло Фигль.

Явор Заядло сначала от ужаса ударился в настоящую панику, потом до него начало доходить, и он медленно расплылся в довольной ухмылке.

– Ах-ха, отлично, – проговорил он. – В таких делах поспешать ни к чему.

– Точно, – подтвердила Тиффани.

– И у нас будет выш-крыш времени, чтоб список гостей заделать и всяк-так...

– Верно.

– А ишшо ж надобно платьё выбрать, цветики тебе, и вообще. – С каждым мгновением к Явору Заядло возвращалась радость жизни. – Это ж вечно мона возиться...

– О да, – кивнула Тиффани.

– Но она же по правде сказанула «нае»! – не выдержала Фиона. – Ведь мульёны лет пройдут, пока птахс...

– Она сказанула «ах-ха»! – перебил Явор Заядло. – Вы все слышали, парни! И она названула день! Всё как покладено!

– Да и что нам та гора, – вмешался Туп Вулли, по-прежнему сжимая свой букет. – Ты тока сказани, хде она, и мы наверняк свернём её бырей, чем мал-мал птахс...

– Не-не-не, токо птахс! – в отчаянии возопил Явор Заядло. – Ясно? Мал-мал птахс. И хватит препиракаться! А если кому невмочь, дыкс я могу отвесить ему люлей с ноги! Нам ещё мал-малёнка выручёвывать от Кральки! – Он выхватил меч и вскинул его над головой. – Ну, хто со мной?

Это сработало. Нак-мак-Фигли предпочитают ясно видеть цель. В воздух взметнулись сотни мечей и боевых топоров, а также потрёпанный комок цветов Тупа Вулли. Пещера огласилась громовым боевым кличем Нак-мак-Фиглей. Чтобы прийти в боевой раж, пикстам требуется так мало времени, что даже самые крошечные часы не в состоянии отмерить этот интервал.

– Двум смертям не быва, штанов не теря!

– Прольтарии всех стра, пролетайте!

– Гони кошель, умри героем!

– Всем кирдыкс, один оста!

– Траккансы нале-напра!

...Но вскоре все голоса слились в один дружный хор:

– Долой Королька! Долой Кральку! Долой господавов! Нас уже не окрутнёшь!

Клич смолк, пыль, посыпавшаяся со свода пещеры, осела, и наступила тишина.

– Вперёд! – взревел Явор Заядло, и все Фигли как один посыпались с галерей и прочь из пещеры.

Вскоре никого не осталось.

– Куда это они? – спросила Тиффани.

– Ах, да лишь бы куды, – сказала Фиона. – Я останусь тут стеречь очаг. Кто-то же должен быть за кельду. – И она сердито зыркнула на Тиффани.

– Надеюсь, ты скоро найдёшь себе собственный клан, Фиона, – вежливо сказала Тиффани.

Пикста одарила её ещё более злобным взглядом.

– Они побегают малость, может, пришибут паррру кррроликов да кувырррнутя ррраз-дррругой, – сказал Вильям. – Но потом поостынут – им ведь так и не сказали, что делать.

– Они что, всегда так? Ну, вот так прямо с места в карьер?

– О, Яворрр Заядло хотел побыстрее закончить ррразговоррры о свадьбе, – ухмыльнулся гоннагл.

– Да, тут я его хорошо понимаю, – сказала Тиффани.

Она выбралась наружу. Жаб уже поджидал её.

– Я подслушивал, – признался он. – Молодец. Очень умно. И дипломатично.

Тиффани огляделась. До заката оставалось несколько часов, но тени быстро удлинялись.

– Нам пора, – сказала она, завязывая передник. – Ты пойдёшь с нами, жаб.

– М-м-м, я мало что знаю о том, как попасть в...

Жаб попытался попятиться, но жабы не очень-то для этого приспособлены. Тиффани подхватила его и сунула в карман передника.

Она побежала по траве в сторону курганов и больших камней. «Мой брат никогда не вырастет, – думала она. – Так сказала старая кельда. Как это может быть? Что это за место, где человек не становится старше?»

Курганы стали ближе. Вильям и Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок бежали рядом с ней, но остальных

Нак-мак-Фиглей не было видно.

И вот она уже среди курганов. Сёстры говорили, здесь покоятся древние короли, но Тиффани это не пугало. Ничто на холмах её не пугало. Вот только тут было холодно. Раньше она такого не замечала.

«Найди место, где время не такое, как везде»... Курганы очень древние. Они уже история. И камни тоже. Может, об этом речь? Нет, они хоть и из прошлого, но громоздятся на холмах уже тысячи лет. Они состарились здесь. Они стали частью этого места.

Солнце опустилось ниже, и тени вытянулись ещё больше. Настал час, когда Мел открывает свои тайны. В некоторых местах, когда свет падает под определённым углом, можно разглядеть границы старых полей и дорог. Тени открывают глазам то, что не может открыть подсолнечный свет.

Тиффани сама придумала это: «подсолнечный свет».

Она не нашла даже отпечатков копыт. В отчаянии она походила вокруг трилитонов – они ведь выглядели так похоже на огромную каменную дверь. Но Тиффани прошла сквозь проём туда и обратно, и ничего не случилось.

Такого она не предусмотрела. Здесь должна была быть волшебная дверь. Точно.

В ушах противно захлюпало – кто-то заиграл на визжали. Тиффани огляделась, и точно: Вильям Гоннагл стоял на поваленном камне, надув щёки и мешок мышьиной волынки.

Тиффани помахала, чтобы привлечь его внимание.

– Ты видишь что-нибудь? – спросила она.

Он выпустил мундштук, и в ушах перестало хлюпать.

– Ах-ха.

– Вроде как дверь в мир Королевы?

– Ах-ха.

– Можешь мне показать?

– О, мне ни к чему показывать кельде, – ответил Вильям. – Кельда всё ясно видит сама.

– Но ты мог бы мне показать.

– Да. А ты могла бы сказать «пожалуйста», – сказал он. – Мне девяносто шесть лет от ррроду. Твою бабушку я уважил бы, но я не потерррплю, чтобы мной командовало какое-то мелкое овно!

– Овно?

– Это значит «овен», то есть баран, ну, или овца, – вмешался жаб. – Просто поверь.

– И он меня зовёт мелкой...

– Внутри я больше, чем снаррружи! – заявил гоннагл. – И твоему па

тож бы не пондррра, если бы великанша-пигалица топала вокррруг и указывала ему, что делать.

– Старая кельда указывала!

– Ах-ха, но у неё был наш рррреспект! – последнее слово Вильяма эхом раскатилось по округе.

– Ну пожалуйста! Я не знаю, что делать!

Вильям посмотрел на неё сурово, но заговорил уже мягче:

– Ха, ты пока не так уж плохо спррравляешься. Ты отверрртелась от свадьбы с Яворрром Заядло, не нарррушив пррравил, и ты рисковая крррасавка. Отдаю тебе должное. Ты найдёшь пррроход, если дашь себе время. Токо не надо топать ножкой и ждать, что миррр всё сделает, как ты хочешь. Пока ты только орёшь, что хочешь конфет, понимаешь? Смотри глазами. Думай головой.

Он снова зажал мундштук, надул визжаль, и у Тиффани из ушей опять потекла сера.

– А ты что скажешь, жаб? – спросила Тиффани, заглянув в карман.

– Боюсь, тут тебе придётся самой. Кем бы я ни был в прошлой жизни, я мало знаю о том, как находить невидимые двери. И должен сказать, мне тоже не нравится, когда решают за меня.

– Но... но я не знаю, что делать! Может, тут поможет волшебное слово?

– Понятия не имею, поможет ли тебе волшебное слово, – отрезал жаб и повернулся к ней спиной.

Тиффани чувствовала, что вокруг собираются Нак-мак-Фигли. У них была крайне неприятная привычка становиться очень-очень тихими, когда им требовалось.

О нет, подумала она. Они-то верят, будто я знаю, что делаю. Так нечестно! Меня же такому никто не учил. Я даже в школу для ведьм не ходила. Так я в жизни ничего не найду! Проход, должно быть, где-то рядом, надо только сделать или сказать что-то, но мне ни за что не догадаться, что именно.

Они смотрят на меня и оценивают, много ли я могу. А всё, что я могу, – это делать сыры. Но ведьма не отступает перед трудностями...

Она вынула из кармана жабу и почувствовала тяжесть «Болезней овец». Когда Тиффани достала книгу, пиксты дружно ахнули.

Они же верят, что слова имеют силу...

Она открыла книгу наугад и нахмурила брови.

– Шлангит, – прочитала она вслух.

Фигли вокруг почтительно склонили головы и принялись толкать друг

друга локтями.

– Шлангит обычно бывает у молодых ярок. В запущенных случаях может перейти в стадию гофрирования. Рекомендуется вливать в овцу дозу скипидара ежедневно, до тех пор, пока не придёт конец либо шлангиту, либо скипидару, либо овце.

Тиффани осмелилась поднять глаза. Пиксты таращились на неё во все глаза, облепив все камни и курганы. Похоже, ей удалось произвести на них впечатление.

Жаль только, «Болезни овец» так и не смогли стронуть лёд в вопросе волшебных дверей.

– Шелудение, – продолжала Тиффани. – Кожные изменения в области брудей. Хорошо помогает скипидар...

И тут краем глаза она заметила мишку. Очень маленького медвежонка того ярко-красного цвета, что так редко встречается в природе. Тиффани очень хорошо знала этих медвежат – любимое лакомство Винворта. На вкус они были как клей пополам с сахаром, хотя делали их из чистейших искусственных добавок и ничего другого.

– Ага, – сказала она. – Значит, моего брата несли здесь. Теперь я уверена.

Фигли зашевелились. Тиффани пошла вперёд, зачитывая вслух про «воспаление зева» и «вертячку», но постоянно поглядывая под ноги. И вскоре увидела следующего мишку, на этот раз ярко-зелёного, почти незаметного в траве.

«Так-так...» – подумала она.

Поблизости возвышалось одно из каменных сооружений: два камня стояли торчком, третий лежал сверху, так что всё вместе было похоже на дверь. Тиффани уже пыталась ходить через неё туда-сюда, но тогда ничего не произошло.

Но ведь ничего и не должно было произойти, поняла она. Нельзя оставить дверь в мир нараспашку, чтобы мог зайти кто попало. Иначе люди то и дело будут забредать туда по случайности. Чтобы войти в дверь, надо знать, что перед тобой – дверь.

Возможно, иначе она просто не работает.

«Отлично. Тогда начнём с того, что вход – здесь», – решила Тиффани.

Она подошла ближе к каменному порталу. За ним открывался дивной красоты вид: зелёная трава, голубое небо, уже розовеющее вокруг низкого солнца, несколько белых облаков, загулявших допоздна, и всё в тёплых, медовых тонах... Даже не верилось, что на свете существует такая красота. И хотя Тиффани видела её почти каждый день всю свою жизнь, это ничего

не меняло – зрелище было сказочное. И что особенно здорово, для того, чтобы насладиться им, даже не надо было смотреть сквозь какие-то каменные ворота, видом можно было любоваться отовсюду...

Вот только...

Только что-то было неправильно. Тиффани несколько раз прошла сквозь проём, но по-прежнему не была уверена, не померещилось ли ей. Она вытянула руку перед собой и попыталась измерить, на какой высоте зависло низкое солнце.

И тут она увидела птицу. Ласточка в погоне за мошкой скользнула за каменный портал.

Выглядело это... странно. Тиффани даже расстроилась немного. Ласточка скрылась за камнем, и взгляд Тиффани машинально сместился туда, где должна была появиться птица. И она появилась. Но не сразу. Она опоздала, пусть всего на мгновение.

А потом ласточка пролетела по ту сторону ворот до следующего камня... и на миг оказалась сразу по обе стороны каменного столба.

От попыток за ней проследить у Тиффани глаза разбежались в разные стороны и с трудом собрались вместе.

Ищи место, где время не такое...

– Мир по ту сторону проёма отстаёт на секунду, а то и больше, – сказала она вслух, изо всех сил стараясь придать голосу уверенность. – Я ду... я знаю, что вход здесь.

Некоторые Нак-мак-Фигли разразились радостными воплями и захлопали в ладоши. Вся толпа синекорых человечков устремилась к ней.

– Ух, как ты здоровенски читанула! – заявил Явор Заядло. – Я прям ни словечка не бум-бум.

– Ах-ха, всяк бум-бум, что когда ни шиша не бум-бум – эт' и есть самый велик-могуч язык, – вставил ещё кто-то.

– Эт' было очень по-кельдовски, хозяйка! – подхватил Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок.

– Ах-ха, – сказал Туп Вулли. – А как ты этих самых сласть-ведмедей углядела и вид не подала, а? И даж мал-мал зелёногого! Мы и не думали, что ты его узыришь!

Пиксты перестали ухмыляться и сердито уставились на него.

– А чё я тако сказанул? Чё тако?

Радость Тиффани как ветром сдуло.

– Вы всё это время знали, что вход здесь, да? – сказала она.

– О, то правда, – признал Явор Заядло. – Мы таки штуки-дрюки бум-бум. Мы ж живали в мире Кральки, но восстали спротив её злющей

власти...

– И она нас вышвыркнула за то, что мы, мол, завсегда нажраты, тыркс всё и морда дракс, – сказал Туп Вулли.

– И ничуть не так всё было! – взревел Явор Заядло.

– И вы хотели посмотреть, смогу ли я сама найти вход, верно? – быстро спросила Тиффани, пока не завязалась драка.

– Ах-ха. И ты суправила, красавка.

Тиффани покачала головой:

– Ничего я не справилась. На самом деле я не колдовала. Я этого и не умею. Я просто внимательно смотрела и думала. Я вас обманула.

Пиксты переглянулись.

– Ой, да лана, – сказал Явор Заядло. – Что та магия? Махай себе палкой да колдунских словей гри. Всяка дурилка смогёт! А вот видать, что перед тобой, впрямь видать, что оно есть, и мозгой шур-шур – вот эт' не всяк умеет, тут дар нужен!

– Ах-ха, верррно, – поддержал его Вильям Гоннагл, чего Тиффани никак не ожидала. – Ты глядела глазами и думала головой. Так-то настоящая карррга и делает. А колдунство это всё – прррросто рехлама.

Тиффани воспрянула духом:

– Правда? Ну, тогда... Эй, все! Вот она, наша дверь!

– Верно, – сказал Явор Заяло. – А ща покажь нам, как пройти.

Тиффани растерялась было, но потом подумала: я чувствую, что я думаю. Я слышу, как идут мои мысли. И что это за мысли? А мысль-то одна: я уже проходила сквозь этот проём, и ничего не произошло.

Но тогда я не смотрела глазами. И не думала головой. Вернее, думала, но не так, как надо.

По ту сторону камней виден не настоящий мир. Он только кажется настоящим. А на самом деле это что-то вроде... волшебной картинки, которую сделали, чтобы спрятать проход. И если не сосредоточиться как следует, то можно просто войти в эту картинку и выйти обратно, ничего не заметив...

Так-так...

Она прошла между камнями. Ничего не произошло. Нак-мак-Фигли притихли и внимательно наблюдали за ней.

«Ладно, – подумала Тиффани. – Я всё ещё позволяю водить меня за нос, верно?»

Она встала перед каменным проёмом, вытянула руки в стороны и закрыла глаза. Очень медленно шагнула вперёд. Что-то заскрипело под ногой, но Тиффани продолжала идти, не открывая глаз, пока пальцы

не сказали ей, что камни-двери остались позади.
Тогда она открыла глаза...
И увидела, что всё вокруг стало чёрно-белым.

Глава 8

Там, где всегда зима

– О да, она умеет видеть с Перррвого Взгляда, – раздался голос Вильяма Гоннагла за спиной Тиффани, пока она разглядывала мир Королевы. – Пряма берёт и видит, что оно есть.

Вокруг, насколько хватало глаз, был снег. Грязновато-белый снег сливался с грязновато-белым небом, и Тиффани словно стояла внутри шарика для пинг-понга. Только чёрные загогулины голых деревьев тут и там позволяли отличить небо от земли...

И, конечно, следы копыт. Они тянулись вперёд, к лесу чёрных деревьев, погрязшему в снегу.

Холод иглами колот кожу.

Она посмотрела вниз: Нак-мак-Фигли толпой валили сквозь каменную дверь и проваливались по пояс в снег. Ни слова не говоря, они окружили её, некоторые достали из-за спины мечи.

Они больше не смеялись и не шутили. Они были серьёзны

и сосредоточенны.

– Тыкс, – сказал Явор Заядло. – Ну ты молодец. Ща погоду тут, а мы жих-жих сграбастнём твоего мал-малого братца и приведём тебе, лехко...

– Я тоже пойду! – выпалила Тиффани.

– Нае, кельда не моёт...

– Моёт! То есть я могу! – заявила она, дрожа. – Он мой брат! И где мы вообще?

Явор Заядло быстро взглянул в серое небо. Солнца нигде не было.

– Что ж, раз уж ты тут, мож, не вред ужо и сказануть... Эт' то, что вы зовёте Волшебенной страной.

– Волшебная страна? Не может быть! Я видела её на картинках! Там всё зелёное, и солнце светит, цветы повсюду, и колокольчиковый звон... Пухлые детишки в комбинезончиках играют на рожках... Человечки с крылышками! И, э-э... всякие странные люди. Я видела на картинках!

– Тут не всегда было, как ща, – коротко ответил Явор Заядло. – И ты не моёшь с нами, у тебя оружия шиш.

– Где моя сковородка?

Что-то гулко ударило о землю позади неё. Тиффани обернулась: Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок торжествующе взмахнул её оружием.

– Лады, скевародска у тебя есть, – признал Явор Заядло. – Но тама, куды мы идём, нужен меч из громового железа. Так оно вроде покладено: хотёшь впереть в Волшебенную страну – имей при себе...

– Я умею обращаться со сковородкой, – перебила Тиффани. – И я...

– Атасы! – закричал Туп Вулли.

Вдалеке показалась цепочка чёрных точек. Кто-то вскарабкался по спине Тиффани и встал у неё на голове.

– Чёрные собаки! – объявил Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок. – Их тама дюжины, Явор!

– Нам от них не сбежать! – крикнула Тиффани, перехватив сковородку половчее.

– А нам и не надуть, – ответил Явор Заядло. – Ща-то при нас есть гоннагл. Токо тебе, мож, лучше ухи позатыкать.

Вильям, не сводя глаз с приближающейся своры злейхаундов, откручивал от визжали трубки и складывал в мешок, висевший у него на плече.

Собаки быстро приближались. Тиффани уже видела зубы-ножи и горящие пламенем глаза. Вильям без спешки достал из мешка другие трубки, серебрястые и поменьше, и вкрутил их вместо старых.

– Я сыгррраю вам, – объявил он, когда злейхаунды были уже так близко, что можно было разглядеть слюну, капавшую из пастей, – хит всех времён «Конь тугезый»!

Нак-мак-Фигли дружно побросали мечи и зажали руками уши.

Вильям поднёс визжалю к губам, притопнул раз-другой и, когда одна тварь уже припала к земле, чтобы прыгнуть на Тиффани, заиграл.

Очень много чего случилось одновременно. У Тиффани занули все зубы. Сковородка завибрировала и выпала из её рук. Глаза собаки, изготовившейся к прыжку, съехались к носу, и пёс не прыгнул, а пьяно повалился вперёд.

Остальным злейхаундам тоже было не до пикстов. Они выли. Они кружились на месте. Кусали себя за хвосты. Спотыкались и налетали друг на друга. Распалённая свора убийц превратилась в несколько десятков несчастных, страдающих животных, которые корчились и катались по земле, пытаясь вывернуться из собственной шкуры.

Вокруг Вильяма, красного от натуги, таял снег. От земли шёл пар.

Наконец он перестал играть. Барахтавшиеся в грязи злейхаунды встрепенулись – и все, как один, поджав хвосты, рванули прочь через снежную равнину, словно за ними злейхаунды гнались.

– Ну вот, таперь они бум-бум, что мы тута, – сказал Явор Заядло, вытирая слёзы.

– О эо ыло? – спросила Тиффани, ощупывая зубы, чтобы проверить, все ли на месте.

– Вильям сыгранул боль-музыку, – объяснил Явор Заядло. – Ты её не слыхаешь, тамушта она слишком пицавая. Но псинки слыхают, у них от этого бошки бо-бо. А ща мы топс-топс быро, пока Кралька кого ишшо не заслала.

– Их послала Королева? Но они же будто из кошмарного сна явились! – удивилась Тиффани.

– Точь-точь, – подтвердил главный Фигль. – Там-то она их и добывает.

Тиффани посмотрела на Вильяма – он невозмутимо менял обратно трубки своей визжалю. Поймав её взгляд, он неожиданно подмигнул:

– Мы, Фигли, музыку очень уважаем, – и кивком показал на снег у её ног.

Там лежал маленький жёлтый мишка, сделанный из чистейших искусственных красителей и ароматизаторов.

А снег вокруг Тиффани таял и таял...

Двое пикстов с лёгкостью несли Тиффани, она летела над снегом,

слева и справа бежали воины клана.

Небеса без солнца... Даже в самые пасмурные дни обычно видно, где за облаками прячется солнце. Но не здесь. И было в этом мире ещё что-то странное, что-то такое, что Тиффани никак не могла ухватить и назвать. Как будто это место – ненастоящее. Она не могла сказать, откуда у неё такое ощущение. Горизонт был так близко, что, казалось, протяни руку – и дотронешься. Глупо.

И всё здесь было какое-то... незаконченное. Вот, например, деревья в лесу впереди. «Дерево – это дерево, – думала она. – Близко ли, далеко ли, оно всё равно дерево. Ствол, ветки, корни. Даже если дерево издали кажется просто расплывчатой кляксой, ты знаешь, что всё это у него имеется».

Но здесь деревья были другими. Тиффани не оставляло ощущение, будто они на самом деле – просто расплывчатые кляксы, а ствол, ветки и корни отращивают, когда она приближается настолько, что пора уже различать детали. Как будто спохватываются: «Кто-то идёт! Быстрее! Прикидываемся настоящими!»

Это было словно путешествовать по картине, где художник не особенно старался прорисовать то, что далеко, но стоит куда-нибудь посмотреть, и он спешно пытается придать предметам правдоподобие.

Воздух был холодным и мёртвым, как в старом подвале.

Когда они вошли в лес, свет потускнел. Между деревьями он стал казаться голубоватым и зловещим.

«Нет птиц», – подумала Тиффани.

– Стоп!

Пиксты замедлили ход, но Явор Заядло вмешался:

– Лучше не болтуваться тута почём зря. Вперёд, ребя!

Тиффани достала из кармана жабу.

– О тшьёрт, – сказал жаб. – Плохо дело. Мне положено быть в спячке.

– Почему всё вокруг такое... странное?

– Ничего не могу сказать. Я просто вижу снег, вижу лёд, вижу, что замерзаю до смерти. Так говорит моя внутренняя жаба.

– Но тут не настолько холодно!

– А мне... очень... холодно. – Жаб закрыл глаза.

– Я сказану тебе, хде ты, – вмешался Явор Заядло, не переставая насторожённо вглядываться в голубоватые тени. – Ты бум-бум эту гнусну мелюзговину, что присасывается к буранам? А как нажрётся крови, то отваливается? Дыкс от, весь этот мир – такая мелюзговина.

– В смысле, он как клещ? Паразит? *Вампир?*

– Ах-ха. Околачивается в округах, пока не сыскнёт слабое место, хде никто не зырит. И тады открывається дверь, и Кралька засылаєт свой народец. Шоб грабить, понимаешь? Зерно с амбаров тырить, скотов гонять...

– Мы для неё му-зверей тырили, – подсказал Туп Вулли.

– Вулли, – проговорил Явор Заядло, направив на него свой меч. – Помнишь, я грил тебе, шоб ты вдругорядь думал поперёд, чем свой жиренный рот раззявливать?

– Ах-ха, Явор.

– Дыкс эт' был тот-сам рядь. – Явор Заядло отвернулся от него и смущённо посмотрел на Тиффани. – Ах-ха, мы были самолучшие тырцики Кральки. Верзуны даж на охоту не высуйносили, боялись синих человек. Но ей всё было мало. Она завсегда хочет ишшо. А мы грим: непрально тырить последнюю хрюксу у старуксы или еду у тех, кому самим закуснуть нечем. Любой Фигль, понимаешь, лехко утибрит золоту плоску у наплюмаженного верзуна, но...

Когда им пришлось украсть чашку, где старик хранил свою вставную челюсть, им стало стыдно, сказали пиксты. Нак-мак-Фигли обожают хорошую драку и весёлый разбой, но в чём интерес побить слабого и ограбить бедного?

У кромки сумрачного леса Тиффани слушала историю мира, где ничего не растёт, где не светит солнце, и если что-то здесь появляется, значит, оно не отсюда. Этот мир брал и брал, а взамен давал лишь страх. Он совершал разбойничьи набеги, приучал людей оставаться в постелях, когда они слышат странные звуки по ночам. Потому что, когда кто-то пытался воспротивиться, Королева вмешивалась в их сны.

Тиффани не поняла толком, как она это делала, но именно оттуда, из снов, появились злейхаунды и прочие чудовища. Эти сны были не похожи на обычные. Ближе к реальности. Королева делала их... плотнее. Ты проваливался в такой сон и исчезал. И не просыпался, пока чудовища тебя не нагонят...

Слуги Королевы воровали не только еду. Людей тоже.

– Дудошников, к примеррру, – сказал Вильям Гоннагл. – Эльфы и фейки не могут игрррать музыку. Если кто хорррошо игрррает, она его похитит заррради музыки.

– И она ворует детей, – проговорила Тиффани.

– Ах-ха. Твой мал-мал братик не первой, – подтвердил Явор Заядло. – Тута полна куча хаханек и хиханек, понимаешь. Она-то думкает, что бум-бум, как с ребёнками обращаться.

– Старая кельда сказала, Королева не причинит ему вреда, – произнесла Тиффани. – Ведь это правда?

Все мысли Нак-мак-Фигля написаны у него на лице. Их можно читать, как открытую книгу. Большую такую книгу, с картинками типа «Куда спрятался пёсик?» и «Большой красный мяч» и одним-двумя простыми предложениями на страницу. И вот сейчас на лице каждого Фигля огромными буквами нарисовалось: «Раскудрить, от почему ей надуть было спросать про то, про что мы не хотём грить?»

– Так это правда? – упрямо спросила Тиффани.

– Ах-ха, кельда не суврала тебе. Кралька бу с ним сюсь-пусь, добренька. Тока она ни бум-бум про добрость. Она ж эльф. А эльфы токо про себя думкать умеют.

– И что будет с ним, если мы не сможем его вернуть?

И опять у всех на лицах нарисовалось: «Ну от зачем оно тудить забрело...»

– Я спрашиваю... – начала Тиффани.

– Рискну сказать, что она его верррнёт, – ответил Вильям. – Не постаревшим ни на день. Здесь ничто не становится старррше. Ничто не рррастёт. Ничто и никто.

– Значит, с ним всё будет хорошо?

Явор Заядло глухо булькнул: похоже, язык его пытался согласиться, но поспорил с мозгом, который знал, что ответ – «нет».

– Рассказывайте, о чём вы молчите, – сказала Тиффани.

Туп Вулли вызвался говорить первым:

– Мы много за что помалчиваем. Впример, про точку расплавления свинца...

– Чем дальше сюды вглубь, тем медленней время текёт, – поспешно перебил его Явор. – Годы за дни уходят. Твой малой брат надоедёт Кральке, мож, за месяц-два. Месяц-два тута, а тута время вязко и тяжело. Но когды он возвернётся взад в подсолнечный мир, ты будешь ужо громазда, а мож, и кирдыкснешься. Так что, ежли у тебя буду ребёнки, ты им лучше накажи: зырьте, мол, в оба, не появится ли на холмах мал-малец, такенный липкий весь и сластей просит – эт' ваш дядька Винворт. И эт' ишшо не самохудшее. Ежли долго-долго жить в снах, спятишь наверняк. И тады ты уж нипочём толком не пробудишься, не сможёшь уцепиться за настоящее.

Тиффани сердито уставилась на него.

– Так уже бывало, – сказал Вильям.

– Я верну его, – тихо сказала она.

– Мы и не сумлевались, – сказал Явор Заяadlo. – И куды б ты ни пошла, Нак-мак-Фигли с тобой, тамушта Нак-мак-Фигли ничё не боятся!

Пиксты дружно взревели, но сгущающиеся тени вокруг впитали боевой клич, словно губка.

– Ах-ха, ничего, окромя стряпчих и законни... – успел брякнуть Туп Вулли, прежде чем Явор Заяadlo заткнул ему рот.

Тиффани снова нашла следы копыт и пошла по ним. Снег неприятно скрипел под ногами. Она прошла немного, наблюдая за тем, как деревья у неё на глазах становятся настоящими. Тиффани обернулась – Нак-мак-Фигли крались по снегу следом за ней, рассыпавшись цепью. Явор Заяadlo ободряюще кивнул. Всюду, где ступали её башмаки, в снегу оставались прогалины, и сквозь них прорастала зелёная трава.

Деревья начали действовать Тиффани на нервы. Когда вещи меняются прямо у тебя на глазах, это пугает похуже всяких чудовищ. Монстра можно ударить, но как ударишь лес? А ей очень хотелось кому-нибудь врезать...

Она остановилась и отгрестила снег из-под ствола какого-то дерева. Там, где ствол должен был продолжаться под снегом, оказалась только серая пустота, которая, впрочем, торопливо заросла и прикинулась, будто всегда была стволом.

Это было куда хуже злейшаундов. Собаки были всего-навсего чудовищами. Их можно было одолеть. А это... пугало...

Она снова стала думать Задним Умом. Наблюдала, как в ней растёт страх, как в желудке разгорается огненный шар, как начинают потеть локти. Но всё это было... отдельно. Она наблюдала за своим страхом, а значит, часть её, тот самый внутренний наблюдатель, не боялась.

Да вот беда, ноги, которые несли бесстрашного наблюдателя, боялись. Придётся быть осторожнее.

Вот тут-то всё и случилось. Страх захлестнул её с головой. Она в непонятном мире, где водятся монстры, а за ней топает толпа синекожих разбойников. А ещё... чёрные собаки. Всадники без головы. Чудища в реке. Овцы, уносящиеся вдаль задом наперёд, не шевеля ногами. Голоса под кроватью...

Ужас одолел её. Но Тиффани осталась верна себе и побежала ему навстречу, на бегу поднимая сковородку. Она выберется из этого леса, найдёт Королеву, отыщет брата и вернётся домой!

Позади неё раздались крики, и она...

Проснулась.

Никакого снега, белыми были только простыни да штукатурка на потолке спальни. Некоторое время Тиффани разглядывала её, потом

свесилась заглянуть под кровать. Там не оказалось ничего, кроме ночного горшка. А когда Тиффани рывком распахнула дверь кукольного домика, там обнаружили только два солдатика, мишка и кукла без головы.

Стены были твёрдыми. Половицы скрипели так же, как и всегда. И тапочки тоже были родные, всегдашние – тёплые и уютные, с облезлым розовым ворсом.

Она встала посреди комнаты и тихо-тихо окликнула:

– Есть здесь кто?

Где-то вдалеке заблеяла овца, но вряд ли она расслышала вопрос.

Дверь со скрипом отворилась, и вошёл Крысодав. Потёрся о ноги Тиффани, рокоча, как далёкая гроза, и запрыгнул к ней на кровать, где и свернулся клубком.

Тиффани медленно и задумчиво оделась, предоставив комнате шанс выкинуть какой-нибудь фокус.

Когда она спустилась, завтрак был на плите. Мать возилась у раковины.

Тиффани стрелой промчалась мимо, в буфетную, а оттуда – в молочню. Там она опустилась на колени и стала заглядывать под раковину и подо все шкафы.

– Можете выходить, честно, – сказала она.

Никто не показался. Она была в молочне одна. Ей часто доводилось бывать тут одной, и ей это нравилось. Это было вроде как её личное царство. Но сейчас молочня казалась слишком чистой, слишком пустой...

Когда она вернулась в кухню, мать по-прежнему стояла у раковины и мыла тарелки, но на столе был накрыт завтрак на одного: тарелка исходящей паром овсянки.

– Собью-ка я сегодня ещё немного масла, – осторожно начала Тиффани, садясь за стол. – Раз уж у нас всё равно так много молока...

Мать кивнула и поставила тарелку на сушилку рядом с раковиной.

– Я ведь ничего плохого не натворила? – спросила Тиффани.

Мать покачала головой.

Тиффани вздохнула. «А потом она проснулась и поняла, что это был только сон...» Чуть ли не самый плохой конец, какой только можно придумать. Но всё выглядело таким настоящим! Она помнила дымный запах пещеры пикстов и как... – как же его звали? Ах да, Явор Заяadlo! – как он всегда нервничал и смущался, разговаривая с ней.

Вот что странно, подумала она, почему вдруг Крысодав потёрся об мои ноги? Он мог спать в её постели, если знал, что его не прогонят, но днём старался держаться от Тиффани подальше. Удивительно...

Возле камина что-то задребезжало. Фарфоровая пастушка на матушкиной полке сама собой поползла вперёд – Тиффани застыла, не донеся ложку до рта. Фигурка добралась до края полки и рухнула на пол, разбившись на множество осколков.

Дребезжание раздалось снова, теперь оно доносилось из большой печки. Её дверца тряслась, чуть не слетая с петель.

Тиффани повернулась к матери – та как раз клала очередную тарелку сушиться. Но удерживала она её не рукой...

Дверца печи слетела-таки с петель и заскользила по плиткам.

– Не ешь овсянку!

Сотни Нак-мак-Фиглей высыпали в кухню, разбежались по полу.

Стены двигались. Пол шевелился. А то, что перестало мыть посуду и повернулось к Тиффани, выглядело уже даже не человеком – просто... грубое подобие, не лучше пряничного человечка. Цветом оно было как серое старое тесто. И ковыляло к ней, на ходу меняя форму.

Пиксты рванули ему навстречу в вихре снега.

Тиффани смотрела в крохотные чёрные глаза твари.

Крик зародился где-то глубоко внутри. Ни Передний, ни Задний Ум тут были ни при чём, крик жил сам по себе. И сорвавшись у Тиффани с губ, он стал заполнять пространство, образуя чёрный тоннель, куда она и провалилась, успев услышать какую-то возню и:

– Эй, чё зыришь, а? Мал-мала люлей захотил?

Тиффани открыла глаза.

Она лежала на влажной земле в сумрачном заснеженном лесу. Пиксты озабоченно смотрели на неё, но другие, стоявшие чуть дальше, напряжённо вглядывались в тени среди деревьев вокруг.

На деревьях что-то виднелось. Что-то комковатое. Серое. Оно свисало с ветвей, словно клочья ветоши.

Тиффани повернула голову и увидела Вильяма – он стоял рядом и смотрел на неё с тревогой.

– Это был... просто сон, да? – спросила она.

– Как бы тебе сказать, – ответил он. – И да, и нет.

Тиффани резко села, пиксты поспешно отпрыгнули.

– Но там была эта... это... было вот оно! А потом вы все выскочили из печки! – воскликнула она. – Вы были в моём сне! Что это за... что это была за тварь?

Вильям Гоннагл посмотрел задумчиво, собираясь с мыслями.

– Мы зовём их дрёмами, – сказал он. – Всё, что здесь есть, на самом

деле не отсюда, помнишь? Всё или оторражение чего-то извне, или укррадено из дррругого миррра, или сотворено магией Коррролевы. Дрём прятался среди деревьев, а ты бежала так быстррро, что не заметила его. Пауков видала?

– Конечно!

– Так вот: пауки плетут паутину, дрёмы плетут сны. Здесь это легко. Этот миррр и сам почти нереальный, почти сон. И вот дрём плетёт для тебя сон, а во сне скрррыта ловушка. Стоит съесть что-нибудь в таком сне, и тебе уже не захочется пррросыпаться^[20].

Он посмотрел на Тиффани так, будто его речь должна была потрясти её.

– А дрёму это зачем? – спросила она.

– А ему нррравится смотреть сны. Ты во сне веселишься, и ему весело. Вот он и будет смотреть, как ты ешь во сне, пока ты не помрёшь с голоду. И тогда дрём съест тебя. Не сррразу, конечно. Сначала подождёт, пока ты станешь малость слякучей, у него ведь нет зубов.

– И как можно выбраться из такого сна?

– Самолучшее – сыскнуть дрёма, – вмешался Явор Заяadlo. – Он всегда где-то тама, в сне, тока причипуренный, чтоб не узнать. А как сыскнёшь – дай ему люлей, и готов.

– Дать люлей – в смысле?..

– Секир-бошка здоровски помогает.

«Ну хорошо, – подумала Тиффани. – Я потрясена. Век бы не знать таких потрясений».

– И это – Волшебная страна? – спросила она.

– Ах-ха. Одно из тех её мест, что турррыстам не показывают, – подтвердил Вильям. – А ты была молодцом. Сопррротивлялась. Сррразу поняла, что дело нечисто.

Тиффани вспомнила дружелюбного кота и упавшую пастушку. Она пыталась подать себе самой сигнал об опасности. Надо было лучше прислушиваться.

– Спасибо, что пришли туда за мной, – сказала она севшим голосом. – А кстати, как вам это удалось?

– Ах, мы могём пррробррраться куда угодно, хоть бы и в сон, – с улыбкой ответил Вильям. – Воррры мы или не воррры, а?

Кусок дрёма шмякнулся с ветки в снег.

– Ну, больше я им не попадусь! – твёрдо сказала Тиффани.

– Ах-ха. Верю. У тебя глаза горят жаждой крррови, – уважительно сказал Вильям. – Будь я дрёмом и будь у меня капля сообррражения, я бы

теперь деррржался от тебя подальше. Они нам ещё встретятся, имей в виду, и среди них есть весьма хитррроумные. Они тут, у Коррролевы, стррражами служат.

– Меня теперь не проведёшь! – заявила Тиффани.

Она вспомнила, как страшно ей сделалось, когда чудовище поковыляло на неё, меняя облик. Ещё страшнее было оттого, что дело происходило дома, где всё родное и знакомое. Да, её охватил ужас, когда тварь ломилась к ней через кухню, но и гнев тоже. Как оно посмело вторгнуться в её дом!

Чудовище не просто пыталось убить её, тут было дело чести...

Вильям наблюдал за ней.

– О да, я вижу: твоя ярррость велика и сильна, – сказал он. – Должно быть, ты очень любишь своего малого бррратца, если отправилась за ним сюда, в логово чудовищ.

И Тиффани ничего не смогла с собой поделать – непрошенные мысли явились сами: «Я не люблю его. Нисколько не люблю. Он такой... липкий, и ходит медленно, и отнимает много времени, и вечно орёт, чтобы ему что-нибудь дали. С ним не поговорить. Он просто хочет, и всё».

Но Задним Умом она подумала другое: «Он мой. Моя земля, мой дом, мой брат! Да как они посмели тронуть моё!»

Её с раннего детства учили, что нельзя думать только о себе. И она старалась соответствовать. Старалась заботиться о других. Никогда не брала последний кусок хлеба. Но тут было другое.

Она не была ни отважной, ни благородной, ни доброй, и знала это. В том смысле, который люди обычно вкладывают в эти слова, она, Тиффани, таких прекрасных качеств лишена. И теперь она отправилась на выручку брату, потому что это надо было сделать, потому что не знала, как можно этого не сделать. Она подумала о...

...О том, как матушка Болен ходила с фонарём по холмам. В искрящиеся морозные ночи, в бури и шторма, сметающие всё на своём пути, как война... Шла и спасала замерзающих ягнят или баранов, свалившихся с обрыва. Замёрзшая, усталая, она никогда не сдавалась и тяжело ступала сквозь ночь – ради тупых овец, которые никогда не поблагодарят и не наберутся ума, и завтра, может быть, их снова придётся спасать. Она делала это, потому что не делать было неммыслимо.

Однажды Тиффани с бабушкой встретили на дороге бродячего торговца. У него был ослик, такой маленький, что его сложно было

разглядеть под наваленной на него поклажей. И торговец бил ослика палкой, потому что ослик упал.

Тиффани расплакалась. Бабушка посмотрела на неё и тихонько сказала что-то Грому и Молнии.

Услышав рычание, торговец перестал бить осла. Овчарки встали по сторонам от него так, что он не мог посмотреть на одну из них, не повернувшись спиной к другой. Он поднял палку, чтобы ударить Молнию, и Гром зарычал громче.

– Не советую тебе этого делать, – сказала матушка Болен.

Торговец не был глупцом. Глаза собак напоминали стальные шарики. Он опустил руку.

– А теперь брось свою палку.

Он послушался, выронив палку, будто она вдруг обожгла ему руку. Палка упала в пыль.

Матушка Болен подошла и подобрала её. Тиффани запомнилось, что это был ивовый прут, тонкий и гибкий.

И вдруг, так резко, что невозможно было увидеть движение, матушка взмахнула розгой и дважды ударила торговца по лицу. На щеках его остались две красные отметины. Он хотел было шагнуть к ней, но, должно быть, в последний миг разум всё-таки достучался до него и спас ему жизнь, потому что собаки уже ждали только команды «взять!».

– Больно, да? – ласково спросила матушка. – Так-так... Я знаю, кто ты, а ты, конечно, знаешь, кто я. Ты продаёшь горшки и кастрюли, неплохие, как я слышала. Но одно моё слово – и больше ты в моих холмах ни гроша не заработаешь. Я предупредила. Лучше накорми скотину, чем пороть её. Ты слышал меня?

Торговец кивнул. Глаза его были закрыты, руки тряслись.

– Сойдёт, – сказала матушка Болен, и собаки вмиг снова стали обычными овчарками, подошли к ней и уселись слева и справа, вывалив языки.

На глазах у Тиффани торговец снял часть поклажи с ослика и взвалил себе на спину, а потом очень бережно и осторожно заставил осла встать, и они пошли дальше по дороге. Матушка Болен смотрела им вслед, набивая трубку «Весёлым капитаном». Раскурив её, она проговорила так, словно мысль только что пришла ей в голову:

– Тот, кто может, должен помогать тому, кто не может. И кто-то должен заступиться за тех, кто сам не может за себя заступиться.

Тиффани подумала: выходит, это и означает быть ведьмой? Не такого я

ожидала! А в чём тогда хорошая сторона?

Она встала на ноги.

– Идём, хватит расслаиваться!

– Ты разве не притомнулась? – спросил Явор Заядло.

– Идём значит идём!

– Слухай, Кралька наверняк уволокла твоего братца в ейное логово поза лесом. Ежли ты бу пёхом, уйдёт часов два...

– Я пойду сама! – Перед внутренним взором Тиффани всплыло чудовищное лицо дрёма, но ярость быстро вытеснила видение. – Где моя сковородка? Спасибо. Идём!

И она зашагала вперёд по странному лесу. Следы копыт почти светились в сумраке. Иногда их пересекали цепочки других следов – отпечатки, похожие на птичьи, округлые вмятины, которые могло оставить что угодно, и волнистые линии, вроде как змеиные следы, если только бывают снежные змеи.

Пиксты бежали вровень с Тиффани по обе стороны от неё.

Её злость постепенно угасала, но Тиффани по-прежнему не могла смотреть по сторонам, чтобы не раскалывалась голова. То, что казалось далёким, приближалось слишком быстро, деревья менялись, когда она проходила мимо них.

Почти нереальный мир, сказал Вильям. Почти сон. Мир, которому не хватает реальности на нормальные расстояния и обличья. Невидимый художник всё работал и работал, отчаянно дорисовывая то, на что падал взгляд. Стоило присмотреться к дереву, и оно становилось почти как настоящее, хотя перед этим больше смахивало на каракули Винворта, нарисованные с закрытыми глазами.

«Поддельный мир, – подумала Тиффани. – Почти как сказка. В сказке нет нужды описывать деревья в подробностях – кому они интересны?»

Она остановилась на поляне и в упор уставилась на дерево неподалёку. Дерево, похоже, заметило это, потому что ствол обрёл складки коры, на ветках выросли веточки потоньше, как полагается. Под ногами Тиффани таял снег. Нет, не таял – просто исчезал, обнажая траву и палые листья.

«Будь я миром, которому остро не хватает реальности, – подумала Тиффани, – я бы тоже выбрала снег. Очень удобно, не требует больших усилий – белеет себе и белеет. И всё вокруг тоже делается белым и простым. Но я могу сделать его сложнее. Я более настоящая, чем этот мир».

Сверху раздалось жужжание, она подняла голову. И откуда ни возмись налетели сотни крохотных человечков, меньше Фиглей.

Человечков окружало золотистое сияние, а на спине у них трепыхались крылышки наподобие стрекозиных. Тиффани, как замороженная, протянула к ним руку...

И в тот же миг будто весь клан Фиглей прыгнул ей на спину и зашвырнул в сугроб. Когда она выкарабкалась, на поляне кипел бой. Летающие создания вились вокруг пикстов, как осы, те насакивали и рубили. Двое летунов схватили Явора Заядло за волосы и потянули. Он оторвался от земли, вопя и размахивая мечом.

Тиффани схватила его за талию и свободной рукой попыталась смахнуть противников. Они отпустили патлы Фигля и легко уклонились от её руки, безостановочно работая крыльями, словно колибри. Один из них куснул Тиффани за палец и метнулся прочь.

Откуда-то донёсся голос:

– Оооооооооооооо-ээээээээээээээээээррррррррррр...

Явор Заядло отчаянно извивался в её руке.

– Поставь меня скорее! Щаз как стиханёт!

Порхающие создания забыли о пикстах и ударились в панику. Некоторые столкнулись в воздухе.

– Нам столько вышло перррренеть, и хоть невзгод не перррречеть, – нараспев продолжал пикст, – всех хуже феи, что поррррхают между складок местности.

Феи пронзительно закричали. Некоторые попадали в снег, те, кто сумел удержаться в воздухе, рванули прочь.

– Они напали с воздуха, но ррразлетелись от стиха! – закончил Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок.

Фей и след простыл.

Фигли медленно поднимались на ноги. У многих кровоточили укусы. Несколько пикстов корчились на снегу и стонали.

Тиффани посмотрела на свой палец. Там, где её укусила фея, остались две крохотные дырочки.

– Всё типсы-топсы! – крикнул снизу Явор Заядло. – Никого не умыкнули, тока несколько ребя, хто уши поздно затыкнул, мал-мала закунтузило.

– Они поправятся? – спросила Тиффани.

– Ничё, оправятся с мал-мал помощью друзей.

Вильям поднялся на сугроб к Не-так-громазду-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок и дружески похлопал его по плечу.

– Давненько я не слыхал таких дуррррных стихов, парень, – сказал он. – Они оскоррррбляли слух и терррзали душу. Последние две стррррочки надо бы ещё подшлифовать, но зато у тебя отличный ррррык. Прекррррасная попытка в целом. Мы ещё сделаем из тебя настоящего гоннагла!

Не-так-громазд-как-средний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок счастливо зарделся.

В Волшебной стране слова и правда имеют силу, подумала Тиффани. А я здесь – более настоящая, чем всё вокруг. Я запомню.

Пиксты снова построились в боевой порядок (достаточно беспорядочный) и двинулись дальше. На сей раз Тиффани не стала кидаться вперёд очертя голову.

– Вот тебе твои мал-мал человеки с крыльями, – сказал Явор Заядло. – Пондра?

– Зачем они пытались унести вас?

– Ах, они, кого хватать, утащивают в гнёзда, а тама их мальки...

– Стой! – сказала Тиффани. – Ты собирался сказать что-то ужасное, да?

– Ах-ха. Умерзьявое, – ухмыльнулся Явор Заядло.

– И вы когда-то жили тут?

– Ну, тады тут было ишшо терпимски. Не сахар-мёд, канеш, но Кралька в те дни была не така ледыха. Королёк был при ней, и она была в щастии почём зря.

– И что случилось? Король умер?

– Нае. Они, понимаешь, словом-другим перекиднулись.

– В смысле, поссорились?

– Ну, малость вроде... Токо они не простыми словами перекиднулись, а волшебенными. Такими, что лесам кирдыкс, горы вдребезги, сотни народу копытсы откинули^{21}. Волшебенная страна и раньше-то была не хурорт, но жить было мона. Главное, на стрёме завсегда держаться, а так тут тебе были и цветики, и птахсы, и летожар. А ща всяких дрёмов, злейхаундов и кусачих феек понаползло из миров, и вся стана шурумкает в тартарары.

Создания из других миров, думала Тиффани, тяжело ступая по снегу. Миров много, и они существуют бок о бок, как горошины в стручке, а то и один в другом, как мыльный пузырь внутри пузыря побольше.

Ей представилось, как обитатели какого-то чужого мира незаметно проникают в другой мир, словно мыши в кладовку. Только эти твари куда хуже мышей.

«Что стал бы делать дрём, если бы попал в наш мир? Его ведь не увидишь, не почувствуешь – он тебе не позволит. Будет сидеть в уголке и путать мысли, и туманить взгляд, и насылать кошмары, пока тебе не захочется свести счёты с жизнью...»

А Задним Умом она подумала: «Интересно, сколько дрёмов уже пробралось к нам, а мы об этом и не знаем?»

«Я в Волшебной стране. Здесь сны могут причинять боль. «Все сказки где-то бьль, все песни где-то правда». А я-то гадала, что имела в виду старая кельда...»

И тут Задний Ум перебил: «Постой, это был Передний Ум?»

«Нет, – подумала Тиффани. – Это Дальний Умысел. Я думаю, как я думаю о том, что я думаю. По крайней мере, я так думаю».

Задний Ум сказал: «Так, давайте все немного успокоимся, тут слишком шумно для такой маленькой головы».

Лес всё не кончался. Может быть, он и не был таким уж большим, просто оставшиеся позади деревья успевали забежать вперёд, чтобы Тиффани и Фигли шли через него снова и снова. Они ведь были в Волшебной стране, а она на всё способна.

И снег по-прежнему исчезал там, где ступала Тиффани, и по-прежнему

любое дерево, стоило ей задержать на нём взгляд, спешило прикинуться настоящим.

«Королева, она ведь... королева, – думала Тиффани. – В её распоряжении целый мир. Она могла бы творить здесь что угодно. А она не придумала ничего лучше, чем воровать чужое и портить людям жизнь».

В отдалении раздался стук копыт.

«Это она! Что мне делать? Что я ей скажу?»

Нак-мак-Фигли отпрыгнули к деревьям.

– Убирайся с тропы! – крикнул Тиффани Явор Заядло.

– Но мой брат, может быть, ещё с ней! – помотала головой Тиффани, стискивая ручку сковородки и вглядываясь в синие тени.

– И чё? Стырим как-нить! Это ж Кралька! Её вот так напрямки не забороть!

Стук копыт стал громче, и уже можно было разобрать, что животных несколько.

Из-за деревьев выскочил олень. От его шкуры валил пар. Зверь уставился на Тиффани налитыми кровью глазами – и прыгнул. Она пригнулась – олень пролетел над ней. Тиффани почувствовала его запах, капли пота упали ей на затылок.

Это был настоящий олень. Такая вонь не может быть воображаемой.

А потом появились собаки.

Первой досталось ребром сковородки, и тварь полетела кувырком. Вторая попыталась было вцепиться в Тиффани, но с изумлением обнаружила, что под каждой её лапой объявилось по Фиглю. Очень трудно кусаться, когда твои лапы разбегаются в разные стороны. А потом другие пиксты запрыгнули собаке на голову, и вскоре кусаться стало совсем невозможно. Нак-мак-Фигли имели зуб на злейхаундов.

Тиффани подняла взгляд на белую лошадь. Лошадь тоже была настоящая, насколько можно было судить. А в седле сидел мальчишка.

– Ты кто такая? – спросил он. Прозвучало это как «Что ты за тварь?».

– Ты кто такой? – спросила Тиффани, отбросив волосы, упавшие на лицо.

Ничего лучше в сложившихся обстоятельствах она сделать не могла.

– Это мой лес! – заявил мальчишка. – И я приказываю тебе повиноваться!

Тиффани присмотрелась к нему. Тусклый, потёртый свет Волшебной страны мало что позволял разглядеть, но чем больше она смотрела, тем больше в ней крепла уверенность.

– Тебя ведь Роландом зовут?

– Не смей так со мной разговаривать!
– Ну точно. Баронский сын.
– А ну, замолчи! – Лицо мальчишки сморщилось и порозовело, словно он пытался не разреветься.

Он поднял хлыст...

Раздалось тихое «чпок». Нак-мак-Фигли успели построить акробатическую пирамиду под брюхом лошади, и в этот самый миг тот, который был на вершине, перерезал подпругу.

Тиффани поспешно вскинула руку.

– Не шевелись! – крикнула она, стараясь добавить голосу командных ноток. – Если двинешься – упадёшь с лошади!

– Ты что, колдуешь? Ты ведьма? – Мальчишка бросил кнут и достал из-за пояса длинный кинжал. – Смерть ведьмам!

Он ударил лошадь каблуками, и тут случилось одно из тех долгих мгновений, когда вся Вселенная, кажется, говорит «упс!»: как был, с кинжалом в руке, парень полетел с лошади и шмякнулся в снег.

Тиффани уже знала, что будет дальше. Крик Явора Заядло эхом разнёсся по лесу:

– Ну, ты попал, паря! Держи его!

– Нет! – взвизгнула Тиффани. – Не трогайте его!

Мальчишка стал отползать, не спуская с Тиффани испуганного взгляда.

– Ты ведь и правда Роланд, – сказала она. – Сын нашего барона. Все думали, ты погиб в лесу...

– Об этом нельзя говорить!

– Почему?

– Плохо будет!

– И так уже плохо, – сказала Тиффани. – Послушай, я пришла сюда, чтобы спасти моего...

Но парень уже вскочил на ноги и кинулся назад в лес. На бегу он обернулся и прокричал:

– Не лезь ко мне!

Тиффани бросилась за ним, перепрыгивая через присыпанный снегом бурелом. Мальчишка метался от дерева к дереву, она его видела. Вот он обернулся и приостановился.

– Эй, я знаю, как тебя отсюда... – начала она...

И танец унёс её.

Её держал за руку попугай или, по крайней мере, некто с головой попугая. Её ноги безупречно выводили одну фигуру за другой. Танец

привёл её к павлину или кому-то с головой павлина. Тиффани посмотрела через его плечо и увидела, что она в помещении, и даже не просто в помещении – в бальном зале, полном танцующих людей в маскарадных костюмах.

«Ага, – поняла она. – Снова сон. Надо было лучше смотреть, куда бегу...»

Музыка казалась странной. В ней был какой-то ритм, но мелодия звучала глухо и путано, словно её играл под водой задом наперёд оркестр, впервые в жизни увидевший инструменты.

И Тиффани правда надеялась, что остальные танцоры просто надели маски. На ней-то самой точно была маска – она смотрела сквозь отверстия для глаз и гадала, кого изображает. А ещё на Тиффани было платье, длинное и сверкающее.

«Ну, хорошо, – спокойно подумала она. – Где-то тут есть дрём, надо только его отыскать. А всё вокруг – сон. Но не мой. Дрём лепит сны из того, что найдёт у тебя в голове, а я сроду ничего такого не увидела».

– Фва ваа фваа ва вах? – спросил павлин.

Голос у него был под стать музыке в зале: вроде бы голос как голос, да не совсем.

– О да, – ответила Тиффани. – Прекрасно.

– Фваа?

– О. Э-э... ууф фаф фваф?

Кажется, помогло. Танцор с головой павлина коротко поклонился ей.

– Мва ваф ваф, – сказал он печально и пошёл прочь.

«Где-то здесь прячется дрём, – напомнила себе Тиффани. – Очень умелый дрём. Это огромный сон».

Хотя кое-какие мелочи подкачали. В зале были сотни людей, однако те, что вдалеке, хотя и двигались на первый взгляд вполне естественно, были совсем как деревья в волшебном лесу – просто тёмные кляксы и вихри красок. Но нужно было присмотреться, чтобы заметить это.

«Первый Взгляд», – подумала Тиффани.

Люди в великолепных маскарадных костюмах шествовали рука об руку мимо неё, словно она была всего лишь ещё одной гостьей. Те, кто не присоединился к новому танцу, направились к длинным столам в конце зала, заставленным блюдами с едой.

Такую еду Тиффани раньше доводилось видеть только на картинках. На ферме не голодали, но даже самое щедрое угощение на Свячельник выглядело совсем не так, как здешнее. Еда на ферме обычно была разных оттенков белого и коричневого. Никак не розовой и не голубой, и она уж

точно не дрожала и не шла рябью, когда кто-то проходил рядом.

Тут лежали штучки на палочках и сияющие, переливающиеся штучки в чашах. Всё украшал крем, или завитки шоколадной помадки, или тысячи крохотных разноцветных горошинок. Всё казалось взбитым, или глазированным, или присыпанным, или то, другое и третье разом. Это была не еда. Это было то, чем становится еда, когда после безгрешной жизни попадает в рай для еды.

Не еда, а сплошная показуха. Она лежала грудями вокруг огромных украшений из цветов и веток. Прозрачные резные фигуры высились тут и там, словно межевые камни в этом съестном краю. Тиффани протянула руку и коснулась сверкающего петушка. Кончикам пальцев стало мокро и холодно – петушок был изо льда. Другие фигуры изображали весёлого толстяка, чашу с фруктами, лебедя...

Тиффани на миг почувствовала искушение. Она уже очень давно ничего не ела. Но слишком уж бросалось в глаза то, что еда – вовсе не еда. Просто наживка. Она словно говорила: «Привет, малышка! Съешь меня!»

«А я нормально справляюсь, – подумала Тиффани. – Хорошо, что дрём не догадался подсунуть мне сыр...»

И стал сыр. Вдруг оказалось, что сыр был повсюду и всегда.

На картинках в «Ещегоднике» она видела много разных сыров. Тиффани удавались сыры, и ей всегда хотелось попробовать другие. Гагауда, почеширский сыр, амамбер, вглааздам, пролезан, взгрюйер... Не говоря уже о знаменитом ланкрском синезильном, который приходится приколачивать к столу гвоздями, чтобы он не ел другие сыры.

«Можно ведь только попробовать, совсем немножко... Это совсем не то же самое, что есть! В конце концов, – думала Тиффани, – я ведь начеку. Я вижу этот сон насквозь, верно? Так что он ничего мне не сделает, да?»

И всё-таки... гм, далеко не каждый почувствует такое желание попробовать при виде какого-то там сыра».

Ладно, дрём добавил сыры, как только Тиффани подумала о них, но...

Нож для сыра был у неё в руке. Тиффани не помнила, чтобы брала его.

Холодная капля упала ей на пальцы, заставив поднять глаза. Над столом высилась ледяная скульптура. На сей раз это оказалась пастушка. В юбках колоколом, будто под ними седельные сумки, и большой соломенной шляпке. Тиффани была готова поклясться, что ещё недавно на месте пастушки был лебедь.

И тут она снова разозлилась. Её чуть не одурачили! Тиффани посмотрела на сырный нож.

– Стань мечом, – сказала она.

Ведь это её сон, пусть и навеянный дрёмом. Она – настоящая. И часть её не спит.

Раздался «доннг!».

– Поправка. Стань мечом, но не слишком тяжёлым для меня.

На сей раз она смогла удержать клинок.

В огромном букете зашуршало, и из-под листьев высунулась рыжеволосая голова.

– Псст! – прошептала она. – Не жувай канапехи!

– Ты немного опоздал!

– Ах, ну, эт’ ж старый хитроумдрённый дрём, – сказал в своё оправдание Явор Заядло. – Сон не впускал нас, покуда мы не причипурились.

Он вылез из зелени и робко продемонстрировал свой наряд: чёрный костюм с галстуком-бабочкой. Вокруг зашуршало, и из цветочных украшений появились другие пиксты. Вместе они смахивали на стаю рыжеголовых пингвинов.

– Причипурились?

– Ах-ха, – сказал Туп Вулли. – И знашь, эти ваши бруки страх кык жмут в стеснялицах.

– Ты уже сыскнула дрёма? – спросил Явор Заядло.

– Нет! Тут слишком много народу!

– Мы те сподмогнём! Вблизях он не спрячется. Токо берегайсь! Кто его знает, чего он сотворнёт, коль узырит, что ты его шандаракснуть хошь... Так, ребя, хто куды расходимся и типа тащимся от вечерины...

– Ась? Пойло жракс, морда дракс и всё тако? – обрадовался Туп Вулли.

– Ну что с тобой делать, раскудрыть, – закатил глаза Явор Заяло. – Это ж шик-блесковая вечерина, не кака-така! Тута тащатся так: мешкуются с толпой и фигли-мигли.

– А-а! Эт’ лехко! Мигляр я хочь куды! – сказал Туп Вулли. – Попёрли!

Фигли не растерялись даже во сне, даже на помпезном балу. Они знали, что делать: догони быстро, заори... вежливо.

– Чудна погодка для этого времени году, агась, чучундрочка?

– Эй, паря, наложи-ка старррику фу-угрей, да побольше!

– Игрёцы лабают бо-жест-вен-но, агась?

– А мне он той икры, чё кабачки наметали!

С толпой было что-то неладно. Никто не бросился спасаться бегством – а ведь при вторжении Фиглей на любой нормальный бал паники не избежать.

Тиффани снова стала кружить среди гостей. Люди в маскарадных костюмах и на неё не обращали особого внимания. Это потому, что они тут для фона, как деревья в лесу, подумала она.

Она прошла через зал к огромным двустворчатым дверям и распахнула их.

За порогом не оказалось ничего, кроме черноты.

Так-так... выходит, единственный способ выбраться – найти дрёма. Не то чтобы она ожидала чего-то другого. Дрём мог быть где угодно. Мог скрываться под маской, мог быть одним из столов. Чем хочешь.

Тиффани устала на толпу. И вот тут-то она увидела Роланда.

Он сидел у стола один. Стол ломился от еды, а Роланд был вооружён ложкой.

Тиффани бросилась к нему и выбила ложку из его руки.

– Ты что, совсем не считаешь, что делаешь? – крикнула она, выдёргивая его из-за стола. – Хочешь навсегда тут остаться?

Она почувствовала какое-то движение за спиной. Позже, вспоминая этот момент, Тиффани не сомневалась: она ничего не слышала. Просто поняла. Это ведь был сон.

Она обернулась – и увидела дрёма. Он прятался за колонной.

Роланд молча таращился на неё.

– С тобой всё нормально? – Она в отчаянии попыталась встряхнуть его. – Ты успел что-нибудь съесть?

– Фва фва фаф, – сказал Роланд.

Тиффани снова оглянулась на дрёма. Он приближался, но очень медленно, стараясь держаться в тени. Выглядел он как снеговик, слепленный из грязного снега.

Музыка играла всё громче. Свечи разгорались всё ярче. Пары с головами птиц и зверей всё быстрее и быстрее кружились в танце. Пол содрогался. Сон трясло с перепугу.

Нак-мак-Фигли бежали к ней со всех сторон, они что-то надсадно кричали, но шум бала заглушал крики.

Дрём подкрадывался к ней, хватая воздух толстыми и короткими пальцами.

– Первый Взгляд, – выдохнула Тиффани.

И отсекала голову Роланду.

Снег таял по всей поляне, деревья вокруг выглядели как настоящие. Прямо перед Тиффани падал навзничь дрём. В руке она сжимала старую сковородку, но сковородка отсекала голову не хуже меча. Странная штука –

сны.

Тиффани обернулась и столкнулась лицом к лицу с Роландом. Он был такой бледный, что вполне сошёл бы за дрёма.

– Он испугался, – сказала она. – Он хотел, чтобы я ударила тебя вместо него. Прикинулся тобой, а тебя сделал дрёмом. Но он не умел говорить. В отличие от тебя.

– Ты меня чуть не убила! – хрипло сказал Роланд.

– Нет, – сказала Тиффани. – Я ведь только что объяснила. Пожалуйста, не убегай. Ты не видел здесь маленького мальчика?

Роланд сморщился:

– Что?

– Его похитила Королева, – сказала она. – Я найду его и отведу домой. Могу и тебя с собой взять, если хочешь.

– Отсюда ни за что не выбраться, – прошептал Роланд.

– Ну, сюда-то я попала, верно?

– Сюда попасть легко. Никто не выходит обратно.

– Я найду способ, – сказала Тиффани, стараясь придать голосу больше уверенности, чем ощущала на самом деле.

– Она тебя не отпустит!

Роланд снова попятился.

– Пожалуйста, не... не будь таким тупицей! – не выдержала Тиффани. – Я найду Королеву и верну брата. Я уже далеко зашла и отступить не собираюсь. И у меня есть помощники, ты ведь знаешь.

– И где они?

Тиффани огляделась. Вокруг не наблюдалось ни малейших признаков Фиглей.

– Они всего появляются откуда ни возьмись, – сказала она. – Как раз тогда, когда они мне нужны.

И тут она поняла, что в лесу как-то очень... пусто. И очень тихо. И становится всё холоднее.

– Они будут здесь с минуты на минуту, – сказала она с надеждой.

– Они застряли во сне. Попали в ловушку, – произнёс Роланд без выражения.

– Не может такого быть. Я же убила дрёма!

– Всё не так просто, – сказал мальчик. – Ты не понимаешь, как тут всё устроено. Тут бывают сны внутри снов, и... существа, которые живут во снах, страшные твари. Никогда нельзя знать наверняка, проснулся ты или это просто ещё один сон. А Королева правит всем этим. И вообще, они ведь волшебный народец. Им нельзя верить. Никому нельзя верить. И я

тебе не верю. Может, ты тоже сон.

Он повернулся и пошёл прочь, держась вдоль следов, оставленных копытами.

Тиффани колебалась. Единственный настоящий живой человек уходил, оставляя её наедине с деревьями, тенями... и тем, что, возможно, вот прямо сейчас несётся к ней сквозь лес.

– Э-э... – протянула она. – Эй, кто-нибудь! Явор Заядло! Вильям? Туп Вулли?

Ответа не было. Не было даже эха. Она осталась одна, не считая грохота собственного сердца.

Нет, конечно, она сражалась и побеждала. Но Нак-мак-Фигли были рядом, и от этого всё давалось как-то легче. Они никогда не сдавались, они кидались в бой, кто бы и что бы им ни противостояло, они не знали слова «страх»...

Задним Умом Тиффани вспомнила словарь, который прочитала от корки до корки, и признала, что «страх» – лишь одно из тысяч слов, неизвестных Фиглям. Но она-то знала, что значит «страх». И каков он на вкус и на ощупь. Сейчас она его чувствовала.

Она стиснула сковородку, но, увы, и сковородка больше не казалась надёжным оружием.

Холодные синие тени вокруг, казалось, вытянулись. Впереди, там, куда вели следы, тени становились гуще. А лес позади – вот странное дело! – теперь сделался почти светлым и манящим.

«Кто-то не хочет, чтобы я шла вперёд», – подумала Тиффани. Мысль придала ей отваги. Но сумерки клубились туманом и неприятно мерцали. Там могло ждать что угодно.

Тиффани тоже ждала. И тут она поняла, что ждёт Нак-мак-Фиглей, надеется, вопреки всему, что вот-вот раздастся «Раскудрить!» (она почему-то не сомневалась, что это ругательство)^{22}.

Она вытащила из кармана похрапывающего жаба и ткнула его пальцем.

– Шоэ? – сонно квакнул он.

– Я застряла в лесу, где водятся злобные сны, я одна, и, кажется, начинает темнеть, – сказала Тиффани. – Что мне делать?

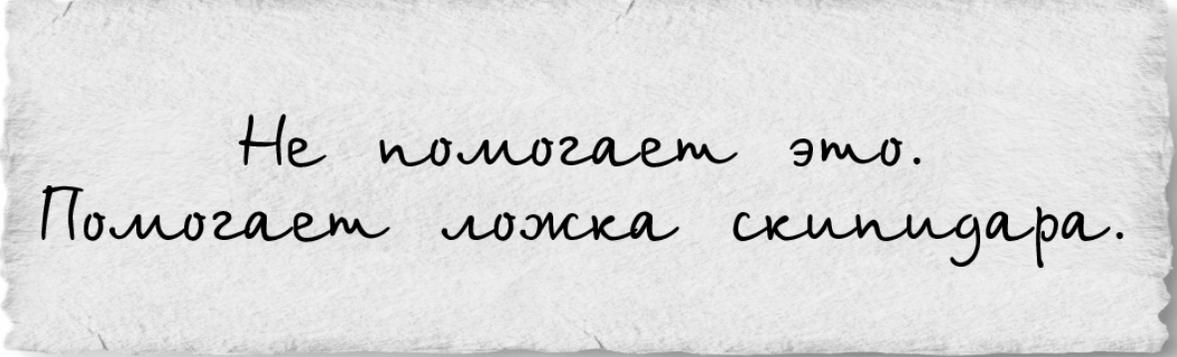
Жаб приоткрыл мутный глаз и сказал:

– Уйди.

– Не много же от тебя помощи!

– Лучший совет на свете. А теперь положи меня обратно, от холода я впадаю в спячку.

Тиффани неохотно снова спрятала жаба в карман передника и случайно задела рукой «Болезни овец». Она достала книгу и открыла её наугад. На странице рассказывалось, как лечить запарку, но весь абзац был перечёркнут карандашом, а на полях крупным, округлым, аккуратным почерком матушки Болен значилось:

Не помогает это.
Помогает ложка скипидара.

Тиффани закрыла книгу и осторожно, чтобы не потревожить жаба, убрала в карман. А потом, покрепче ухватив сковородку, шагнула в длинные синие тени.

«Откуда берутся тени, если нет солнца?» – думала она, потому что лучше уж думать об этом, чем о многих куда более неприятных вещах, приходящих в голову.

Но здешним теням не нужен был свет. Они жили своей жизнью и ползали по снегу, как хотели, отступая, когда Тиффани к ним приближалась. От этого ей стало немного легче на душе.

Тени громоздились у неё за спиной. Они преследовали её. Несколько раз она оборачивалась и топала на них ногой, и тогда тени поспешно отдёргивались за деревья, но она знала, что они снова поползут к ней, стоит отвернуться.

За деревом в отдалении прятался дрём. Тиффани вовремя увидела его и прикрикнула, угрожающе взмахнув сковородкой. Дрём поспешно поковылял прочь.

Обернувшись, она заметила ещё двоих позади, на почтительном расстоянии.

Тропа вела чуть в гору, туда, где клубился совсем уж плотный туман. Туман слегка мерцал. Тиффани пошла прямо на него – всё равно больше идти было некуда.

Когда подъём закончился, она очутилась перед тенистой долиной.

Там были четыре дрёма – огромных, больше всех тех, которых она видела до сих пор. Они сидели на равном расстоянии друг от друга, словно по углам квадрата. На шее у каждого был золотой ошейник, к ошейнику крепилась цепь.

– Цепные дрёмы? – удивилась Тиффани вслух. – Но...

Кто мог посадить дрёма на цепь? Только тот, кто умеет творить сны не хуже их.

«Мы приручили собак, чтобы они помогали нам пасти стада, – подумала Тиффани. – Королева использует дрёмов, чтобы пасти сны».

В центре квадрата висело облако непроглядно плотного тумана. Следы копыт и следы Роланда вели мимо цепных дрёмов прямо в туман.

Тиффани резко обернулась. Тени отпрянули.

Больше ничего в лесу не было. Не пели птицы, ничто не двигалось. Но она разглядела ещё троих дрёмов, их большие круглые унылые физиономии таращились на неё из-за деревьев.

Её саму пасли.

В такие минуты хорошо иметь рядом кого-то, кто скажет: «Нет! Это слишком опасно! Не вздумай!»

Но рядом, увы, никого такого не было. Тиффани собиралась совершить безрассудно храбрый поступок, и никто даже не узнает о её судьбе, если всё закончится плохо. Это пугало, но и... раздражало. Точно: раздражало, вот правильное слово. Это место раздражало Тиффани, действовало ей на нервы. Оно было дурацкое и ненормальное.

То же самое она почувствовала, когда из реки выпрыгнула Дженни Зелёные Зубы. Это ведь была её река, река Тиффани. А теперь Королева увела её брата. Может, думать так было и эгоистично, но злость лучше, чем страх. Страх – бесформенная скользкая масса, а у злости есть острая грань. Её можно использовать.

Они пасут её... прямо как... как овцу! Что ж, если овцу разозлить, дурно воспитанный пёс побежит от неё с жалобным визгом.

Ладно...

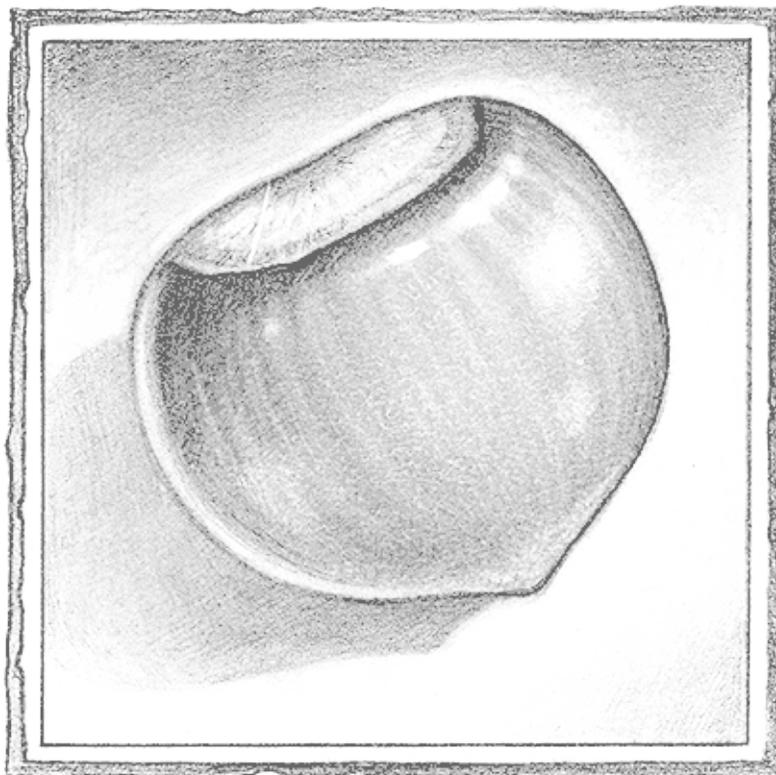
Четыре больших дрёма по углам. Это будет вместительный сон.

Вскинув сковородку повыше, чтобы пришибить всё, что осмелится сунуться, и преодолевая сильнейший позыв сходить в туалет, Тиффани стала спускаться вниз, по снегу... сквозь туман... в лето.

Глава 10

Мастерский замах

В лицо резко и обжигающе пахнуло жаром, и Тиффани невольно ахнула.

Однажды она отправилась гулять без шляпки летом и получила солнечный удар. И теперь всё было почти как тогда: мир вокруг неприятно пестрел тускло-зелёным, жёлтым и пурпурным и ничто не отбрасывало тени. Воздух был так напоён жаром, что казалось, если сжать его в кулаке, пойдёт дым.

Она стояла среди... камышей. На которых покачивались подсолнухи. Белые. И на самом деле и не подсолнухи вовсе. А ромашки. Тиффани не сомневалась в этом. Она видела эти ромашки множество раз на картинках в той книжке сказок. И это не камыши покачивались вокруг, а стебли цветов и трава. А сама Тиффани была очень, очень маленькой.

Она очутилась на картинке, нет – внутри её. Картинка была сном или сон был картинкой – когда ты внутри, разницы нет. Ведь если упадёшь

с обрыва, тебе будет всё равно, ты несёшься к земле или земля летит тебе навстречу – так ли, этак ли, хорошего мало.

Где-то в отдалении раздался громкий треск и каркающие восторженные крики. Кто-то похлопал в ладоши и сонно произнёс:

– Здорово. Молодец. Оч' здорово...

С некоторым усилием раздвигая траву, Тиффани пошла на звук.

Посреди поляны на большом плоском камне сидел человек с огромным молотом и колот орехи размером лишь вдвое меньше себя. Вокруг столпились люди поглазеть. Тиффани мысленно назвала их людьми, потому что не придумала ничего лучше. Хотя ко всем этим... людям слово подходило лишь с такой натяжкой, что чуть не лопалось по швам.

Прежде всего, они были очень разного роста. Встречались выше Тиффани, при том что решительно все были ниже травы. Но встречались и очень маленькие. У некоторых оказались такие лица, что, взглянув однажды, второй раз смотреть уже не захочешь. На лица других лучше было бы и однажды не смотреть.

«Это же сон, – напомнила себе Тиффани. – Сны не всегда бывают приятными или осмысленными. Это сон, не грёза наяву. Иногда люди желают друг другу что-то вроде: «Пусть твоя жизнь будет похожа на сон!» Попробовали бы они пожить во сне хоть пять минут».

Человек снова замахнулся молотом, и Тиффани шагнула на поляну, преодолевая сопротивление горячего, плотного воздуха:

– Простите?

– Да? – откликнулся человек с молотом.

– Могу я где-то поблизости увидеть Королеву?

Он вытер пот со лба и кивком указал на другой конец поляны:

– Её величество удалились в беседку.

– Это такой небольшой домик с открытыми стенами?

Человек кивнул:

– И снова вы правы, госпожа Тиффани.

«Не стоит спрашивать, откуда он знает моё имя», – сказала себе Тиффани.

– Спасибо, – поблагодарила она. И, поскольку её учили быть вежливой, добавила: – Удаче в колке орехов.

– Этот что-то уж больно крепкий, – пожаловался человек.

Тиффани двинулась сквозь толпу, старательно делая вид, будто в этой толпе как-бы-людей нет ничего особенного. Больше всего её пугали две Большие Женщины.

На холмах крупные девушки быстро находили себе женихов. Работа

на ферме – дело нелёгкое, и жена, способная унести разом двух поросят или стог сена, очень полезна в хозяйстве. Но эти женщины были такие огромные, что каждая могла бы запросто унести на себе лошадь. Они окинули Тиффани надменными взглядами, когда она шла мимо.

За спиной у них дрожали дурацкие крохотные крылышки.

– Чудесный денёк для колки орехов, не правда ли? – произнесла Тиффани.

Их лица сморщились, словно женщины пытались понять, что она за существо.

Рядом с ними на земле сидел маленький старичок с большой головой, седой клочковатой бородой и заострёнными ушами. Одет он был по-старинному. Он тоже смотрел на колку орехов, но, когда Тиффани шла мимо, проводил её взглядом.

– Доброе утро, – сказала она.

– Снибс! – ответил он, но в голове Тиффани сложились другие слова: «Уходи отсюда!»

– Простите?

– Снибс! – повторил он, ломая руки.

«Ты в большой опасности!» – всплыло в голове Тиффани.

Старик махнул на неё бледной рукой, будто прогоняя. Пожав плечами, Тиффани двинулась дальше.

Тут были дамы и господа, люди в богатых нарядах и даже несколько пастухов. Но кое-кто из них выглядел так, словно их собрали из кусочков. Так, будто они вышли из книжки, которая осталась дома у Тиффани.

Страницы этой книжки были сделаны из толстого картона, но многие поколения Боленов основательно их потрепали. На каждой странице, разрезанной поперёк на четыре равные части, был нарисован какой-нибудь персонаж. Полоски переворачивались по отдельности. Предполагалось, что ребёнок, которому нечем заняться, будет составлять разрезанные картинки так и этак, получая всякий раз причудливо одетых людей. Можно было сложить, например, человека с головой солдата на плечах пекаря, одетого в платье горничной и грубые фермерские башмаки.

Тиффани никогда не было до такой степени нечего делать, чтобы книжка соблазнила её. Ей казалось, что даже существа, которые всю жизнь свисают с веток вниз головой, и то нашли бы что-нибудь поинтереснее, чем возиться с такой книжкой дольше пяти секунд.

Люди вокруг выглядели так, словно то ли вышли из этой книжки, то ли собирались в темноте на вечеринку, куда велено было приходить в необычных нарядах. Кое-кто из них кивал ей, и никто не удивлялся её

появлению.

Спрятавшись под огромным круглым листом, Тиффани снова достала жаба.

– Кува? Холодно же по-прежнему... – сказал он, съёжившись на её ладони.

– Холодно? Да тут изжариться можно!

– Это просто снег. Спрячь меня обратно, я замерзаю!

«Минутку», – подумала Тиффани.

– Жабам снятся сны? – спросила она.

– Нет!

– О... значит, здесь на самом деле вовсе не жарко?

– Нет! Тебе только кажется!

– Эй! – шёпотом окликнул кто-то.

Тиффани не была уверена, что ей хочется обернуться и посмотреть, кто это.

– Это я! – пояснил невидимый собеседник.

Тиффани повернулась к пучку ромашек в два человеческих роста высотой.

– Всё равно не понимаю...

– Ты свихнулась? – спросили ромашки.

– Я ищу своего брата, – отчеканила она.

– Такого противного карапуза, который всё время орёт, требуя конфет? – Ромашки раздвинулись, и Роланд нырнул к ней под лист.

– Да, – сказала она, внутренне оцетинившись.

Только сестра имеет право называть своего брата противным карапузом, даже если это Винворт.

– И угрожает обделаться, если на него не обращают внимания? – продолжал Роланд.

– Да! Где он?

– Так *это* твой брат? Он ещё всё время липкий?

– Говорю же, это он!

– И ты хочешь его вернуть?

– Да!

– Почему?

«Он мой брат, – подумала Тиффани. – При чём здесь «почему»?»

– Потому что он мой брат! А теперь скажи мне, где он!

– Ты уверена, что можешь выбраться отсюда? – спросил Роланд.

– Да, – соврала Тиффани.

– И меня можешь вытащить?

– Да.

Ну, она очень на это надеялась.

– Ладно, так и быть, выведи меня отсюда, – сказал Роланд, успокоившись.

– Так и быть, значит? – разозлилась Тиффани.

– Слушай, я ж не знал, кто ты, ясно? – сказал Роланд. – В лесу полно всякой жути. Ошмётки снов, которые так и валяются повсюду, заблудившиеся люди... Приходится быть осторожным. Но если ты и правда знаешь дорогу назад, мне надо вернуться, пока отец меня не хватился.

Тиффани почувствовала, как проснулся Задний Ум. Он посоветовал: «Только не показывай, о чём ты думаешь. Просто... проверь».

– А сколько времени ты уже здесь? – осторожно спросила она. – Если точно?

– Ну, здесь толком нет дня и ночи... – протянул мальчик. – Вроде как несколько часов... Может, день...

Тиффани очень старалась, чтобы на её лице ничего не отразилось, но не вышло. Роланд напрягся:

– Всё не так, да?

– А почему ты спрашиваешь? – в отчаянии сказала она.

– Потому что есть у меня ощущение... что на самом деле... времени прошло больше... Я ел только дважды или трижды и только два раза ходил... ну, ты понимаешь... но столько всего успел... такой насыщенный был день... – Он смешался и умолк.

– Что ж, ты прав. Тут время течёт медленнее. На самом деле прошло... чуть больше.

– Сто лет, да? Только не говори, что прошло сто лет! Меня накрыло какое-то волшебство и прошло сто лет?!

– Что? Нет! Что-то около года...

Мальчик встретил эту новость странно: теперь он, похоже, по-настоящему испугался.

– О нет! Это ещё хуже, чем сто лет!

– Почему? – не поняла Тиффани.

– Через сто лет мне бы не влетело дома!

«Гм», – подумала Тиффани.

– Не думаю, что тебе влетит, – сказала она вслух. – Твой отец очень горевал по тебе. Кроме того, ты же не виноват, это Королева тебя похитила... – Она осеклась, потому что на этот раз лицо Роланда выдало его мысли. – Что, не так?

– Понимаешь, я охотился, и тут мимо проносится лошадь, и её сбруя

вся увешана бубенцами, а на ней сидит прекрасная госпожа и смеётся^{23}. Ну и я, конечно, пришпорил коня и поскакал следом, и... – Он умолк.

– Возможно, это было не самое правильное решение, – кивнула Тиффани.

– Здесь не то чтобы плохо, – сказал Роланд. – Просто всё... постоянно меняется. Тут повсюду... двери. То есть они ведут в другие... места. – Он вконец растерялся и опять замолчал.

– Лучше начни сначала, – посоветовала Тиффани.

– Сначала-то было здорово, – сказал Роланд. – Мне казалось, это... ну, приключение. Она угощала меня птичьим молоком...

– Что, и птичье молоко бывает? – спросила Тиффани (в её словаре ничего такого не было). – Я только рыбы молока знаю.

– А что такое рыбы молока?

– Такие органы у рыб-самцов, – сказала Тиффани. – Не очень подходящее название, мне кажется.

Роланд глубоко задумался, аж покраснел от натуги.

– Ну, не знаю... оно больше похоже на зефир.

– Ясно. Продолжай, – сказала Тиффани.

– А потом она велела мне петь, танцевать, подпрыгивать и играть, – сказал Роланд. – Она говорит, все дети так делают.

– И ты послушался?

– А ты бы послушалась на моём месте? Ещё не хватало выглядеть идиотом. Мне же двенадцать лет всё-таки... – Роланд помолчал. – То есть на самом деле уже тринадцать, да?

– Зачем ей надо было, чтобы ты скакал и играл? – спросила Тиффани, хотя на языке вертелось: «Нет, тебе по-прежнему двенадцать, а ведёшь ты себя и вовсе как восьмилетний».

– Она сказала, дети только это и делают.

Тиффани задумалась. Все известные ей дети в основном препирались, кричали, носились под ногами, громко смеялись, ковырялись в носу или дулись. Если б ей попался на глаза ребёнок, который одновременно подпрыгивал, пел и танцевал, она бы подумала, что его укусила оса.

– А когда я отказался, она дала мне ещё сладкого.

– Снова зефира?

– Сахарных слив. Они такие, ну... как сливы. В сахаре. Она постоянно пытается кормить меня сахаром. Думает, мне нравится.

В памяти Тиффани звякнул маленький колокольчик.

– А ты не думал, что она, возможно, пытается откормить тебя, чтобы зажарить в печке и съесть?

– Конечно, нет! Так только злые ведьмы делают!

Тиффани прищурилась:

– Ах да, конечно. Я забыла. Так ты перебивался сладким?

– Нет, я же умею охотиться! Сюда иногда попадают настоящие животные. Не знаю как. Снибс говорит, они случайно проходят сквозь двери. А потом умирают с голоду, потому что здесь всегда зима. А ещё иногда, если открывается дверь в какой-нибудь интересный мир, Королева посылает туда свой народ грабить и воровать. Всё её царство прямо как пиратский корабль.

– Или овечий клещ, – сказала Тиффани.

– А это что такое?

– Насекомые. Кусают овцу и сосут кровь, а отваливаются, только когда насытятся.

– Фу... Должно быть, это одна из тех вещей, которые приходится знать, если ты деревенщина. Мне, к счастью, оно не надо. Пару раз мне удалось взглянуть сквозь проход на другие миры. Хотя меня туда не пустили. Из одного нам досталась картошка, из другого – рыба. Думаю, они запугивают людей, чтобы те отдавали им еду. Ах да, ещё есть мир, откуда приходят дрёмы. Они смеялись надо мной, говорили, если хочешь – давай, иди туда. Я не пошёл! Он весь красный, как закат. Огромное, большущее солнце над горизонтом, и красное море, почти неподвижное, красные скалы и длинные тени. И эти жуткие твари сидят там на скалах. Они едят крабов, пауков и каких-то мелких гулей-загогулей. Жуть. И вокруг каждого – россыпь когтей, раковин и костей.

– Кто они? – спросила Тиффани.

Она прекрасно расслышала про «деревенщину».

– В смысле?

– Ты всё время говоришь «они». Кого ты имеешь в виду? Всех этих людей вокруг?

– Эти? Да большинства из них вообще не существует. Нет. Я про эльфов. Фейри. Волшебный народ. Тех, кем правит Королева.

– Я думала, они маленькие!

– Наверное, они могут становиться и большими, и маленькими, когда им вздумается. Они как бы... не совсем настоящие. Вроде как... сами себе сон. Они могут быть прозрачными, как воздух, или твёрдыми, как скала. Так Снибс говорит.

– Снибс? – переспросила Тиффани. – Ах да, тот человечек, который говорит только «снибс», а то, что он на самом деле хочет сказать, появляется прямо в голове.

– Да, он самый. Он тут уже долгие годы. Это от него я узнал, что здесь со временем не всё чисто. Он вернулся в свой мир, а там уже всё другое. Ну, он с горя нашёл дверь и снова сюда.

– Он вернулся сюда по доброй воле? – не поверила Тиффани.

– Он говорит, что лучше быть своим в чужом мире, чем чужим в мире, который когда-то был твоим, а теперь стал чужим, но ты помнишь, как он был твоим, – пояснил Роланд. – Ну, это если я правильно понял. Он говорит, здесь не так уж плохо, если держаться подальше от Королевы. Можно многое узнать, многому научиться.

Тиффани посмотрела на скорченного Снибса. Непохоже было, чтобы он чему-то учился. Скорее он так привык бояться, что весь покрылся страхом, как веснушками. Страх стал частью его жизни.

– Главное – не сердить Королеву, – сказал Роланд. – Я видел, что бывает с теми, кто её прогневает. Она насылает на неугодных своих Шмелёвок.

– Ты про тех великанш с крохотными крылышками? – спросила Тиффани.

– Да! Они злющие. А если Королева всерьёз на кого-то разгневается, она просто смотрит на него, и он... превращается.

– Во что?

– В нечто. Не хотелось бы описывать тебе это в красках, но если бы пришлось, краски были бы в основном алые и фиолетовые. А потом тех, кого она превратила, уносят и отдают на съедение дрёмам. – Роланд покачал головой. – Послушай, в этом мире сны – правда. Взаправду правда. Когда ты внутри сна, ты... не совсем здесь. И кошмары тоже бывают по правде. Можно умереть.

«Но я не чувствую, будто это всё настоящее, – сказала себе Тиффани. – Мои ощущения говорят, что это сон. Ещё чуть-чуть – и проснусь.

Надо всегда помнить, что настоящее, а что – нет».

Она посмотрела на своё вылинявшее платье. По подолу шли неровные стежки – слишком много раз платье ушивали и снова расшивали по мере того, как росли те, кто его носил. Платье – настоящее.

И она – настоящая. Сыр – настоящий. Где-то неподалёку есть мир с зелёной травой под голубым небом, и он – настоящий.

Нак-мак-Фигли – настоящие. Вот если бы они были здесь... Есть что-то очень успокаивающее в том, как они вопят «Раскудрить!» и бросаются на всё, что движется.

Роланд, возможно, тоже настоящий.

А почти всё остальное – сон в мире, который грабит другие миры

и живёт за их счёт, в котором время почти не движется и где в любую минуту может случиться что-то жуткое. «Я не хочу знать ничего больше об этом мире, – решила Тиффани. – Я хочу только найти своего брата и вместе с ним вернуться домой, и поскорее, пока я ещё не растеряла злость.

Потому что, как только я перестану злиться, я снова испугаюсь, и на сей раз я испугаюсь по-настоящему. Как Снибс. И от страха не смогу больше думать. А думать необходимо...»

– Когда я первый раз вляпалась в сон, он был как один из моих снов, – сказала Тиффани. – Мне иногда снится, что я проснулась, хотя на самом деле сплю. Но бал... Я же никогда...

– А, это было от меня, – сказал Роланд. – Когда я был маленьким, я как-то проснулся ночью и спустился вниз, и там были все эти люди в маскарадных костюмах... Они танцевали... Всё было такое... яркое. – На миг его глаза подёрнулись тоской. – Тогда ещё мама была жива.

– А вот этот сон, который сейчас, точь-в-точь как картинка, которая была у меня в книжке, – продолжала Тиффани. – Должно быть, Королева нашла его у меня...

– Нет, она часто использует этот сон, – сказала Роланд. – Он один из её любимых. Она собирает сны отовсюду. Коллекционирует их.

Тиффани встала и снова перехватила сковородку поудобнее.

– Мне надо увидеться с Королевой, – заявила она.

– Не ходи, – попросил Роланд. – Ты тут единственная настоящая, кроме Снибса, но с ним не очень-то весело.

– Я заберу своего брата, и мы вместе вернёмся домой, – сказала Тиффани.

– Тогда иди одна, – сказал Роланд. – Не хочу смотреть, во что она тебя превратит.

Тиффани выбралась из-под листа, погрузившись в густой свет, не создающий теней, и пошла по тропе, ведущей наверх. Гигантские травы качались над головой. Странные люди в странных одеждах оборачивались на неё, но сразу теряли интерес, как будто она была всего лишь прохожим.

Она обернулась. В отдалении человек, который колот орехи, раздобыл молот побольше и готовился нанести удар.

– Хотю-хотю-хотю нямку!

Тиффани завертелась, как флюгер во время торнадо. Она кинулась вперёд по тропе, пригнув голову, готовая врезаться сковородкой по всему, что встанет у неё на пути, и, проломившись через травяные джунгли, вылетела на открытое пространство, обсаженное по кругу ромашками.

Может быть, это и была королевская беседка. Тиффани было всё равно.

Винворт сидел на большом плоском камне, а вокруг громоздились сладости. Некоторые казались больше его. Маленькие конфетки высились грудками, огромные лежали как брёвна. И они были всех возможных конфетных цветов: тут тебе и не-совсем-земляничный, и как-бы-лимонный, и ненатурально-оранжевый, и ядовито-зелёный, и чёрт-знает-какой-синий.

Слёзы катились по лицу Винворта и падали с подбородка крупными каплями. Поскольку падали они на горы сластей, липкость уже достигла опасных пределов.

Винворт ревел. Его рот превратился в красный тоннель, где дрожал этот маленький отросток, про который никто не знает, как он там называется, а за ним виднелась глотка. Винворт прекращал выть только для того, чтобы набрать воздуха, и то всего на один жуткий хлюпающий миг, а потом всё начиналось сначала.

Тиффани сразу поняла, в чём дело. Она уже видела такое, когда дома праздновали дни рождения. Её брат страдал тяжёлой сладостной зависимостью. Да, вокруг было полно сладкого. Но его одурманенный сахаром мозг говорил: стоит Винворту взять хоть одну конфетку, это будет означать, что все остальные-то он не взял! А вокруг лежало так много конфет, съесть все ему ни за что не удастся. Это было совершенно невыносимо, оставалось только одно – зареветь.

Когда это случалось дома, Тиффани тоже оставалось только одно: надеть на голову Винворта ведро, пока он не успокоится, а тем временем убрать почти все сладости. Если в пределах досягаемости было всего несколько горстей, он мог это пережить.

Тиффани бросила сковородку и подхватила брата на руки.

– Это Тиффи, – прошептала она. – Идём домой.

«И вот тут-то мы встретимся с Королевой», – подумала она. Но ничего не произошло – не раздался гневный крик, не громыхнуло магией... Только жужжали пчёлы вдалеке, да ветер шелестел травой, да гулко сглатывал Винворт, который от потрясения перестал реветь.

Она разглядела на другой стороне поляны кушетку из листьев с балдахинном из цветов. Но там никого не было.

– Это потому, что я у тебя за спиной, – раздался голос Королевы у неё над самым ухом.

Тиффани резко обернулась.

– Я по-прежнему позади тебя, – сказала Королева. – Это мой мир, дитя. Тебе не тягаться со мной ни в быстроте, ни в уме. Почему ты хочешь забрать моего малыша?

– Он не твой! Он наш! – крикнула Тиффани.

– Ты никогда не любила его. У тебя сердце как ледышка. Я вижу тебя насквозь.

Тиффани наморщила лоб:

– Любовь? При чём тут любовь? Он мой *брат! Мой брат!*

– О да, ведьмы все такие, – сказал голос. – Всё о себе да о себе. Моё, моё, моё. Что не её, то ведьму не волнует.

– Ты украла его!

– Украла? Хочешь сказать, он – твоя собственность?

Задний Ум шепнул: «Она нащупывает твоё слабое место. Не слушай её».

– И ты умеешь думать Задним Умом, – сказала Королева. – Наверное, воображаешь, это делает тебя могучей ведьмой?

– Почему ты не показываешься? – спросила Тиффани. – Боишься?

– Боюсь? – усмехнулась Королева. – Создания вроде тебя?

И вот она уже стоит перед Тиффани, выше её, но почти такая же стройная, чёрные волосы спадают за спину, лицо бледное, губы как вишни. И что-то в ней чуточку не так...

«Это потому, что она безупречна, – пояснил Задний Ум. – Само совершенство. Как кукла. Ни одно живое существо не может быть настолько безукоризненным».

– Это не ты! – сказала Тиффани с железной уверенностью. – Это только сон о тебе. Ты совсем не такая.

Улыбка Королевы на миг погасла, потом вспыхнула снова, хрупкая и колючая.

– Как грубо, а мы ведь едва знакомы, – произнесла Королева, опускаясь на кушетку из листьев. Она похлопала рукой рядом с собой. – Присядь же. Ни к чему стоять вот так, будто мы враги. Я прощаю твою бесцеремонность, ты ведь просто растерялась. – И она одарила Тиффани прелестной улыбкой.

«Посмотри, как движутся её глаза, – посоветовал Задний Ум. – Не думаю, что они нужны ей, чтобы видеть. Это просто прекрасные украшения».

– Ты вторглась в мой дом, убила несколько моих подданных и вообще вела себя жалко и недостойно, – сказала Королева. – Этим ты нанесла мне оскорбление. Однако я понимаю, что тебя сбили с пути истинного смутьяны...

– Ты украла моего брата, – сказала Тиффани, крепко прижимая к себе Винворта. – Ты вообще берёшь всё, что плохо лежит.

Но слова вышли жалкими и неубедительными, она сама это слышала.

– Он бродил один, несчастный и потерянный, – невозмутимо сказала Королева. – Я привела его домой и утешила.

И вот в чём был секрет её голоса: этот голос мягко, добродушно говорил тебе, что она права, а ты нет. И не то чтобы это была твоя вина. Возможно, всё дело в твоих родителях, или в неправильном питании, или в каком-то неприятном случае из прошлого, таком страшном, что полностью стёрся из памяти. И Королева понимала, что ты тут ни при чём, ты на самом деле хороший человек. Как ужасно, что чужое дурное влияние заставляло тебя раз за разом делать неверный выбор. Стоит тебе только признать это, Тиффани, и мир вокруг станет намного лучше...

«Станет холодным миром, который сторожат чудовища, миром, где ничего не растёт и не становится старше, – вмешался Задний Ум. – Миром, где всем заправляет Королева. Не слушай её».

Тиффани сумела заставить себя сделать шаг назад.

– Разве я – чудовище? – спросила Королева. – Я всего лишь хотела немного приятного общества...

И уже погружаясь в трясину королевского голоса, Тиффани вспомнила Задним Умом: Жен Пола Робинсон.

Несколько лет назад она пришла работать служанкой на одну ферму. Говорили, что она выросла в сиротском приюте в городке Взвой. Говорили, её мать пришла туда ненастной ночью, чтобы разрешиться от бремени. И хозяин записал в конторской книге: «Г. Робинсон, младенец жен. пола». Её мать была очень молода и не слишком умна, а вдобавок ещё и умирала, вот и решила, что это имя. Так ребёнка и записали.

Госпожа Робинсон не вышла замуж. Когда она появилась на ферме, она была уже стара. Мало говорила, мало ела. И трудилась от зари до зари. Никто не мог отскоблить полы так, как Жен Пола Робинсон. У неё было узкое лицо с острыми чертами и длинным красным носом и тонкие руки с красными костяшками, всегда занятые работой. Госпожа Робинсон была усердной.

Когда случилось преступление, Тиффани многого не понимала. Женщины обсуждали его по двое, по трое, стоя у ворот, скрестив руки на груди, а когда мимо проходил кто-то из мужчин, тут же замолкали и смотрели сердито.

Тиффани удавалось уловить обрывок разговора там, кусочек тут, но зачастую это было похоже на шифр, вроде: «У неё, бедняжки, своего-то никогда не было. Неудивительно, что она тощая, как доска». Или:

«Когда их нашли, она укачивала его, говорила, это её». Или: «У неё в доме оказалось полным-полно детских вещичек, которые она навязала!» Последнее особенно озадачило Тиффани, потому что сказано это было таким тоном, каким говорят: «А в доме оказалось полным-полно человеческих черепов!»

Но все сходились в одном: «Этого спускать нельзя. Преступление есть преступление. Надо сказать барону».

Госпожа Робинсон украла младенца, малышку Пунктуальну Шараддл. Родители очень любили девочку, хоть и дали ей такое имя, рассудив, что если девочек называют Верой, Надеждой или Любовью, чем плоха такая добродетель, как способность поспевать вовремя?

Девочка исчезла из колыбельки во дворе. Вскоре, конечно, поднялся переполох, и кто-то припомнил, что госпожа Робинсон взяла больше молока, чем обычно.

Это было похищение. На холмах было не так много заборов и очень мало дверей запиралось, поэтому к любым кражам относились очень серьёзно. Чем это кончится, если нельзя на пять минут отвернуться от того, что тебе принадлежит? Закон есть закон. Преступление есть преступление.

Тиффани прислушивалась к тому, что говорили в разных концах деревни, но везде всплывало одно и то же: «Бедняжка не хотела зла. Она всегда так усердно работала, никогда не жаловалась. У неё с головой не всё в порядке. Закон есть закон. Преступление есть преступление».

И барону рассказали о том, что случилось, и он устроил суд в Главном зале замка. Пришли все, кому не надо было быть на пастбищах. Пришли и супруги Шараддл: она нервничала, он был полон решимости. Госпожа Робинсон тоже была там, смотрела в пол, сложив красные от работы руки на коленях.

Это вряд ли можно было назвать судом. Госпожа Робинсон не понимала, в чём её вина, да и все остальные тоже. Они не знали толком, зачем они тут, и ждали, что им на это скажут.

Барон тоже чувствовал себя неуверенно. Закон не оставлял места сомнениям. Кража вообще считалась страшным преступлением, а похищение человека – и того хуже. Во Взвое была тюрьма, как раз рядом с приютом для сирот. Говорили даже, что из приюта в тюрьму можно попасть через дверь в стене. В тюрьму отправляли воров.

А барон не привык много думать. Его семья правила Меловыми холмами, придерживаясь одних и тех же устоев столетиями. Он сидел, слушал, барабанил пальцами по столу, смотрел людям прямо в глаза и вёл

себя как человек, который занимает ну очень высокое положение.

У Тиффани было место в первом ряду. Она сидела там, когда барон стал оглашать вердикт, пересыпая его хмыканьем и эканьем, стараясь не произнести слова, которые он должен был произнести, и знал это. И тогда дверь в конце зала отворилась, и неспешной трусцой вбежали Гром и Молния.

Они пробежали по проходу между скамьями, уселись прямо перед бароном и стали смотреть на него живыми внимательными глазами.

Тиффани была единственной, кто обернулся, чтобы взглянуть на двери. Они остались чуть приоткрытыми. Это были большие тяжёлые двери, никакой собаке самой их не отворить. И Тиффани разглядела, что за ними стоит кто-то и смотрит в щёлку.

Барон умолк и уставился на собак. Потом тоже посмотрел в дальний конец зала.

Несколько мгновений ничего не происходило. А потом он отодвинул в сторону книгу со сводом законов и сказал:

– Пожалуй, лучше мы поищем другой выход...

И другой выход нашёлся, и он подразумевал, что людям пришлось уделять чуть больше внимания госпоже Робинсон. Не все были от него в восторге, но всё сложилось.

Когда люди расходились, Тиффани почувствовала слабый запах «Весёлого капитана» за дверью зала. «Вспомнишь ты этот день, когда будешь править суд? – сказала матушка Болен. – Однажды придётся вспомнить».

Но бароны сами не вспомнят. Нужно, чтобы кто-то напоминал им.

– Кто заступится за тебя? – спросила Тиффани.

– За меня? – Изящные королевские брови выгнулись дугой.

А Дальний Умысел Тиффани подсказал: «Следи за её лицом, когда она нервничает».

– Некому, верно? – сказала Тиффани, отступая. – Ведь нет никого, к кому ты была бы добра. Никто не скажет – нет, ты не только воровка и задира. Потому что это всё, что ты есть. У тебя... Ты прямо как дрёмы, только и знаешь, что один-единственный фокус.

Вот оно! Теперь она поняла, на что намекал Дальний Умысел: прекрасное лицо королевы мигнуло – исчезло, а через мгновение вернулось.

– И это – не ты, какая ты есть, – продолжала напирать Тиффани. – Это то, какой ты хочешь, чтобы тебя видели. Это не настоящая ты. Такой же мираж, как и всё здесь, пустая оболочка...

Королева рванулась вперёд и ударила её по щеке – гораздо сильнее, чем это можно ожидать от миража. Тиффани упала на мох, и Винворт откатился в сторону, пища:

– Хо-тю пи-пиа-а!!!

«Отлично», – сказал Дальний Умысел Тиффани.

– Отлично? – удивилась она вслух.

– Отлично? – удивилась Королева.

«Да, – сказал Дальний Умысел, – потому что она не подозревает о твоём Дальнем Умысле, и твоя рука теперь всего в нескольких дюймах от сковородки, и создания вроде этой Королевы не выносят железа, верно? Она рассердилась. Теперь доведи её до белого каления, чтобы она вообще перестала соображать. Сделай ей больно».

– Ты живёшь в стране вечной зимы и можешь только сплетать сны о лете, – сказала Тиффани. – Неудивительно, что Король от тебя сбежал.

На миг Королева окаменела, словно и правда превратилась в прекрасную статую, которую напоминала. И снова образ, навеянный сном, мигнул, и Тиффани удалось разглядеть сквозь него... нечто. Это существо было ненамного больше её самой. Почти как человек – жалкий и на секунду совершенно растерявшийся от потрясения. Но вот перед ней уже снова высится Королева, и она в ярости, она набирает полную грудь воздуха...

Тиффани схватила сковородку и вскочила на ноги, одновременно взмахнув своим оружием. Сковородка задела высокую фигуру лишь вскользь, но и этого хватило, чтобы образ Королевы задрожал, как воздух над дорогой в жаркий день, и Королева закричала...

Тиффани не стала ждать, что будет дальше. Она схватила брата и побежала прочь, сквозь траву, мимо странных фигур, оборачивающихся на голос разъярённой Королевы.

И вот теперь-то среди травы, не отбрасывающей теней, зашевелились тени. Некоторые из странных созданий – тех, которые напоминали картинки из глупой разрезной книжки, – поменяли облик и двинулись следом за Тиффани и её вопящим братом.

На другом краю поляны раздался низкий гул: два существа, которые Роланд назвал Шмелёвками, поднялись в воздух, их прозрачные крылышки слились в размытое пятно.

Кто-то схватил Тиффани за руку и затащил в травяную чащу. Оказалось – Роланд. Он был весь красный.

– Ты можешь быстро выбраться отсюда? – спросил он.

– Э... – начала Тиффани.

– Тогда просто бежим. Дай мне руку. Быстрее!

– А что, ты знаешь, как выбраться? – пропыхтела Тиффани, когда они мчались сквозь заросли гигантских ромашек.

– Нет, – пропыхтел Роланд в ответ. – Это вообще невозможно... Ты же видела... дрёмов снаружи... Это очень крепкий... сон.

– Тогда зачем мы бежим?

– Чтобы убраться... от неё подальше... Если прятаться долго... Снибс говорит... она всё забудет...

«Вряд ли она забудет обо мне так уж быстро», – подумала Тиффани.

Роланд остановился, но она вырвала у него руку и побежала дальше. Винворт цеплялся за неё – от изумления он даже плакать перестал.

– Ты куда? – окликнул Роланд.

– Подальше от неё! Как можно дальше!

– Вернись! Ты же бежишь назад!

– Неправда! Я бегу прямо, никуда не сворачивая!

– Это же сон! – крикнул Роланд. На этот раз его голос раздался ближе – он почти догнал Тиффани. – Ты бегаешь по кру...

Тиффани с разбегу вылетела на поляну.

На ту самую поляну.

Шмелёвки опустились слева и справа от неё, а впереди воздвиглась Королева.

– Знаешь, – проговорила она, – я и правда ожидала от тебя большего, Тиффани. А теперь верни мне мальчика, и я подумаю, что делать дальше.

– Это не такой уж большой сон, – шепнул Роланд за спиной. – Если долго бежать, прибежишь туда, откуда начал...

– Я могу сотворить для тебя сон, такой маленький, что он будет ещё меньше тебя. Это больно, поверь... – с милой улыбкой сказала Королева.

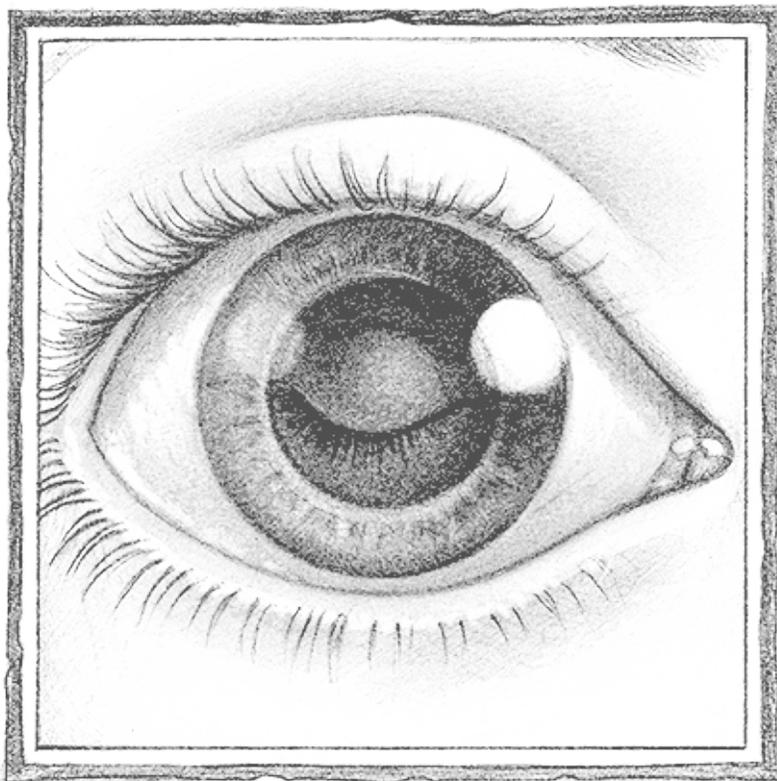
Краски стали ярче. Звуки громче. И ещё Тиффани почувствовала какой-то запах, и это было странно, потому что до этой минуты никаких запахов не было.

Этот резкий, чуть горьковатый запах невозможно забыть. Запах снега. И сквозь гудение насекомых пробивались едва слышные голоса...

– Раскудрить! Хде тутa выход-та?

Глава 11

Пробуждение

На другом краю поляны перед человеком, который колот орехи, остался последний орех. Огромный – Тиффани по пояс. И он слегка покачивался. Человек ударил по нему молотом, и орех откатился.

«Смотри на то, что есть на самом деле», – сказала себе Тиффани и рассмеялась.

Королева взглянула на неё озадаченно.

– По-твоему, это смешно? – резко спросила она. – Что смешного ты находишь в своём нынешнем положении?

– Просто забавная мысль в голову пришла, – сказала Тиффани.

Королева уставилась на неё тем недовольным взглядом, которым люди без чувства юмора отвечают на улыбку.

«А ты ведь не слишком-то умна, – подумала Тиффани. – Тебе это ни к чему. Ты привыкла получать всё, что захочешь, просто силой сна. Ты полагаешься лишь на свои сны, а думать тебе никогда не приходилось».

Она обернулась к Роланду и прошептала:

– Расколи орех! Не обращай внимания на то, что я буду делать, просто расколи его!

Мальчишка непонимающе таращился на неё.

– Что ты ему сказала? – рявкнула Королева.

– Попрощалась, – ответила Тиффани, крепче прижимая к себе брата. –
Делай что хочешь, а брата я тебе не отдам!

– Ты знаешь, какого ты цвета внутри? – спросила Королева.

Тиффани молча покачала головой.

– Так скоро узнаешь, – пообещала Королева с улыбкой.

– У тебя на такое силы не хватит, – сказала Тиффани.

– Знаешь, ты права, – признала Королева. – Сотворить такое на самом деле действительно требует очень серьёзной магии. Но это мне и не нужно, деточка. Я могу заставить тебя поверить, что я делаю с тобой самые... страшные вещи. Не хочешь ли взмолиться о пощаде? Потом у тебя может не быть такой возможности.

Тиффани помедлила.

– Не-ет, – протянула она наконец. – Пожалуй, не буду.

Королева склонилась над ней. Её серые глаза заполнили собой весь мир.

– Все здесь надолго запомнят то, что вскоре случится, – сказала она.

– Да уж надеюсь, – сказала Тиффани. – Расколи. Орех.

И снова Королева на миг растерялась. Она не очень хорошо попевала за резкими поворотами беседы.

– Что? А, да... – пробормотал Роланд.

– Что ты сказала ему? – спросила Королева.

Тиффани лягнула её ногой, куда дотянулась. Возможно, ведьмы так не поступают. Так поступают девятилетние девочки. Тиффани жалела, что не придумала ничего лучше. С другой стороны, на ней были хорошие крепкие башмаки и врезала она от души.

Королева встряхнула её за плечи:

– Зачем ты это сделала? Почему ты отказываешься меня слушаться? Все были бы счастливы, если бы просто меня слушались...

Тиффани посмотрела ей в глаза. Радужки были серыми, но зрачки – как два серебряных зеркала.

«Я знаю, кто ты, – сказал Дальний Умысел. – Ты – та, кого жизнь ничему не учит. Ты ничегошеньки не знаешь о людях. Ты просто... большой ребёнок».

– Конфетку хочешь? – шепнула Тиффани.

За спиной у неё раздался крик. Вывернувшись на миг из королевской хватки, Тиффани успела увидеть, как Роланд сражается за молот. Вот он выдернул эту тяжеленную штуку из рук высокого человека и поднял над головой, попутно зашибив эльфа за спиной...

Молот обрушился вниз, но в этот самый миг Королева больно дёрнула Тиффани, заставив снова посмотреть на неё.

– Конфетку? – прошипела она. – Я тебе покажу кон...

– Раскудрыть! Кралька! И у ней наша кельда!

– Долой Кральку! Долой господавов! Мал-мал свободен народ!

– Шышлык бы зарезал, да?

– Хватакс!

Тиффани была, возможно, единственным существом во всех мирах, сколько их есть, кто был рад услышать Нак-мак-Фиглей.

Они высыпались наружу из ореха. Некоторые до сих пор щеголяли в вечерних нарядах. Другие уже переоделись в килты. Но все были настроены подраться и, чтобы не терять времени, успели набрать обороты, сражаясь друг с дружкой.

Поляна опустела. Даже сны понимают, что лучше убраться подальше, когда на тебя катится ревущее, извергающее ругательства, синее с рыжиной цунами.

Тиффани, пригнувшись, вырвалась из рук Королевы и, не выпуская Винворта, бросилась в травяную чащу – посмотреть, что будет.

Мимо пробежал Громазд Йан. Над головой он держал эльфа – большого, ростом со взрослого человека. Эльф тщетно пытался вырваться. Громазд Йан вдруг остановился и отправил пленника в полёт через всю поляну.

– Йех, здорова пошёл! Прямо кумполом бдзынь! – И Фигль радостно поскакал обратно в гущу битвы.

Пикстов невозможно было растоптать и раздавить. Они работали группами, выстраиваясь в пирамиды, чтобы верхний драчун мог оказаться на одном уровне с эльфом и врезать ему кулаком, а ещё лучше – головой. А как только враг падал, оставалось только запинать его до бесчувствия.

У Нак-мак-Фиглей был свой подход к драке. Они всегда старались выбрать самого крупного противника («По нём наверняка не промазнешь», – объяснил потом Явор Заядло.) И лупили его безостановочно. В конце концов враг, понятное дело, падал – это было всё равно что драться с роем ос, вооружённых кулаками.

Пиксты не сразу поняли, что больше лупить некого, а когда поняли, некоторое время дрались друг с дружкой, чтоб боевой задор не пропал.

зря. Наконец они успокоились и принялись обшаривать карманы поверженных врагов на предмет завалывшейся мелочи.

Тиффани выпрямилась.

– Ах, неплоха работишка, я б сказанул, – заявил Явор Заядло, озирая поле недавней битвы. – Здоровска драчка вышла, и даж стихами их бить не занадобилось.

– Как вы оказались внутри ореха? – спросила Тиффани. – То есть это же был... ну, орех.

– Другенного входу не сыскнули, – объяснил Фигль. – Вход должен быть подходящий. Трудновастое эт' дело – пути во снах сыскивать.

– Агась, особливо если ты мал-мал укушамшись, – ухмыльнулся Туп Вулли.

– Что?! Вы пили? Я тут сражалась с Королевой, а вы решили заскочить в паб?

– Ах, нае! – замахал руками Явор Заядло. – Поминаешь тот сон с громадой вечериной? От в нёму мы и застрянули.

– Но я же убила дрёма!

Роб принялся юлить:

– Нуууу... мы так лехко не вышли, как ты. Нам мал-мал поболее времени занадобилось.

– Покуда всё не выхлебнули, – подсказал Туп Вулли.

Явор Заядло зыркнул на него:

– А от так грить не надо было!

– Хотите сказать, сон продолжался? – спросила Тиффани.

– Ну, ежли у тебя трубы крепко горят, тады да, – сказал Туп Вулли. – И там ведь не тока пойло было. Ишшо ж канапехи всяки...

– Но я думала, если съесть или выпить что-то во сне, то останешься в нём навсегда! – сказала Тиффани.

– Ах-ха, то правда, но тока не про нас, – сказал Явор Заядло. – Для нас что домишко, что банк, что сны – мы всюду пролезнем и вылезнем.

– Но тока не из пабов, – вставил Туп Вулли.

– Ах-ха, оно так. Чтоб из пабу вывернуться, нам надо порядком силов приложнуть. Признаваю.

– А куда подевалась Королева? – напряглась Тиффани.

– А, она драпс-драпс, как токо нас узырила, – сказал Явор Заядло. – И мы сейчас тож драпс, хозяйка, покуда сон не изменулся. – Он кивком показал на Винворта: – Эт' твой мал-мал братец? Экий какой соплюх!

– Хотю кофет! – проквалкал Винворт на конфетном автопилоте.

– А от фикус тебе, а не конфекту! – гаркнул Явор Заядло. – А ну кыкс,

кончевой хнычить и топай с нами. И чтоб не виснул больше на шее у мал-мал сеструхи!

Тиффани открыла было рот, чтобы возразить, но быстро передумала: Винворт на мгновение растерялся, а потом вдруг захихикал:

– Человечики! Пи-пи-писклики! Ха-ха!

– Ну всё, – сказала Тиффани. – Теперь это надолго.

Но такого она никак не ожидала: впервые на её памяти Винворт проявил интерес к чему-то несладкому.

– Явор, тут ишшо один настоящий! – окликнул кто-то из пикстов.

И к ужасу Тиффани, оказалось, что несколько пикстов поддерживают голову лежащего в беспамятстве Роланда.

– А, эт’ тот чудила неповоспитанный, – сказал Явор Заядло. – Тебе нагрубнул, Громазда Яна хотел молотилом шандаракснуть. Эт’ ж надо вовсе умища не иметь, однако. И что с ним делать?

Трава колыхалась. Свет меркнул. Становилось всё холоднее.

– Нельзя же оставить его здесь! – сказал Тиффани.

– Лады, поволокём с собой, – согласился Явор Заядло. – А ща – драпс-драпс!!!

– Пи-пи-писклики! Пи-пи! – радостно вопил Винворт.

– Боюсь, он теперь целый день так будет, – сказала Тиффани. – Мне жаль.

– Драпс в дверь! – сказал Явор Заядло. – Ты уж зыришь дверь?

Тиффани в отчаянии огляделась. Ветер стал колючим.

– Зырь дверь! – строго велел Явор Заядло.

– Э... э...

Она резко повернулась кругом. Когда она схватилась с Королевой, Тиффани отчётливо ощущала настоящий мир, скрытый под покровом сна. Но теперь это чувство не хотело возвращаться. Она постаралась сосредоточиться. Запах снега...

Ну какой у снега может быть запах? Смешно. Это же просто замёрзшая вода. Но Тиффани, проснувшись поутру, всегда знала, шёл ночью снег или нет. Снег на запах был как жесть на вкус. У жести ведь *есть* вкус, хотя, надо признать, он не лучше запаха снега.

Ей казалось, что она слышит, как скрипят от усилий извилины в мозгу. Так. Она – внутри сна. Значит, надо проснуться. А бежать никуда не надо, во сне все вечно куда-то бегают. Но если посмотреть вот в ту сторону, там всё как-то... тоньше.

Тиффани закрыла глаза и стала думать про снег, белый и хрустящий, как свежие простыни. Представила, как ступает по снегу, сосредоточилась

на этом ощущении... Всего-то надо проснуться...

Она стояла на снегу.

– Молодца, – сказал Явор Заядло.

– Я вырвалась! – воскликнула Тиффани.

– Ах, порой дверь-то в бошке... – сказал Фигль. – А ща драпс!

Тиффани почувствовала, как подошвы оторвались от земли – её подхватили пиксты. Похрапывающий Роланд приподнялся на дюжине маленьких синих ног.

– И не застопливаемся, пока не выгребем отсюда! – заорал Явор Заядло. – Фигли не сдаются!

Они полетели по снегу, свободные от ноши бежали впереди группами. Через минуту-другую Тиффани оглянулась. Синие тени тянулись к ним. И наливались тьмой.

– Явор... – окликнула она.

– Я знаю, – ответил он. – Поживей, ребя!

– Они быстрые, Явор!

– И эт' я тож знаю!

Снежинки жалили Тиффани щёки. Деревья проносились мимо, расплывчатые от скорости. Но тени пересекали тропу впереди, и всякий раз, когда приходилось бежать сквозь них, казалось, тени обретают плотность, словно туман. А тени за спиной теперь были угольно-чёрными в середине.

Но вот Фигли миновали последние деревья и вылетели на бескрайнее снежное поле. И вдруг остановились, да так резко, что Тиффани чуть не упала носом в снег.

– Что случилось?

– Хде наши следы-то? – спросил Туп Вулли. – От тока что были тута, и нате... И куды теперь?

Утоптанная тропа, которая вела их как путеводная нить, взяла и исчезла.

Явор Заядло обернулся и посмотрел на лес. Тьма клубилась над деревьями, как дым, растекаясь над горизонтом.

– Кралька насылает за нами кошмарей, – прорычал Фигль. – Туговасто нам придётся, ребя.

Тиффани разглядела силуэты в надвигающейся тьме и крепче прижала к себе Винворта.

– Кошмарей насылает, – повторил Явор Заядло, повернувшись к ней. – Тебе про них знать не надо. Мы их задержим, а ты бегай. Драпс-драпс, ну!

– Мне некуда бежать, – сказала Тиффани.

Со стороны леса доносился пронзительно-высокий звук, этакое насекомое стрекотание. Пиксты сбились плотнее. Обычно они ухмылялись до ушей, предвкушая драку, но теперь были угрюмы и серьёзны.

– Ах, этая Кралька, шоб она умела проигрываться, – сказал Явор Заядло.

Тиффани оглянулась и посмотрела туда, куда они бежали, – там тоже уже клубилась чернота. Кольцо сомкнулось.

«Двери повсюду, – подумала она. – Старая кельда сказала, двери повсюду. Нужно найти дверь.

Но вокруг только снег и несколько деревьев...»

Пиксты выхватили мечи.

– А что, собственно, за кошмары нас преследуют? – спросила Тиффани.

– Этакенные на длинных ножищах, с громаздыми зубьями и сотней глазьев и всяко тако, – сказал Туп Вулли.

– Ах-ха, и ишшо похужей, – сказал Явор Заядло, взглядываясь в наступающую темноту.

– Что может быть хуже? – спросила Тиффани.

– Неправильные обычности, – ответил он.

Сначала Тиффани не поняла, потом её передёрнуло. Да, она знала, о каких кошмарах речь. Они снились нечасто, но уж если снились, хуже их трудно было что-то придумать. Однажды она проснулась в холодном поту после того, как за ней гонялись башмаки матушки Болен, а в другой раз – сахарница. Всё, что угодно, может стать кошмаром.

Чудовищам Тиффани ещё могла противостоять. Но ей не хотелось бы встретиться с озверевшими башмаками.

– Э... У меня идея, – сказала Тиффани.

– У меня тож, – отозвался Явор Заядло. – Не бывать тута, вот идея!

– Вон там есть небольшая роцица, – сказала Тиффани.

– И что? – Явор смотрел на ряды надвигающихся кошмаров.

Уже можно было разглядеть подробности – зубы, когти, глаза, рёбра... Явор Заядло смотрел на всё это так, что было ясно: как бы потом ни сложилось, первым нескольким кошмарам предстоит нос к носу столкнуться с большими неприятностями. Если, конечно, у них есть носы и лица вообще.

– Как вы собираетесь драться с кошмарами? – спросила Тиффани.

Стрёкот стал намного громче.

– Мы кому хошь люлей накидать могём, – сказал Громазд Йан. – Есть

балда – врежь сполна по балде. Нет балды – пинай почём придётся.

Тиффани пригляделась к быстро приближающимся... существам.

– У некоторых из них не одна голова.

– Тады нам свезло, – сказал Туп Вулли.

Пиксты задвигались, вставая поудобнее перед дракой.

– Волынщик, – сказал Явор Заядло. – Сграй нам плач. Будем сражаться под звуки визжали...

– Нет! – закричала Тиффани. – Так не пойдёт! Чтобы одолеть кошмары, нужно проснуться! Я – ваша кельда! И я приказываю! Мы сейчас все побежим вон к тем деревьям! Делайте, как вам сказано!

– Пи-пи-писклики! – взвизгнул Винворт.

Пиксты посмотрели на деревья, потом на Тиффани.

– Живо! – завопила она так громко, что кое-кто из маленьких воинов содрогнулся. – Ну! Делайте, как сказано! Я знаю способ получше!

– Поперёк карррги не попрёшь, Ррроб, – пробормотал Вильям.

– Я отведу вас домой! – гаркнула Тиффани.

«Надеюсь», – добавила она про себя. Из-за дерева в рощице выглядывало круглое бледное лицо. Дрём.

– Но... – начал было Явор Заядло, потом обернулся к лесу и воскликнул: – Ой-ёи, вы тока позырьте...

На фоне чудовищного прилива выделялось маленькое бледное пятнышко.

Снибс бежал во весь дух. Его руки двигались туда-сюда, как поршни. Его коротенькие ножки мелькали так быстро, что, казалось, они описывают круг через верх. Его щёки раздулись, как воздушные шары.

Волна кошмаров накрыла его и покатилась дальше.

Явор Заядло убрал свой меч.

– Так, ребя, вы слышали кельду. Цап её и драпс-драпс.

Тиффани приподняли и понесли. Другие подхватили бесчувственного Роланда. И все рванули к деревьям.

Тиффани достала из кармана передника обёртку «Весёлого капитана». Она поможет ей сосредоточиться, вспомнить тот сон...

Говорили, что с вершины самых высоких холмов можно увидеть море. Тиффани поднялась туда в ясный зимний день, когда воздух был чист и прозрачен, и смотрела во все глаза, но смогла разглядеть только мутную полоску голубизны у горизонта. А море на пачках «Весёлого капитана» было глубокого синего цвета с белыми барашками волн. Для Тиффани море было таким.

Дрём среди деревьев казался маленьким. Тиффани надеялась,

что и силы у него не много. Ей ничего другого не оставалось...

Деревья приближались. Кольцо кошмаров сжималось. Жуткие звуки – треск костей, грохот рушащихся скал, жужжание рассерженных насекомых, кошачьи вопли – раздавались всё ближе, и ближе, и ближе, и...

Глава 12

Весёлый Капитан

...и вот она стоит на песке и белые волны бьются о берег, а потом впитываются в гальку, издавая такие звуки, будто старуха сосёт неподатливый леденец.

– Раскудрить! Хде-то мы? – спросил Туп Вулли.

– Ах-ха, и с чего мы стали как жёлтые грибыши? – добавил Явор Заядло.

Тиффани посмотрела вниз и невольно рассмеялась. Каждый пикст был одет точь-в-точь как Весёлый Капитан: в жёлтый непромокаемый плащ и жёлтую же непромокаемую шляпу с широкими полями. Поля немедленно свесились на глаза большинству Фиглей, и пиксты стали натекать друг на друга.

«Мой сон, – подумала Тиффани. – Дрём пускает в дело то, что найдёт у тебя в голове, но это мой сон, и я могу обернуть его нам на пользу».

Винворт затих. Он тарацился на волны.

На прибрежной гальке лежала лодка. Пиксты, все как один (скорее даже как целая толпа жёлтых грибов), кинулись к ней и стали карабкаться на борт.

– Что они делают? – спросила Тиффани.

– Лучшей убраться подале, – сказал Явор Заядло. – Ты хорош сон сыскнула, но тута ставаться низзя.

– Но здесь нам нечего бояться!

– Ах, Кралька всюду пролазнет, – ответил Фигль. Добрая сотня пикстов тем временем завладела веслом. – Не бойсь, мы в лодках кумечим. Разве не видала, как Мал-не-мал Джорджи рыбарил с Малом Бобби тадысь? Мы кой-какой толк в рыболовле и мореходстве знаем.

Похоже, они и правда умели обращаться с лодками. Вскоре вёсла были вставлены в уключины, и отряд Фиглей столкнул лодку в воду.

– А ща давай нам сюды малого, – велел Явор Заядло, стоя на корме.

Неуверенно ступая по скользким камням в холодной воде, Тиффани подошла ближе и передала пикстам Винворта. Ему всё происходящее явно казалось очень забавным.

– Пи-пи-писклики! – завопил он, когда его опустили в лодку.

Это была его первая и пока что единственная шутка, так что он повторял её снова и снова.

– Эт' да, – сказал Явор Заядло, запихивая Винворта под скамью. – А ща утихни там и чтоб ни гугукс про конфекты, а то дядя Явор надерёт тебе уши, смекашь?

Винворт хохотнул.

Тиффани побежала по берегу и помогла Роланду встать на ноги. Он открыл глаза и уставился на неё мутным взглядом.

– Что пр'сходит? – промямлил он. – Мне такая ерунда присни... – Тут он снова закрыл глаза и обмяк.

– Полезай в лодку! – прикрикнула Тиффани, волоча его по берегу.

– Раскудрить, мы что, волокём с собой этот чих напрасный? – Явор Заядло взял Роланда за штаны и затащил на борт.

– Разумеется! – отрезала Тиффани, забираясь в лодку сама.

Только она успела усесться на дно, как волны подхватили судёнышко. Вёсла со скрипом и плеском вошли в воду, и лодка толчками двинулась вперёд. Она покачнулася раз-другой от волны, а потом быстро заскользила по морю. Пиксты ведь были очень сильными, что ни говори. И хотя им приходилось виснуть на вёслах гроздьями, или карабкаться друг другу на плечи, или просто цепляться за что придётся, так что каждое весло смахивало на поле боя, тем не менее вёсла чуть не гнулись от усердной

гребли.

Тиффани постаралась взять себя в руки и не обращать внимания на тревожное чувство, сосущее под ложечкой.

– Правьте к маяку! – сказала она.

– Ах-ха, я и сам скумекснул, – отозвался Явор Заядло. – Эт' ж единое место тута, да и Кралька свет не уважухает. – Он усмехнулся. – Хорош сон, хозяйка. Небо зырила?

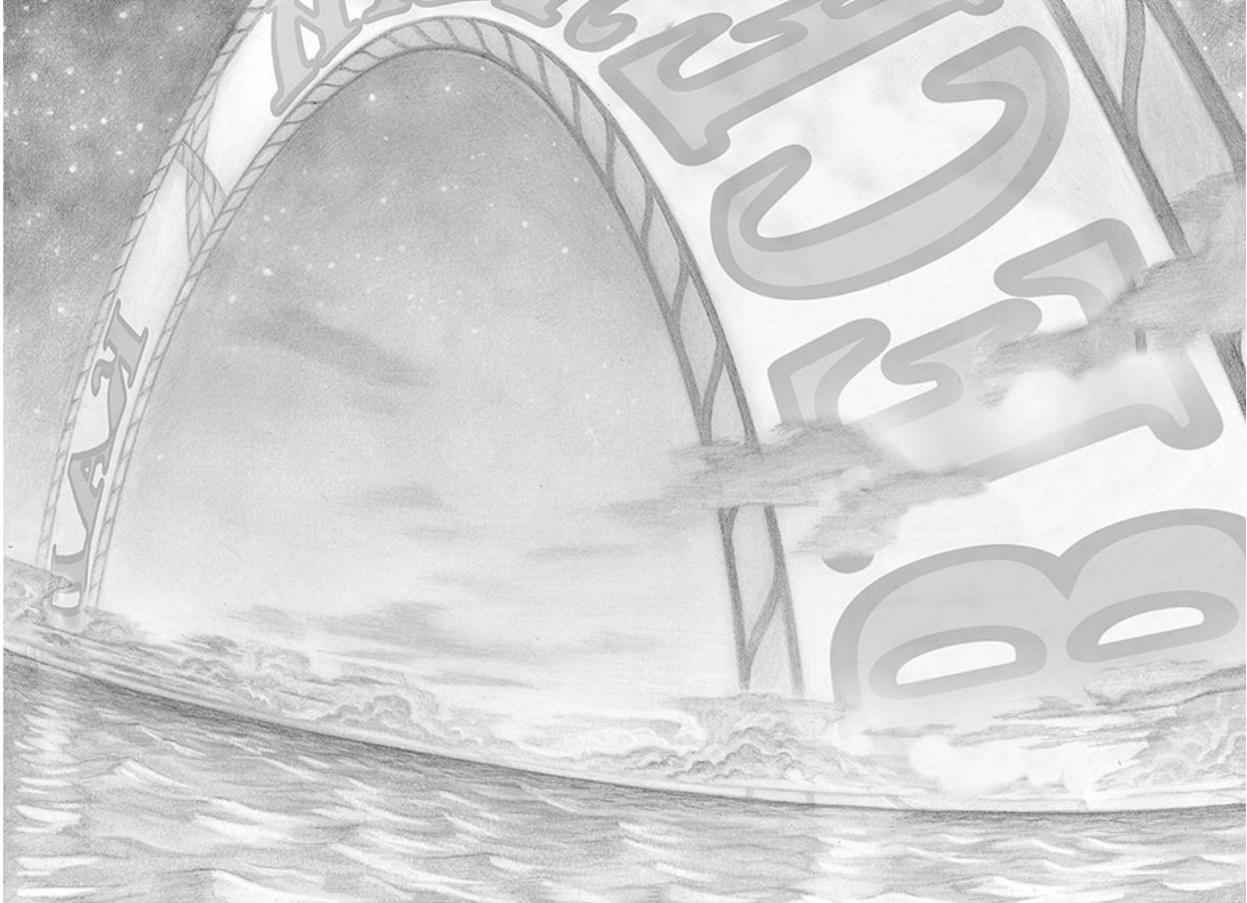
– Обычное небо, синее.

– Не то чтоб оно прям-таки небо. Зырь назади.

Тиффани повернулась. Небо было синее. Очень синее. Но за кормой, высоко над удаляющимся пляжем, тянулась жёлтая полоса. Она казалась очень далёкой и широкой, много миль в ширину. А посреди неё, нависая над землёй, как огромная галактика, серо-голубой из-за расстояния висел спасательный круг.

На нём задом наперёд огромными буквами – каждая больше луны – было написано:

НАТИПАК ЙЫЛЁСЕВ

– Так мы что, в обёрточной картинке? – спросила Тиффани.

– Ах-ха, – ответил Явор Заядло.

– Но море... оно как настоящее! Солёное, мокрое и холодное. Не похоже на картиночное! В моём сне оно не было солёным и холодным, – сказала она.

– Нды? Тады, выходит, оно картинка снаружи и настоящее изнутри. – Явор Заядло кивнул. – Мы, знашь, по всяко-разным мирам побегали, тырючи, и от что я тебе сказану: Вселенная – куды поболее за-путанная штука, чем зырится снаружи.

Тиффани достала из кармана грязную, измятую обёртку и снова уставилась на неё. Там был маяк и спасательный круг, да. Но самого Весёлого Капитана там не было. Зато была крохотная гребная лодка – точка на фоне нарисованного моря.

Она подняла глаза. Перед огромным, мутным спасательным кругом собирались грозовые тучи – чёрные, длинные, с рваными краями. Они приближались и клубились.

– Недолго ж она искала путь внутрь, – пробормотал Вильям.

– Да, – сказала Тиффани. – Но это мой сон. Я знаю, что будет дальше. Гребите, не останавливайтесь!

Несколько туч вперевалку пролетели у них над головой и вдруг спикировали в море. Они исчезли под водой, словно водяной смерч, запущенный задом наперёд.

Пошёл дождь, такой сильный, что сквозь него было трудно разглядеть что-нибудь.

– И это всё? – удивилась Тиффани. – Всё, что она может?

– Сумлеваюсь, – сказал Явор Заядло. – А ну кыкс, ребя, навались!

Лодка рванула по волнам, перепрыгивая с гребня на гребень.

Но, против всех законов, теперь ей приходилось карабкаться вверх. Море впереди вздыбилось горой, и лодку стало сносить назад.

Что-то поднималось из глубин. Что-то огромное и белое расталкивало море в разные стороны. Водопады рушились вниз по склонам огромного белого купола, вздымающегося всё выше и выше к грозовому небу.

Вот он стал ещё больше и продолжал расти. И наконец появился глаз. Маленький, по сравнению с гигантской головой, он повернулся в глазнице и уставился на крохотную лодку.

– От это балда! Это даж Громазду Йану цел день пинать – не перепинать. Греби, ребя, завтремки возвернёмся и допинаем!

– Это мой сон, – сказала Тиффани спокойно, как только могла. – Это рыба-кит.

«Только во сне не было запахов, – добавила она про себя. – А тут отчётливо пахло солью, рыбой и тиной...»

– А что оно жракс? – спросил Туп Вулли.

– Ой, это я знаю! – сказала Тиффани. (Лодка всё прыгала по волнам.) – Киты совсем не опасны, они едят только очень-очень маленьких созданий...

– Гребайте как черти, ребя! – заорал Явор Заядло.

– А почём ты бум-бум, что оно тока мал-мелюзгу ест? – уточнил Туп Вулли. (Рыба-кит начала открывать пасть.)

– Я отдала целый огурец за урок по Жителям Морских Глубин, – объяснила Тиффани. (Их окатило солёной водой.) – У китов даже зубов нормальных нет!

Раздался скрип, и в лица им с ураганной силой дохнуло дурным запахом из рыбьего рта. Рта, полного огромных острых зубов.

– Нды? – сказал Туп Вулли. – Ты тока не обижукайся, но, кажись, эта зверюжина в другенной школе училась.

Потоком воды их отнесло от рыбы-кита, и Тиффани увидела всю

исполинскую голову целиком. И чем-то, хотя она и не смогла бы объяснить, чем именно, рыба-кит походила на Королеву. Королева была где-то там, в этом чудовище.

Тиффани снова охватила злость.

– Это мой сон! – крикнула она, глядя в небо. – Я его сотни раз видела! Не смей в него лезть! И киты не едят людей! Это знает каждый, у кого есть хоть капля мозгов!

Хвост размером с пастбище поднялся и ударил по воде. Рыба-кит устремилась вперёд.

Явор Заядло отбросил жёлтую шляпу и вытащил меч:

– Лады, не вышло. Ну, чучундра мелкая, ща мы тебе устроим колики-болики!

– Ах-ха! Прорубнёмся наружу! – закричал Туп Вулли.

– Нет! – сказала Тиффани. – Продолжайте грести!

– Нак-мак-Фигли никогда не повертаются к врагу задом! – заорал Явор Заядло.

– А вы и не повернётесь, грести-то надо спиной вперёд!

Фигль, похоже, смирился.

– Ах-ха, об этом я не смекнул, – сказал он, снова усаживаясь на скамью.

– Гребите! – повторила Тиффани. – Мы уже почти у маяка!

Ворча, потому что, хоть смотрели они на врага, плыли-то они от него, пиксты налегли на вёсла.

– Какая, однако, балда здоровушша, – сказал Явор Заядло. – Эй, гоннагл, кыкс по-твоёму, громазда та балда или не?

– Весьма гррромоздая, Яворррр, я бы сказал, – отозвался Вильям, работавший в команде второго весла. – На самом деле, я даж рискну употррребить слово «огррромная».

«Рыба-кит почти настигла нас, – подумала Тиффани. – Должно получиться. Во сне всегда срабатывало. Теперь в любую минуту... в любую минуту...»

– А кыкс по-твоёму, – продолжал поддерживать непринуждённую беседу Явор, пока лодка подсакивала и переваливалась на волнах перед самым носом чудовища, – вблизих она до нас?

– Весьма хоррроший вопрррос, Яворррр, – сказал Вильям. – И если тебе интеррресно моё мнение, то оно таково: ах-ха, близко и даже весьма.

«В любую минуту, – думала Тиффани. – Конечно, мисс Тик говорит, что не стоит верить снам, но она имеет в виду не веру, а надежду.

В любую минуту... надеюсь. Он всегда появляется...»

– По пррравде говоря, сдаётся мне, она чрррезвычайно близко... – начал Вильям.

Тиффани нервно сглотнула, надеясь, что рыба-кит не сделает того же самого. От зубов до лодки уже оставалось всего футов тридцать.

И вдруг эти тридцать футов заполнила высокая деревянная стена, которая со звуком «шух-шух-шух» неслась мимо, размытая от скорости.

Тиффани смотрела вверх, разинув рот. Белоснежные паруса сияли на фоне штормового неба, дождь рушился с бортов водопадами. Она смотрела на мачты и канаты, на матросов, выстроившихся на реях, и кричала от восторга.

А потом корма корабля Весёлого Капитана скрылась за пеленой дождя, Тиффани только успела заметить у штурвала бородатого человека в жёлтом штормовом плаще и шляпе. Он обернулся, разок махнул рукой – и корабль растаял в туманной дали.

Тиффани с трудом поднялась на ноги в скачущей лодке и крикнула киту:

– Ты должен гнаться за ним! Так заведено! Ты гонишься за ним, он за тобой! Так сказала матушка Болен! А если ты за ним не погонишься, тогда ты больше не рыба-кит! Это мой сон! Мои правила! Я в этом сне подольше твоего!

– Большая лыбка! – завопил Винворт.

И это было куда удивительнее кита. Тиффани уставилась на брата.

– Большая лыбка! – повторил Винворт.

– Умничка, – радостно сказала Тиффани. – Да, большая рыбка. А знаешь, что самое интересное? Что кит на самом деле не рыба. Он млекопитающее, как корова!

«Ты серьёзно? – поинтересовался Задний Ум. Все пиксты тем временем уставились на неё, и лодка закружилась в потоке воды, как щепка. – Он впервые сказал что-то, никак не касающееся конфет и пи-пи-а-а, а ты не придумала ничего лучше, чем поправить его?»

Тиффани посмотрела на кита. Кит пребывал в затруднении. Но это был тот самый кит, которого она столько раз видела во сне с тех пор, как матушка Болен рассказала ей эту историю. А такую историю даже Королеве не перекроить по-своему.

Кит неохотно повернулся и нырнул, устремившись за Весёлым Капитаном.

– Большая лыбка фсё! – сказал Винворт.

– Млекопитающее... – начала Тиффани, не успев прикусить язык.

Пиксты всё ещё на неё тарацились.

– Просто хотела уточнить, – пробормотала она. – Люди часто путают китов с рыбами...

«Так ты вскоре станешь как мисс Тик, – подумала она Задним Умом. – Уверена, что ты этого хочешь?»

– Да, – сказал чей-то голос, и только потом Тиффани поняла, что он принадлежал ей. Она снова разозлилась, гнев вздымался в ней радостной волной. – Да! Я – это я. Я люблю точность и логику, а если чего-то не понимаю, смотрю в словаре! Я терпеть не могу, когда люди путают слова! Я умею делать хороший сыр. Я быстро читаю! И я всегда ношу с собой верёвочку! Вот что я за человек!

Она замолчала. Теперь даже Винворт таращился на неё.

– Большая водная колова фсё, – робко предположил он.

– Правильно! Молодчина! – обрадовалась Тиффани. – Когда придём домой, можешь съесть конфету. Одну.

Тут она заметила, что Фигли по-прежнему с тревогой глядят на неё, сбившись плотнее.

Явор Заядло неуверенно поднял руку:

– Ничё, если мы дале погребём? Пока ры... пока му-кит не возвернулся?

Тиффани посмотрела вперёд. До острова с маяком было уже недалеко. От берега тянулся небольшой мол.

– Да, пожалуйста. И... спасибо, – добавила она, немного успокоившись.

Корабль и кит скрылись за стеной дождя, и море почти мирно билось о берег.

Дрём сидел на скале, вытянув перед собой бледные толстые ноги. Он смотрел на волны и, казалось, вовсе не обращал внимания на лодку.

«Он думает, что снова дома, – поняла Тиффани. – Ему нравится мой сон».

Пиксты высыпали на мол и привязали лодку.

– Лады, мы тута, – сказал Явор Заядло. – Таперя отчекрыжим твари балду – и сну кирдыкс.

– Нет! – крикнула Тиффани.

– Но...

– Не трогайте его. Просто... не трогайте его, хорошо? Ему нет до нас дела.

«И он знает, каким должно быть море, – добавила она про себя. – Должно быть, он скучал по морю. Вот почему в этом сне всё такое настоящее. У меня ведь никогда не получалось увидеть его как следует».

Краб вылез на камни рядом с ногой дрёма и пристроился смотреть крабьи сны.

«Этот дрём словно затерялся в сновидении, которое сам создал, – подумала Тиффани. – Интересно, проснётся ли он когда-нибудь?»

Она обернулась к Нак-мак-Фиглям:

– В моём сне я всегда просыпаюсь, когда добираюсь до маяка.

Пиксты посмотрели на красно-белую башню и дружно схватились за оружие.

– Кральке верить низзя, – сказал Явор. – Она така: тока ты расслабнёшься, будто тебе ничё не грожает, а она кы-ык выскочнет! Зубдамс, она за дверью ждёт. Так что мы поперёд тебя идём.

Это было утверждение, а не вопрос, так что Тиффани только кивнула и стала смотреть, как толпа Фиглей захлестнула камни возле маяка и устремилась к башне.

Оставшись одна, если не считать Винворта и по-прежнему бессознательного Роланда, Тиффани достала из кармана жабу.

– Либо это сон, либо я на пляже, – сказал жаб. – А жабы не видят снов.

– В моём сне – видят, – сказала Тиффани. – А это мой сон.

– Тогда ты видишь очень опасный сон, – заявил жаб без тени благодарности.

– Нет, он прекрасный, – возразила Тиффани. – Он чудесный. Посмотри, как играет солнце на волнах.

– Где таблички с предупреждением об опасности утонуть? – проворчал жаб. – Ни спасательных жилетов, ни сетей от акул. А где же сертифицированный спасатель? Нет его. Ну и ну! А если бы кто-то...

– Это пляж, – сказала Тиффани. – Что ты такое говоришь?

– Я... я не знаю. Ты не могла бы положить меня на землю? – попросил жаб. – Что-то у меня голова разболелась.

Тиффани положила его на мол поближе к куче водорослей. Вскоре послышалось чавканье.

Море было спокойным.

Мирным.

Именно в такую минуту, подсказывал здравый смысл, и должно произойти что-то нехорошее.

Но ничего не произошло. Потом снова ничего не произошло. Винворт подобрал гладкий камушек и сунул в рот, исходя из предположения, будто что угодно может оказаться леденцом.

А потом со стороны маяка донёсся шум. Тиффани услышала приглушённые крики, удары, раз или два зазвенело стекло. Что-то тяжёлое

прогромыхало по длинной винтовой лестнице, считая ступеньку за ступенькой.

Дверь открылась. Вышли Нак-мак-Фигли. Выглядели они довольными.

– Нае проблемо, – заявил Явор Заядло. – Ни души.

– Но было столько шуму!

– Ах-ха. Надо ж было спроверить, – сказал Туп Вулли.

– Пи-пи-писклики! – взвизгнул Винворт.

– Я проснусь, когда войду в дверь, – сказала Тиффани, вытаскивая Роланда из лодки. – Так всегда бывает. И сейчас тоже должно получиться. Это ведь мой сон.

Она поставила баронского сына на ноги и повернулась к ближайшему Фиглю:

– Вы не могли бы понести Винворта?

– Ах-ха!

– И вы не заблудитесь и не напьётесь, ничего такого? – спросила Тиффани.

Явор Заядло напустил на себя оскорблённый вид:

– Мы нипочём не блудимся! Мы завсегда бум-бум, хде мы есть! Быват, правда, мы не оченно бум-бум, хде всё остальное, но это ж не наша вина, что оно куды-то запропастилось! Нак-мак-Фигли не блудятся!

– А что насчёт выпивки? – спросила Тиффани, волоча Роланда.

– Мы ни в жисть не блудились! – гнул своё Явор Заядло. – Ай не так, ребя?

Фигли глухо поддержали его в том смысле, что их тоже оскорбляет одно предположение, что они могут заблудиться.

– Даж рядом этих словей не ставь: «Фигль» и «заблудши»! – сказал Явор Заядло.

– А «напившись»? – снова спросила Тиффани, укладывая Роланда на гальку.

– Кто хошь мож заблудить, токо не Нак-мак-Фигли, – сказал Явор Заядло. – Заруби себе на носе.

Тиффани рассмеялась:

– Ладно, на маяке всё равно пить нечего. Кроме, конечно, керосина для фонаря, но уж его-то вы пить наверняка не стали – такое никому и в голову не придёт.

Пиксты вдруг притихли.

– А чё оно за штука така? – осторожно спросил Туп Вулли. – Случаем, не така буль-буль в громаздой бутыли?

– С таким ишшо черепком и костьями? – уточнил Явор Заядло.

– Да, возможно, это оно. Страшный яд, – сказала Тиффани. – Если его выпить, будет очень-очень плохо.

– Ах-ха? – переспросил Явор Заядло задумчиво. – Ну нады ж. А чегой плохо бу, как оно?

– Думаю, от него и умереть можно, – сказала Тиффани.

– Мы и тык мёртвые.

– Ну, тогда вы можете серьёзно заболеть. – Она строго посмотрела на Фигля. – И вдобавок оно горючее. Хорошо, что вы не стали его пить, правда?

Туп Вулли громко рыгнул. В воздухе отчётливо запахло керосином.

– Ах-ха, – сказал он.

Тиффани подошла взять на руки Винворта. За спиной у неё Фигли сбились в плотный кружок и принялись шептаться:

– А я грил, что черепок там неспруста!

– Громазд Йан грил, эт’ значит, что пойло крепко. От же люди, оставляют пойло хде попало, совсем не думкают, что кто-то могёт случаем вынести дверь, поднять засовы, размотить цепь со шкафу, сломить замок и ненарок хлебануть!

– А что тако «горючее»?

– Знатца, вжих-вспых от огня!

– Споконей, поконей, не боись! Знатца, так: никому не рыгать и не сливать вблизи огня, ясно? И делаем морды, будто все типсы-топсы.

Тиффани улыбнулась про себя. Пикстов очень нелегко убить. Возможно, вера в то, что ты уже умер, делает тебя неуязвимым. Она обернулась и посмотрела на дверь маяка. Раньше во сне она никогда не видела, чтобы дверь была распахнута. Ей всегда казалось, что там, за ней, кто-то маячит, ведь это же маяк. На пастбище пасут, в плотницкой плотничают, на маяке маячат.

– Значит, так, – сказала она, глядя на Явора Заядло. – Я буду тащить Роланда, а ты понесёшь Винворта.

– А не хошь сама волочить малого? – спросил Фигль.

– Пи-пи-писклики! – крикнул Винворт.

– Ты понесёшь его, – отрезала Тиффани, имея в виду: «Я не знаю, как всё пойдёт, и если что, с тобой ему будет безопаснее. Надеюсь, я проснусь в своей комнате... Проснуться дома было бы так хорошо...»

Конечно, если и остальные проснутся там же, придётся отвечать на некоторые непростые вопросы, но всё лучше, чем иметь дело с Королевой...

За спиной у неё, со стороны берега, раздался шум – что-то забулькало,

загрохотало... Тиффани обернулась – море уходило, очень быстро. Оно отступало, обнажая дно. У неё на глазах из-под воды показались скалы и купы водорослей – и остались торчать, почти сразу же сделавшись сухими.

– А, – сказала она после минутной растерянности, – я знаю, что это такое. Всё нормально. Это просто отлив. На море так бывает. Оно уходит и приходит.

– Нды? – хмыкнул Явор Заядло. – Здоровски. Прямо будто пробку выдернули.

Футах в пятидесяти от них последние ручейки морской воды стекли вниз там, где дно резко понижалось, и некоторые пиксты уже направились туда посмотреть.

На мгновение Тиффани охватила не то чтобы паника... нечто куда более медлительное и страшное, чем паника. Всё началось с назойливого зудящего вопроса: «Разве отлив происходит так быстро?»

Учитель (Чудиса Природы, Одно Яблоко) не особенно вдавался в подробности. Но на высохшем морском дне билась рыба, а ведь не может же быть, чтобы рыба в море гибла каждый день?

– Мне кажется, лучше быть осторожнее... – пробормотала Тиффани, догоняя Явора Заядло.

– С чего б? От когда вода дыбом встала, то было мерзаво. А кстать, когда она взад прильёт?

– Э... через несколько часов, наверное, – сказала она. Медленная, зудящая паника всё росла. – Но я боюсь, что это не...

– Ну дыкс куча времени же, – отмахнулся Явор Заядло.

Они подошли к остальным пикстам, выстроившимся у обнажившегося подводного обрыва. Последние струи воды ещё стекали с него.

Тиффани посмотрела вниз – это было всё равно что смотреть с горы в долину. Вдалеке, за много-много миль от них, виднелась серебристая полоска отступающего моря.

А гораздо ближе, внизу, лежали затонувшие корабли. Множество кораблей. Галеоны, шхуны и клиперы со сломанными мачтами, свисающими канатами, пробоинами в бортах валялись в лужах там, где была бухта.

Пиксты хором ахнули.

– Сокровища!

– Ах-ха! Золото!

– Мультёны!

– Брыльянты!

– Но почему вы думаете, что на кораблях есть сокровища? – спросила Тиффани.

Фигли посмотрели на неё так, будто она предположила, что камни могут летать.

– На них и есть сокровища, – сказал Туп Вулли. – Иначе с чего б им дали потопнуть?

– Верно, – сказал Явор Заядло. – На затопнувших кораблях должны быть сокровища, а то кому б было надо драться с акулухами и осьминогами? Утырить золото со дна моря – это ж самая славная покража, что токо бывает!

А вот теперь Тиффани охватила уже самая настоящая паника, без дураков.

– Там же маяк! – Она показала на башню. – Вон, видите? Маяк, чтобы корабли не налетали на скалы! Поняли? Ясно вам? А это – ловушка, расставленная нарочно для вас! Королева всё ещё где-то рядом!

– А мона, мы всё-таки глянем один мал-малю-усенький кораблик? – робко спросил Явор Заядло.

– Нет! Потому что... – Она подняла глаза. Вдалеке что-то блеснуло. – Потому что... море... возвращается...

То, что казалось облаком над горизонтом, теперь стало расти, оно приближалось и блестело. Тиффани уже слышала рёв воды.

Она побежала назад, на пляж, подхватила Роланда под мышки и поволокла к маяку. Пиксты как заворожённые смотрели на огромную волну, которая неслась прямо на них.

И с ними был Винворт. Он стоял, чуть наклонившись, чтобы два Фигля, поднявшись на цыпочки, могли держать его за руки.

Эта картина намертво отпечаталась в памяти Тиффани: маленький мальчик и пиксты стоят к ней спиной, с интересом глядя на ревущую, сверкающую, стремительно надвигающуюся, заполнившую уже полнеба стену воды.

– Бежим! – крикнула Тиффани. – Я ошиблась, это был не отлив, это Королева!

Водяная гора подхватила затонувшие корабли и закружила, как щепки.

– Бежим!!!

Тиффани закинула руку Роланда себе на плечо и, оступаясь на камнях, сумела дотащить его до двери маяка, когда у неё за спиной обрушилась вода...

...на миг мир заполнился белым светом...

...и под ногами заскрипел снег.

Вокруг была молчаливая, холодная страна Королевы. Не на что смотреть, только снег и в отдалении – лес. Над лесом клубились чёрные тучи.

А впереди прямо в воздухе, еле различимая, висела картинка: зелёная трава и несколько камней, купающихся в лунном свете.

Так выглядит дверь домой с этой стороны.

Тиффани в отчаянии завертелась на месте.

– Пожалуйста! – Её мольба никому не предназначалась. Она просто не могла не закричать. – Явор? Вильям? Вулли? *Винворт?*

Со стороны леса донёлся далёкий лай злейхаундов.

– Надо выбираться отсюда, – пробормотала Тиффани. – Надо уходить...

Она схватила Роланда за воротник и потащила к двери. Хорошо хоть, по снегу он неплохо скользил.

Никто и ничто не пыталось её остановить. Язык снега протянулся сквозь дверь на траву, но воздух был тёплым и полнился стрёкотом ночных насекомых.

Луна была настоящая, и небо настоящее. Тиффани перетащила мальчишку через лежащий камень, прислонила к нему спиной и сама села рядом. Продрогшая, уставшая до смерти, она попробовала отдышаться.

Платье было мокрым и пахло морем.

Издалека до неё доносились собственные мысли: «Может, они ещё живы. Это же сон, в конце концов. Туда можно как-то попасть. Надо только понять как. Собаки лают очень громко...»

Она снова встала во весь рост, хотя больше всего ей хотелось лечь и уснуть.

Камни, составлявшие дверь, темнели на фоне звёздного неба.

И вдруг на глазах у неё они сложились, как картонный домик. Левый валун завалился вбок, остальные рухнули на него.

Она подбежала к ним и попыталась сдвинуть тонны камня. Она водила руками в воздухе вокруг, надеясь, что сама дверь никуда не делась. До боли в глазах всматривалась, пытаясь заметить её...

Тиффани стояла под звёздами совершенно одна, стараясь не плакать.

– Какой стыд, – сказала Королева. – Ты бросила всех на верную смерть, не правда ли?

Глава 13

Земля под волной

Королева шла к Тиффани по зелёной траве. Там, где она ступала, трава на миг схватывалась инеем. Крошечная часть Тиффани, ещё сохранившая способность мыслить, подумала: «К утру трава будет мертва. Эта негодяйка убивает мой дёрн!»

– На самом деле вся жизнь – не более чем сон, – продолжала Королева всё тем же невыносимо спокойным красивым голосом. Она присела на поваленные камни. – Вы, люди, знаете толк в сновидениях и грёзах. Вы такие мечтатели. Вы грезите, будто вы умные. Вы грезите, будто вы что-то значите. Вы грезите, будто вы особенные. Знаешь, вы ведь в чём-то даже лучше дрёмов. У вас больше воображения. Я должна сказать тебе спасибо.

– За что? – спросила Тиффани, глядя на свои башмаки.

Ужас опутал её раскалённой докрасна проволокой. Бежать было некуда.

– Я раньше и не понимала, как чудесен ваш мир, – сказала Королева. – Я хочу сказать, дрёмы... они ведь просто ходячие губки, не более. Их мир очень древний. Он уже почти мёртв. В них не осталось творческого начала. Вы, люди, далеко их опередите, нужно лишь немного вам помочь. Потому что вы грезите всё время. Особенно ты. Мир представляется тебе таким

пейзажем, вращающимся вокруг тебя, верно? Изумительно. Посмотри на себя – на это твоё страшненькое платьице, эти грубые башмаки. Ты вообразила во сне, будто можешь вторгнуться в мой мир со сковородкой наперевес. Ты сплела себе сон про Храбрую Девочку, Которая Спасает Своего Брата. Ты думала, ты героиня, главная героиня сказки. Будто это не жизнь, а история. А потом ты бросила своего брата. Знаешь, наверное, когда на тебя рушатся миллионы тонн воды, это всё равно как если бы с неба тебе на голову упала железная гора. А ты как думаешь?

Тиффани не могла думать. В голове остался лишь горячий красноватый туман. У неё не получилось...

Дальний Умысел блуждал в тумане, пытаясь докричаться до неё.

– Я Роланда вытащила, – проямлила Тиффани, по-прежнему глядя на носки своих ботинок.

– Но он же тебе никто, – сказала Королева. – Он, будем говорить прямо, всего лишь тупой мальчишка с красной физиономией и куриными мозгами, совсем как его отец. Ты бросила своего брата на шайку мелких воришек, а сама спасла избалованного маленького дурачка.

«Времени не было! – надрывался Дальний Умысел. – Ты не смогла бы вернуться за ним и успеть к маяку! Ты и так-то едва успела! И Роланда вытащила. Это было разумное решение! Тебе незачем чувствовать себя виноватой! Что лучше: попытаться спасти своего брата и быть храброй, героической, глупой и мёртвой или спасти мальчишку и быть храброй, героической, умной и живой?»

Но что-то внутри её настаивало: быть глупой и мёртвой было бы... правильнее.

Что-то спрашивало: как ты будешь объяснять маме, что у тебя не было времени спасти брата и потому ты спасла вместо него другого мальчика? По-твоему, она обрадуется, что ты всё так хорошо рассчитала? Иногда верное решение бессмысленно.

«Это Королева! – кричал Дальний Умысел. – Её голос! Это вроде гипноза! Не слушай её!»

– Полагаю, это не твоя вина, что ты такая холодная и бессердечная, – продолжала между тем Королева. – Должно быть, причиной всему твои родители. Они уделяли тебе мало внимания. И появление Винворта было настоящей жестокостью с их стороны. Что им стоило быть поосторожнее! И они позволяли тебе слишком много читать. Для незрелого разума опасно узнавать такие слова, как «парадигма» и «эсхатологический». От этого дети начинают странно себя вести, например использовать братьев в качестве наживки. – Королева вздохнула. – Увы, такое случается постоянно.

Пожалуй, тебе ещё повезло, что ты выросла всего лишь глубоким интровертом, не способным к полноценной адаптации в социуме.

Она обошла Тиффани кругом.

– Как прискорбно, – сказала Королева. – Тебе грезилось, что ты сильная, умная, рассудительная. Из тех людей, что всегда носят с собой верёвочку. Но на самом деле это всё лишь попытки оправдать то, что в тебе так мало человеческого. У тебя совсем нет сердца, один только разум. Ты даже не плакала, когда умерла матушка Болен. И посмотри, куда все эти рассуждения и мысли тебя завели? Что ж, мне лично кажется, что лучше всего будет убить тебя прямо сейчас, а ты как думаешь?

«Найди камень! – орал Дальний Умысел. – Ударь её!»

От Тиффани не укрылись другие силуэты, проступившие в сумраке. Там были люди с картинки из книжки, но были и дрёмы, и всадник без головы, и Шмелёвки.

Повсюду вокруг снег укрыл землю.

– Думаю, нам тут понравится, – сказала Королева.

Холод поднимался по ногам Тиффани. Дальний Умысел, надсаживаясь, вопил: «Сделай же что-нибудь!»

«Не очень-то хорошо она всё организовала, – сквозь оупение подумала Тиффани. – Нельзя полагаться только на сны и грёзы. Или... может, зря я не была как все нормальные люди. Если бы я только меньше думала и больше... чувствовала? Но я не могла заплакать тогда! Просто... не получилось бы! И как я могу перестать думать? И думать о том, как я думаю? И даже думать о том, как я думаю о том, как я думаю?»

Она видела улыбку в глазах Королевы и думала: «А кто из всех этих «я», которые думают, на самом деле я? И есть ли какая-то «я» вообще?»

Облака растеклись по небу, как пятно краски. Они закрыли звёзды. Чёрные тучи из замёрзшего мира, тучи кошмаров. Пошёл дождь с градом. Градины вонзались в дёрн и превращались в белую от мела жижу. Ветер завывал, как стая злейхаундов.

Тиффани удалось сделать шаг вперёд. Грязь чавкнула под ногами.

– Наконец-то нашла в себе немного отваги? – Королева чуть отступила.

Тиффани попыталась сделать ещё шаг, но ничто больше её не слушалось. Она слишком замёрзла и слишком устала. Она чувствовала, как её «я» растворяется, исчезает...

– Как это печально, умереть вот так, – сказала Королева.

Тиффани повалилась ничком в ледяную грязь.

Дождь пошёл сильнее, градины жалили, как иглы, барабанили

по голове, ледяными слезами стекали по щекам. Дождь рушился так, что вышиб из неё дух...

Она чувствовала, как тепло по капле покидает её тело. И это было последнее, что она чувствовала, если не считать мелодичного звука...

Он был как запах снега или искорки мороза. Он был высоким, тонким и длинным-предлинным.

Она уже не ощущала земли под собой, а смотреть было не на что, не осталось даже звёзд. Облака закрыли всё.

Она так замёрзла, что уже вовсе не чувствовала холода, не чувствовала своих пальцев. Одинокая мысль сумела возникнуть в замерзающей голове: «А есть ли я вообще? Или я просто снюсь своим мыслям?»

Чернота сгустилась. Ни одна ночь не была так темна, как эта, ни одна зима не была так холодна. Такого мороза не бывало даже в самые лютые дни на исходе зимы, когда матушка Болен, увязая в снегу, ходила от сугроба к сугробу, разыскивая тёплые тела. Овца может выжить под снегом, если у пастуха есть капля разума, любила приговаривать она. Снег помогает сохранить тепло, и овцы спят себе в тёплых норках, и жестокие ветра не причиняют им вреда.

Но это был холод как в те дни, когда даже снег уже не может падать, и ветер превращается в мороз и несёт ледяную крупу над полями. Дни-убийцы, которые случаются по весне, когда овцы уже начали ягниться, и тут зима вдруг решила заглянуть на прощание и спеть песню вьюги.

Тьма была повсюду, горькая и беззвёздная.

И крапинка света в этой тьме, где-то далеко.

Одинокая звезда. Опустилась ниже... движется...

Растёт в ненастной ночи.

Идёт зигзагом.

Безмолвие окутало Тиффани и вернуло её в себя.

Безмолвие пахло овцами, скипидаром и табаком.

А потом... она провалилась, полетела сквозь землю, быстро-быстро...

Ласковое тепло, и, всего лишь на миг, – шум волн.

И её собственный голос в голове.

Эта земля у меня в костях.

Земля под волной.

Что-то белое.

Оно падало сквозь тёплую, тяжёлую тьму вокруг – похожее на снег, но мягкое, как пыль. Оно скапливалось грудками под ней, она видела белое перед собой.

Создание, похожее на рожок мороженого с множеством усиков,

пролетело мимо и исчезло.

«Я под водой», – подумала Тиффани.

Я помню...

Это миллионолетний дождь под водой, это новая земля рождается на свет, поднимаясь из океанских глубин. Это не сон. Это... память. Земля под волной. Мириады и мириады крохотных ракушек...

Эта земля – живая.

Запах пастушьей кибитки никуда не делся, и ощущение, что её баюкают невидимые руки, тоже.

Белизна внизу продолжала расти, вскоре Тиффани погрузилась в неё вся, но это было не страшно. Как лежать в тумане.

Нет, я внутри мела, как кремень, как мелёнок...

Она не могла сказать, сколько времени пролежала в тёплой глубине вод, то ли миллионы лет прошли своим чередом, то ли промелькнули в мгновение ока. Но вот снова пришло движение – вверх, вверх...

Новые воспоминания потекли в неё.

Кто-то всегда стерёг границы. Эти люди не выбирали такую долю. Их выбирали. Кто-то должен заботиться. Порой им приходилось сражаться. Кто-то должен заступиться за тех, кто сам за себя заступиться не может...

Тиффани открыла глаза. Она по-прежнему лежала в грязи, и Королева по-прежнему смеялась над ней, а над ними по-прежнему ярилась буря.

Но ей было тепло. Нет, ей было жарко, в ней горела докрасна раскалённая злость. Злость за искалеченный дёрн, на собственную глупость, на это прекрасное создание, у которого есть единственный дар – вертеть другими, как хочет.

Это... существо пытается захватить её мир!

«Все ведьмы думают только о себе», – сказала когда-то Королева. Но Дальний Умысел посоветовал: «Так преврати это в оружие! Пусть всё будет твоё! Все жизни, все мечты и надежды! Защити их! Спаси их! Отгони их в овчарню! Иди за ними сквозь бурю! Отпугни волков! Мои мечты! Мои сны! Мой брат! Моя семья! Моя земля! Мой мир! Да как ты смеешь посягать на них – они МОИ!»

Я в ответе за них!

Злость хлынула через край. Тиффани встала, сжала кулаки и закричала сквозь бурю, вложив в этот крик весь гнев, что скопился внутри.

Молнии ударили в землю слева и справа от неё. Раз, потом другой.

И остались гореть между небом и землёй, потрескивая, и из них соткались две собаки.

Пар валил от их шкур. Синие искры полетели с ушей, когда собаки встряхнулись. И вот они выжидающе уставились на Тиффани.

Королева ахнула и исчезла.

– Ко мне, Молния! – крикнула Тиффани. – Рядом, Гром!

И она вспомнила то время, когда носилась по лугам, падая и вопя неправильные команды, а овчарки делали именно то, что было нужно.

Два чёрно-белых всполоха метнулись по траве и вверх, к тучам.

Они гуртовали бурю.

Тучи в панике металась, норовя сбежать, но всегда наперерез беглянке летела чёрно-белая комета, и тучи поворачивали назад. Чудовищные силуэты корчились и визжали в кипящем небе, но Гром и Молния какие только стада не пасли. Порой щёлкали, искря молниями, зубы, и раздавался жалобный визг. Тиффани стояла, запрокинув голову к небесам, дождь стекал по её лицу, и выкрикивала команды, которые собаки вряд ли слышали.

Толкаясь, рыча и вопя, тучи отступили за холмы и дальше, в горы, в загоны глубоких ущелий.

У Тиффани почти не осталось дыхания, но она торжествовала. Вот собаки снова спустились на землю и уселись. А потом она вспомнила кое-что ещё: не важно, какие команды она выкрикивала. Это были не её собаки. Это были овчарки пастуха.

Гром и Молния не стали бы слушаться команд маленькой девочки.

И смотрели они вовсе не на неё.

Они смотрели на кого-то у неё за спиной.

Если бы Тиффани сказали, что за спиной у неё стоит ужасное чудовище, она бы обернулась. И если бы ей сказали, что у него тысяча зубов, она бы обернулась. Но теперь ей не хотелось оборачиваться. Заставить себя оказалось труднее всего, что ей доводилось делать.

Она не боялась того, что может увидеть. Она до ужаса, до дрожи, до смерти, до мозга костей боялась того, что может не увидеть. Она закрыла глаза и позволила дрожащим от страха башмакам развернуться и развернуть её, и потом, глубоко вздохнув, открыла глаза.

Запах «Весёлого капитана», скипидара и овец...

На траве, сверкая белизной нарядного платья с голубыми бантиками и серебряными пряжками, стояла матушка Болен и широко улыбалась, лучась гордостью. В руке у неё был огромный пастуший посох, увитый лентами.

Она медленно повернулась на месте, красуясь, и Тиффани увидела, что, хоть бабушка и превратилась в сверкающую, безупречную от шляпки

до подола пастушку, на ней были всё те же огромные старые башмаки.

Матушка Болен вынула трубку изо рта и легонько кивнула Тиффани. Когда матушка Болен так кивала, это было всё равно что бурные аплодисменты.

А потом – она исчезла.

Настоящая темнота звёздной ночи окутала луга, и воздух заполнили ночные звуки. Тиффани не знала, было ли то, что она видела, только сном, или оно было не совсем здесь, или вообще только у неё в голове. Не важно. Это *было*. А теперь...

– Но я всё ещё здесь, – сказала Королева, шагнув к Тиффани. – Может, всё и правда было сном. Может, ты немного сошла с ума, ты ведь всегда была ребёнком со странностями. Возможно, тебе помогли. Ну а что ты можешь сама? Неужели ты правда думаешь, что способна противостоять мне в одиночку? Я могу заставить тебя думать, что захочу...

– Раскудрить!

– О нет, только не они! – всплеснула руками Королева.

Нак-мак-Фигли явились не одни – с ними был Винворт, густой запах водорослей, много солёной воды и мёртвая акула. Всё это возникло в воздухе и рухнуло кучей между Тиффани и Королевой. Но пиксты всегда готовы к бою, так что они перекатились, вскочили и вытащили мечи, вытряхивая воду из волос.

– А, снова-здорова ты! – сказал Явор Заядло, недобро глядя на Королеву. – Наконец-ли мы с тобой схлестнёмся, старая укусница, токо ты и мы. Не смей сюды суйносить, поняла? Проваливайся! Сама уйдёшь или наподдатнуть?

Королева с силой наступила на него. Когда она убрала ногу, из земли торчала только макушка Фигля.

– Не уйдёшь, знатца? – продолжал он, выбираясь на свет, будто ничего не произошло. – Не выводите меня, слышь! И зверики твои тебе не помогут, ты ж знаешь, как мы их размазнём! – Он повернулся к Тиффани, которая стояла не шевелясь. – Оставляй эт' нам, кельда. Мы спротив Кральки, как в стары-добры дни!

Королева щёлкнула пальцами.

– Вечно вы лезете, куда не знаете, – прошипела она. – А как вам понравится это?

Мечи всех Нак-мак-Фиглей засветились голубым.

Где-то в задних рядах освещённой мерцающим сиянием толпы раздался голос, очень похожий на голос Тупа Вулли:

– А вот таперя нам кирдыкс...

В воздухе, на некотором отдалении, сошлись три силуэта. На том, что посередине, Тиффани разглядела длинную красную мантию, странный парик с буклями и узкие до предела штаны, заправленные в сапоги с пряжками. Двое других вроде бы выглядели совершенно обычно и носили обычные серые костюмы.

– Ах ты, безжалостна Кррралька, – прорычал Вильям Гоннагл. – Наслатъ на нас стррряпчих...

– Вы ток зырьте на того, что влеве, – сказал какой-то Фигль. – У него ж портфель. Ой-ёи-ёи... Портфель...

Неохотно, шаг за шагом, прижимаясь друг к дружке от ужаса, Нак-мак-Фигли попятились.

– Ой-ёи-ёи, он отщёлкнул замок... – простонал Туп Вулли. – Когда стряпчий отщёлкивает, знатца, всё, кирдыкс, сам Рок топс-топс.

– Господин Явор Заядло Фигль и другие? – спросил один из законников леденящим душу голосом.

– Нетушки тут таких! – завопил Явор Заядло. – Мы ничего не знаем!

– До нашего сведения был доведён список уголовных преступлений и административных нарушений общим числом девятнадцать тысяч семьсот шестьдесят три дела...

– Нас тама не было! – крикнул Явор Заядло в отчаянии. – Верно ведь, ребя?

– ...в том числе более двух тысяч случаев Нарушения Общественного Спокойствия, Злостного Нарушения Общественного Порядка, Нахождения В Общественном Месте В Нетрезвом Состоянии, Нахождения В Общественном Месте В Нетрезвом Состоянии Уровня «Вдрабадан», Употребление Нецензурных Выражений (считая девяносто семь случаев Употребления Выражений, Которые Наверняка Были Нецензурные, Хотя Никто Ничего Не Понял), Нарушения Общественного Порядка С Особым Цинизмом, Злонамеренного Праздношатания...

– Вы не тех поймали! – заорал Явор Заядло. – Мы тут ни при чём! Мы тока мимоходили!

– ...Краж в Особо Крупном Размeре, Мелких Краж, Грабежа, Проникновения Со Взломом, Предосудительного Околачивания С Намерением Совершить Тяжёлое Преступление...

– У нас было трудно децтво, деревянные игрушки, никто нас не вкумекивал! – завопил Явор Заядло. – И ваще, эт' всё из-за того, что мы сини, да! Завсехда на нас всё повешивают из-за цвета шкуры! А нас и в стране-то тады не было!

Но тут по рядам съёжившихся от страха пикстов пронёсся стон: один

из юристов достал из портфеля огромный свиток.

Законник прокашлялся и стал зачитывать:

– Ангус, Громазд; Ангус, Мал; Ангус, Не-Так-Громазд-Как-Громазд-Ангус; Арчи, Громазд; Арчи, Крив; Арчи, Мал Безбалды...

– Они бум-бум наши имена! – прошептал Туп Вулли. – Ну кирдыкс, прощевай, волюшка...

– Возражаю! Требую письменного и непредвзятого постановления о *Habeas Corpus*^{24}, – произнёс тихий писклявый голос. – И подаю встречный иск о *Minimorum lules in faciem acceptum* без нанесения ущерба.

На мгновение повисла полная, абсолютная тишина. Потом Явор Заядло повернулся к перепуганным Нак-мак-Фиглям:

– Ну лады. И кто из вас сказанул?

Жаб протолкался в первый ряд и вздохнул:

– Я вдруг всё вспомнил. Теперь я знаю, кем был раньше. Стоило мне услышать юридическую речь, как память вернулась. Сейчас я жаба, но... – он нервно сглотнул, – когда-то я был адвокатом. И могу сказать, что всё происходящее совершенно незаконно. Предъявленные вам обвинения – сплошная ложь, основанная на недостоверных показаниях третьих лиц.

Он поднял взгляд и уставился жёлтыми глазами на юристов Королевы:

– Я также требую переноса рассмотрения дела на неопределённый срок на основании *Potest-ne mater tua snere, amice*^{25}.

Законники Королевы достали из воздуха огромные тома и принялись их спешно листать.

– Терминология вашего юридического консультанта нам непонятна, – сказал один из них.

– Эй, да они взопревши! – воскликнул Явор Заядло. – Дыкс мы что, могём себе своих законников завести?

– Конечно, – ответил жаб. – Вы можете нанять адвоката, чтобы он защищал вас в суде.

– Защищал... – повторил Явор Заядло. – Знатца, мы могём отмазнуться, тамушта ихние доказунства поеденных яек не стоят?

– Определённо, да, – сказал жаб. – А горы награбленного добра могут сделать вас весьма и весьма невиновными. Мой гонорар...

Он снова сглотнул, обнаружив направленную на него дюжину светящихся мечей.

– Кстати, я только что вспомнил, почему фея-крёстная превратила меня в жабу, – сказал он. – Хорошо, в сложившихся обстоятельствах я буду защищать вас *pro bono publico*^{26}.

Мечи не дрогнули.

– Это означает бесплатно, – пояснил жаб.

– От эт’ по-нашенскому, – сказал Явор Заядло, и мечи с тихим шорохом исчезли. – Но кыкс ты стал законновской жабой?

– О, это случилось в ходе прений, – сказал жаб. – Фея-крёстная исполнила три желания моей клиентки – стандартный набор «здоровье, богатство, счастье». Однажды, проснувшись дождливым утром, клиентка почувствовала себя не особенно счастливой и прибегла к моим услугам, чтобы возбудить дело о нарушении условий договора. Это был первый случай в истории феекрёстничества. Как не было до тех пор и прецедентов превращения клиентки в маленькое зеркальце, а её адвоката – в жабу, как вы можете видеть. Хуже всего было, когда судья заплодировал. Так дела не слушаются, если хотите знать моё мнение.

– Но вся законническая курла-мурла у тебя так и есть в балде? Зашибайсь. – Явор Заядло повернулся к юристам Королевы: – Эй, чучундры! У нас есть беспроплатный адвокат, и с нас не заржавит его пользануть без предубеждения!

Юристы тем временем извлекали из воздуха всё новые и новые документы. Вид законники имели встревоженный, даже напуганный. Глаза Явора Заядло сверкнули.

– А что за минорум клювес ты им наплёл? – спросил он жаба.

– *Minimogum lules in faciem asseptum*, – поправил тот. – Лучшее, что я смог придумать на скорую руку. Это означает приблизительно... – он кашлянул, – получить мал-мала люлей в лицо.

– Ах, мы-то не понимали законнических языков, а оно вона как запросто, – сказал Явор Заядло. – Эй, ребя! Мы все могём заделаться адвокантами, надо тока хитромудрей-словей понаучить! А ну кыкс! Взять их!

Настроение Нак-мак-Фиглей меняется мгновенно, особенно при звуке боевого клича. В воздух взметнулись мечи.

– Двенадцать сот разгнезданных мушцин!

– Судебная драма, нах!

– Закон за нас!

– Вор должен сидеть в шоколаде!

– Нет, – сказала Королева, и по мановению её руки всё исчезло.

Остались только она и Тиффани. Они стояли лицом к лицу на склоне холма, и ветер завывал в камнях.

– Что ты с ними сделала? – крикнула Тиффани.

– О, они по-прежнему где-то здесь, – сказала Королева. – Ведь всё

на свете – только сон. И сон внутри сна. Ничему нельзя верить, девочка. Ничто не реально. Ничто не вечно. Всё заканчивается, исчезает. Можно только научиться правильно видеть сны. Но ты уже не успеешь. А у меня... было больше времени.

Тиффани не могла бы сказать, какая часть её – Задний ли Ум, Дальний ли Умысел или ещё что – взяла дело в свои руки. Она устала. Ей казалось, что она смотрит на себя со стороны, вернее, сверху и немного сзади. Тиффани увидела, как она понадежнее упёрлась в землю холмов башмаками, и вдруг...

...и вдруг...

...и вдруг, словно выкарабкавшись из ватных объятий сна, она почувствовала время. Целую бездну времени под ногами. Она ощущала дыхание холмов и далёкий, далёкий шум волн, запечатанный в мириадах крохотных ракушек. Она думала о матушке Болен, как она лежит там, глубоко под травой и землёй, и снова становится частью мела, частью земли под волной. Она чувствовала, как вращаются вокруг неё исполинские колёса времени и звёзд.

Она открыла глаза, а потом, где-то внутри, открыла их снова.

Она слышала, как растёт трава, как копошатся черви в земле, ощущала тысячи маленьких жизней вокруг, различала каждый запах, который нёс ветер, каждую ночную тень...

Колёса звёзд и лет, пространства и времени, встали на место. Она точно знала, где она, кто она и зачем она.

Она резко взмахнула рукой. Королева попыталась остановить её, но с таким же успехом она могла бы попытаться остановить колесо лет. Тиффани ударила её по лицу и сбила с ног.

– Я никогда не плакала по матушке Болен, потому что мне не о чем было плакать, – сказала Тиффани. – Она всегда со мной.

Тиффани наклонилась, и вместе с ней над Королевой склонились века.

– Секрет не в том, чтобы видеть правильные сны, – сказала она. – Секрет в том, чтобы проснуться. Проснуться труднее. Теперь я пробудилась, и я настоящая. Я знаю, откуда я пришла и куда иду. Больше ты не сможешь меня одурачить. И причинить мне зло. Не только мне – всему, что мне принадлежит, тоже.

«Я никогда не стану такой снова, – думала она, глядя на искажённое ужасом лицо Королевы. – Не стану снова ростом до неба, и древней, как холмы, и сильной, как море. Это дано мне лишь на время, и оно имеет свою цену. Цена такова, что дар придётся вернуть.

Нет, это не только цена – награда тоже. Человеку не по силам жить так

всю жизнь. Можно целый день любоваться красотой цветка, но кто будет доить скотину? Неудивительно, что мы живём будто во сне, грезим и мечтаем. Видеть мир таким, какой он есть, – этого никто долго не выдержит».

Она глубоко вздохнула и рывком вздёнула Королеву на ноги. Сны ярились вокруг, Тиффани знала это, но они были не властны над ней. Она была настоящая, и она проснулась. Такой проснувшейся она ещё никогда не была. Она чувствовала сразу столько всего, что трудно было сосредоточиться в этой буре ощущений, затопивших её.

Королева оказалась лёгкой, как ребёнок. Она бешено извивалась и меняла обличья в руках Тиффани: чудовище, ещё чудовище, что-то страшное, будто слепленное из нескольких разных существ, что-то с когтями и щупальцами... Наконец она сделалась серой и маленькой, как обезьянка: большая голова, огромные глаза и щуплое туловище, поросшее пухом. Узкая грудь её часто вздымалась.

Тиффани подошла к камням. Проём из трёх монолитов был на месте. Он никуда и не исчезал, подумала она. У Королевы нет настоящей силы, никакой магии, только один-единственный фокус. Зато самый подлый.

– Держись отсюда подальше, – сказала Тиффани, шагнув под каменную арку. – Никогда не возвращайся. Никогда не трогай того, что моё. – Но поверженное создание было таким слабым, так походило на ребёнка, что она добавила: – Я надеюсь, где-то есть кто-то, кто заплачет о тебе. Надеюсь, Король вернётся.

– Тебе жаль меня? – прорычало существо, которое прежде было Королевой.

– Да. Немного, – сказала Тиффани.

«Как госпожу Робинсон», – добавила она про себя.

Она положила существо на землю. Оно поскакало прочь по снегу, обернулось и снова стало прекрасной Королевой.

– Тебе не победить, – сказала она. – Всегда найдётся путь. Люди видят сны...

– Иногда мы просыпаемся, – ответила Тиффани. – Не смей возвращаться, иначе крепко пожалеешь...

Она сосредоточилась, и вот уже сквозь каменный проём виден только зелёный склон холма. Ничего больше. И ничего меньше.

«Надо придумать способ закрыть проход навсегда», – решил Дальний Умысел – а может быть, это был ещё какой-то Ум, или Умысел, или другая часть сознания Тиффани, занятая мыслями о мыслях, посвящённых мыслям о мыслях, – и так много-много раз. В её голове эти умы-разумы так

и теснились.

Она с трудом прошла несколько шагов и села на землю, обхватив колени. «Не хватало ещё такой и остаться, – подумала она. – Придётся заткнуть уши затычками, и ноздри тоже, и на голову натянуть чёрный-пречёрный капюшон, и всё равно я буду видеть и слышать слишком много...»

Тиффани закрыла глаза и закрыла их снова.

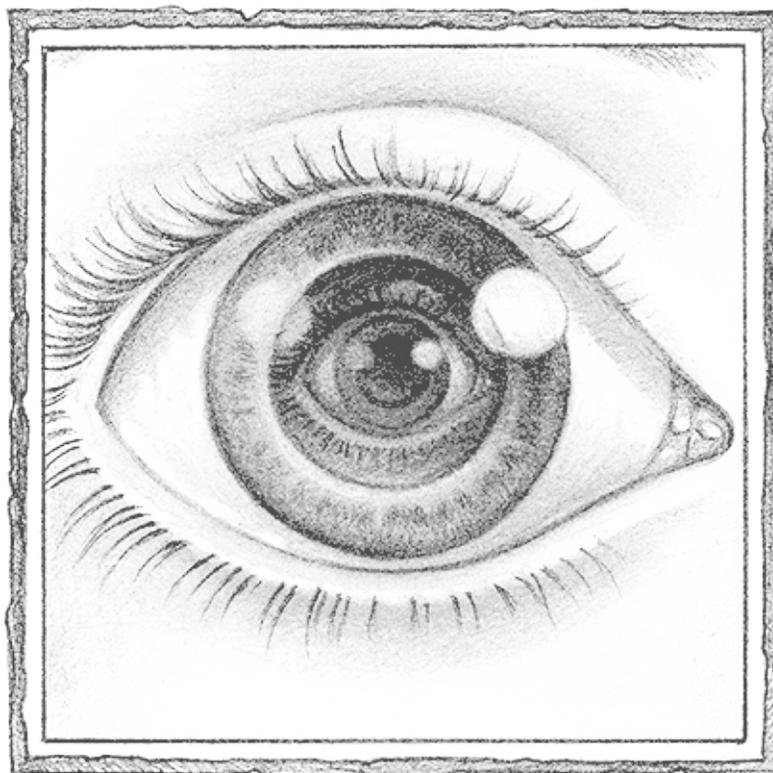
Она чувствовала, как всё уходит, будто вода в песок... Она словно и правда засыпала, странное сверхбодрствование оставляло её, она проваливалась, соскальзывала в... ну, в обычное повседневное бодрствование. Все образы словно подёрнулись дымкой, все звуки стали приглушёнными.

«И так мы живём всю жизнь, – подумала она. – Мы ходим по земле во сне, как лунатики, потому что невозможно же постоянно ощущать всё как есть...»

Кто-то постучал по её башмаку.

Глава 14

Начинать с малого

– Эй, куды ты завалилась? – спросил Явор Заядло. – Мы тока собрамши накидать им адвокатских люлей, и тут вы с Кралькой – ыть! И нету.

«Сон во сне, – подумала Тиффани, стараясь держаться прямо. – Но сны остались позади, глядя на Нак-мак-Фиглей, невозможно усомниться в их реальности».

– Всё кончено, – сказала она.

– Ты её сгробила?

– Нет.

– Тады она возвернётся, – сказал Явор Заядло. – Она ж тупа дурёха как есть. В снах кумексает, ах-ха, а так – ни в зуб копытсом.

Тиффани кивнула. Ощущение, будто весь мир подёрнулся дымкой, постепенно уходило. Мгновение сверхбодрствования теперь казалось только сном.

Но это был не сон. Я должна всегда это помнить.

– Как вам удалось убежать от той огромной волны? – спросила она.

– Ах, мы таки быстры, а маяк был крепок, – объяснил Явор Заядло. – Однако воды наплеснулось по самые не моги.

– И пара-трёха акулух в придачу, – вставил Не-так-громазд-как-середний-Джок-но-погромаздей-чем-мал-Джок Джок.

– Ах да, и мал-мал акулкух, – пожал плечами Явор Заядло. – И восьминог.

– Это был гигантский спрррут, – поправил Вильям.

– Ну, он быр-быро стал шышлык, – ухмыльнулся Туп Вулли.

– Ха, полюси мал-мала люлей в клювей! – завопил Винворт в приступе остроумия.

Вильям вежливо кашлянул:

– Большая волна вынесла на берег много затонувших коррраблей с сокррровищами. Мы чуть задеррржались, чтобы немного их погрррабить...

Нак-мак-Фигли радостно продемонстрировали множество самоцветных камней и больших золотых монет.

– Но ведь это сокровище из сна, – сказала Тиффани. – Волшебное золото! Утром оно превратится в мусор!

– Нды? – Явор Заядло посмотрел в сторону горизонта. – Так, ребя, вы слышали кельду. У нас мал-мал полчаса, чтоб его сбегать! Так мы драпс-драпс? – спросил он Тиффани.

– Э... да. Хорошо. Спасибо...

Они исчезли в долю секунды, словно сине-рыжий просверк.

И только Вильям Гоннагл чуть задержался. Он поклонился Тиффани и сказал:

– Ты неплохо спррравилась. Мы горррды тобой. И твоя бабушка бы горррдилась. Помни об этом. Есть те, кто любит тебя. – И тоже был таков.

Раздался стон – это зашевелился распростёртый на траве Роланд.

– Пи-пи-писклики фсё, – грустно сказал Винворт в наступившей тишине. – Ласкудлыть фсё.

– Кто это был? – спросил Роланд.

Он уселся и схватился за голову.

– Это довольно запутанно, – сказала Тиффани. – Э... много ты помнишь?

– Всё было как... во сне, – проговорил Роланд. – Я помню... море, и мы бежали, я расколол орех, и там оказалось полно этих человечков, и я охотился в бескрайнем лесу, где было много теней...

– Сны порой удивительные шутки шутят, – осторожно сказала Тиффани.

Она встала и подумала: нельзя сразу уходить отсюда. Не знаю, откуда я это знаю. Может быть, я знала и забыла. Но мне нужно дождаться чего-то...

– Сможешь сам спуститься в деревню? – спросила она.

– Да... наверное. Но что...

– Тогда захвати с собой Винворта, пожалуйста. Я бы хотела... немного передохнуть.

– Ты уверена? – Роланд обеспокоенно посмотрел на неё.

– Да. Недолго. Пожалуйста, а? Ферма ведь по дороге, ты мог бы зайти туда и передать его родителям. Скажи им, что я тоже скоро спущусь. И что со мной всё хорошо.

– Пи-пи-писклики, – сказал Винворт. – Ласкудлыть. Хотю бай.

Роланд всё сомневался.

– Иди уже! – прикрикнула Тиффани и замахала на него руками.

Когда мальчики, несколько раз оглянувшись, скрылись за бровкой холма, Тиффани села меж четырёх железных колёс и обняла колени.

Вдалеке виднелся курган Нак-мак-Фиглей. Она видела их всего несколько минут назад, а они уже казались далёким воспоминанием. Но они ушли, будто их никогда и не было.

Можно было бы пойти к кургану и поискать большую нору. Но что, если её там нет? Или есть, а внутри только кролики?

«Нет, всё правда, – твёрдо сказала себе Тиффани. – И это я тоже должна помнить».

В сером предрассветном небе закричал канюк. Она подняла глаза: птица кружила в первых лучах солнца, и вот от неё отделилась крошечная точка...

Высота была слишком велика, чтобы даже пикст смог выжить после такого падения.

Тиффани вскочила на ноги. Хэмиш камнем падал с неба. А потом... что-то раздулось над ним, он перестал падать и начал парить, невесомо, как семечко чертополоха.

Пузырь у него над головой был какой-то раздвоенный. И чем ниже этот пузырь опускался, тем более знакомым выглядел.

Хэмиш приземлился, и пара длинных, с розочками панталон Тиффани накрыла его.

– Здоровски было! – заявил он, барахтаясь в складках. – Всё, боле не надо балдой хлобыститься!

– Это были мои лучшие панталончики, – устало сказала Тиффани. – Ты стащил их, когда они сушились во дворе, да?

– Ах-ха, – кивнул он. – Я токо кружавчи чикс-чикс – мешались. Но я их схоронил, могёшь снова нашить. – И он ухмыльнулся ей широкой улыбкой пикста, которому в кои веки не пришлось воткнуться головой в землю.

Тиффани вздохнула. Кружева ей нравились. У неё было не так много красивого и бесполезного.

– Лучше оставь их себе, – сказала она.

– Лады, мои бу, – легко согласился он. – Дыкс про что я? А, во: жди гостьев. Я их над долиной засёк. Вон, зырь!

В небе появились ещё два тёмных силуэта, побольше канюков. Они летели так высоко, что их уже освещали лучи только-только показавшегося солнца. Тиффани смотрела, как они снижаются по спирали.

Люди на мётлах.

«Я знала! – подумала она. – Я знала, что надо подождать».

В ушах зачесалось. Она обернулась и увидела, что Хэмиш мчится по траве, вскинув руки. Канюк подхватил его и круто пошёл вверх. Интересно, задалась вопросом Тиффани, Хэмиш испугался? Или просто не хочет встречаться с теми, кто летит сюда?

Мётлы спускались. На той, что ниже, сидели двое. Когда они приземлились, Тиффани узнала мисс Тик – она сидела сзади, мёртвой хваткой вцепившись в приземистую фигурку, управлявшую помелом.

Мисс Тик не столько слезла, сколько сползла с метлы и поковыляла по траве к Тиффани.

– Ты не поверишь, что мне пришлось пережить, – сказала она. – Это был просто кошмар какой-то! Мы летели сквозь бурю! С тобой всё хорошо?

– Э... да.

– Что произошло?

Тиффани молча смотрела на неё. С чего прикажете начать ответ на такой вопрос?

– Королевы больше нет, – сказала она.

Кажется, эти слова вместили в себя самое главное.

– Что? Как это – больше нет? О... э... а эти дамы – госпожа Ягг и...

– Утречко доброе, – поздоровалась её соседка по метле, поправляя длинное чёрное платье. Процесс сопровождался чпоканьем тугих резинок. – Ветер там, наверху, куда только не задувает, скажу я тебе!

Она была маленькая и толстенная, с весёлым личиком, похожим

на лежалое яблочко. Когда она улыбалась, морщинки на нём двигались.

– А это, – продолжала мисс Тик, – мисс...

– Госпожа, – резко сказала вторая ведьма, слезая с метлы.

– Прошу прощения, госпожа Ветровоск, – поправилась мисс Тик. – Очень, очень могущественные ведьмы, – прошептала она Тиффани. – Мне повезло, что я нашла их. Там, в горах, ведьм уважают.

Тиффани впервые видела, чтобы мисс Тик нервничала, но госпожа Ветровоск, похоже, нагоняла на неё дрожь одним своим присутствием. Она была высокой... хотя нет, не такой уж и высокой, поняла Тиффани, просто она держала голову высоко и вообще держалась так, что казалась высокой, если нарочно не приглядываться. На ней, как и на её спутнице, было порядком поношенное чёрное платье. На её лице с резкими чертами ничего невозможно было прочесть, оно выдавало только, что его обладательница – дама почтенного возраста. Внимательные голубые глаза оглядели Тиффани с головы до ног.

– Хорошие у тебя башмаки, – сказала ведьма.

– Расскажи госпоже Ветровоск, что произошло... – начала было мисс Тик, но старшая ведьма вскинула руку, и мисс Тик мгновенно умолкла.

Это произвело ещё более глубокое впечатление на Тиффани.

Госпожа Ветровоск посмотрела в глаза Тиффани. Её взгляд пронзал насквозь и видел ещё на пять миль по ту сторону твоего затылка. Ведьма подошла к камням и повела рукой. Это было странное движение, вроде крутой волны, но рука ведьмы оставила в воздухе светящийся свет, который через мгновение растаял. Раздался звук, сложный аккорд, словно все звуки сложились в один, и резко оборвался.

– Табак «Весёлый капитан»? – спросила ведьма.

– Да, – сказала Тиффани.

Ведьма повела рукой снова, и снова раздался режущий ухо составной звук. Госпожа Ветровоск повернулась и посмотрела на далёкий бугорок – курган пикстов.

– Нак-мак-Фигли? Кельда? – резко спросила она.

– Э... да. Временно, – ответила Тиффани.

– Хмпф! – фыркнула госпожа Ветровоск.

Взмах. Звук.

– Сковородка?!

– Да. Только она потерялась.

– Хмм...

Взмах. Звук. Она словно извлекала прошлое из воздуха.

– Полные вёдра?

– Они ещё и ящик для дров наполнили.

Взмах. Звук.

– Ясно. Особая овечья притирка?

– Да. Отец говорит, от неё...

Взмах. Звук.

– А. Снежная страна.

Взмах. Звук.

– Королева.

Взмах. Звук.

– Битва.

Взмах. Звук.

– На море?

Взмах, звук, взмах, звук...

Госпожа Ветровоск разглядывала в воздухе картины, которые видела она одна. Госпожа Ягг плюхнулась на землю рядом с Тиффани, коротенькие ножки аж мелькнули в воздухе.

– Пробовала я «Весёлого капитана». Пахнет прямо как ногти на ногах, а?

– Да, точно! – с благодарностью подхватила Тиффани.

– А разве, чтобы стать кельдой Нак-мак-Фиглей, не надо выйти за одного из них замуж? – невинно спросила госпожа Ягг.

– Э... да, но я нашла способ, как это обойти.

Тиффани рассказала. Госпожа Ягг посмеялась. Это был такой компанейский смех – смех, от которого на душе становится легче.

Звуки и вспышки прекратились. Госпожа Ветровоск мгновение смотрела в никуда, потом сказала:

– В конце концов ты одолела Королеву. Но, думаю, тебе помогли.

– Да, мне помогли, – признала Тиффани.

– И это был?..

– Я же не лезу в ваши дела, – ответила Тиффани прежде, чем поняла, что она такое говорит.

Мисс Тик ахнула. Госпожа Ягг переводила взгляд с Тиффани на госпожу Ветровоск и обратно, словно смотрела теннисный матч. В глазах её плясали искорки.

– Тиффани, госпожа Ветровоск – самая прославленная ведьма на всём... – осуждающе начала мисс Тик, но старшая ведьма снова остановила её движением руки.

«Мне тоже нужно этому научиться», – решила Тиффани.

И тогда госпожа Ветровоск сняла свою остроконечную шляпу

и поклонилась Тиффани.

– Хороший ответ, – проговорила она, выпрямившись и посмотрев Тиффани прямо в глаза. – У меня не было права спрашивать тебя. Это твоя земля, мы здесь только с твоего дозволения. Я выражаю тебе моё почтение, покуда ты в ответ проявляешь уважение ко мне.

На миг показалось, будто воздух стал ледяным и небо потемнело. Потом госпожа Ветровоск продолжила, словно мгновения бури и не было:

– Кстати, я хотела бы узнать побольше об этих существах, которые будто из теста сделаны. А твоя бабушка, похоже, была из тех людей, с кем я не прочь была бы познакомиться. – Она выпрямилась во весь рост. – Тем временем посмотрим, осталось ли что-то, чему мы можем тебя научить.

– И теперь я наконец узнаю, где искать школу ведьм? – спросила Тиффани.

Повисло молчание.

– Школу ведьм? – переспросила госпожа Ветровоск.

– Э... – сказала мисс Тик.

– Вы говорили метафорически, да? – спросила Тиффани.

– Метафорически? – госпожа Ягг наморщила лоб.

– Она хотела сказать «метафорически», – пробормотала мисс Тик.

– Это как сказки, – проговорила Тиффани. – Ничего. Я всё поняла. Это всё и есть школа, верно? Волшебное место. Весь мир. Эта земля. И ты не понимаешь этого, пока не приглядишься. А вы знаете, что пиксты думают, будто наш мир – это рай? Мы просто неправильно смотрим. Ведьмовству нельзя научить на уроках. Во всяком случае, на обычных уроках. Наверное, всё дело в том, как ты... остаёшься собой.

– Хорошо сказано, – похвалила госпожа Ветровоск. – Соображаешь. Но есть ещё и магия. С ней обращаться ты быстро научишься. Тут большого ума не надо, иначе волшебники нипочём бы не справились.

– И ещё тебе понадобится работа, – сказала госпожа Ягг. – Ведьмовством не зарабатывают на жизнь. Нельзя творить волшебство за деньги, понимаешь? Железное правило.

– Мне хорошо удаются сыры, – сказала Тиффани.

– Сыры, а? – сказала госпожа Ветровоск. – Хм... Да. Сыры – это хорошо. Но умеешь ли ты лечить людей? Помогать при родах? Повивальное дело – ремесло нужное, и освоить его нетрудно.

– Ну, я помогала овцам, которые трудно ягнились. И я видела, как появился на свет мой брат. Никто не позаботился меня прогнать. Помоему, ничего особо сложного. Но мне больше нравятся сыры – и делать

легче, и шуму меньше.

– Сыры – это хорошо, – повторила госпожа Ветровоск, кивнув. – Сыр – он живой.

– Но в чём состоят ваши обязанности *на самом деле*? – спросила Тиффани.

Худая ведьма помолчала немного, прежде чем ответить:

– Мы присматриваем за тем, что происходит... на границе, на грани. Границ много, гораздо больше, чем думают люди. Между жизнью и смертью, этим миром и соседним, ночью и днём, правильным и неправильным... И их нужно охранять. Вот мы их и стережём. Мы храним суть вещей. И никогда не просим о награде. Это важно.

– Ну, то есть люди дают нам всякое. Люди бывают очень добры к ведьмам, – жизнерадостно вставила госпожа Ягг. – Когда в нашей деревне пекут хлеб, мне от булочек проходу нет. Есть множество способов ни о чём не просить, если ты меня понимаешь. Людям нравится, когда ведьмы довольны.

– Но тут, внизу, люди думают, что ведьмы – злые! – воскликнула Тиффани.

А её Задний Ум подсказал: «Помнишь, как редко матушке Болен приходилось покупать табак?»

– С ума можно сойти, к чему можно приучить людей, – сказала госпожа Ягг. – Главное, начать с малого и двигаться понемногу.

– А нам надо поторопиться, – сказала госпожа Ветровоск. – Со стороны фермы кто-то едет верхом. Густые волосы, красное лицо...

– Наверное, это отец! – воскликнула Тиффани.

– Он гонит бедную лошадь галопом, – сказала госпожа Ветровоск. – Ладно, тогда быстро. Ты хочешь учиться? Когда ты сможешь уехать из дома?

– Простите?

– Разве у вас девочки не покидают отчий дом, чтобы поработать горничными или ещё кем? – спросила госпожа Ягг.

– Ах да. Но мне для этого ещё лет мало.

– Хорошо. Тогда когда ты станешь чуть старше, чем сейчас, мисс Тик найдёт тебя, – сказала госпожа Ветровоск.

Мисс Тик кивнула.

– В горах есть престарелые ведьмы, которые с радостью поделятся с тобой тем, что умеют, в обмен на небольшую помощь по хозяйству, – продолжала госпожа Ветровоск. – Пока тебя не будет, за твоей землёй присмотрят, не беспокойся. А у тебя будет еда трижды в день, собственная

кровать, возможность пользоваться метлой... Так у нас заведено. Согласна?

– Да, – счастливо улыбнулась Тиффани. Чудесные минуты были уже на исходе, а у неё ещё осталось столько вопросов... – Да! Но, э...

– Да? – спросила госпожа Ягг.

– Мне же не нужно будет плясать голышом и всё такое? – спросила Тиффани. – Просто ходят слухи...

Госпожа Ветровоск закатила глаза. Госпожа Ягг ответила с весёлой усмешкой:

– Ну, в самой процедуре есть кое-какая польза...

– Нет, не нужно! – отрезала госпожа Ветровоск. – Никаких пряничных домиков, никакого хихиканья с побрякиванием, никаких плясок!

– Если только тебе самой не захочется. – Госпожа Ягг встала. – Нет ничего плохого в том, чтобы разок-другой хихикнуть под настроение. Я бы показала тебе, как это делается, но нам правда уже пора.

– Но... но как тебе удалось? – обратилась мисс Тик к Тиффани. – Это же Меловые холмы! Невозможно стать ведьмой на земле, которая состоит из мела! Как?..

– Много ты понимаешь, Констанция Тик, – сказала госпожа Ветровоск. – Кости холмов – из кремня. Он твёрдый и острый, и толку от него много. Король среди камней. – Она подхватила помело и снова повернулась к Тиффани: – Думаешь, у тебя будут неприятности? Хочешь, мы поможем?

– Я справлюсь сама, это ведь мои неприятности, – ответила Тиффани.

Ей хотелось закричать: «Да, да! Пожалуйста, мне бы очень пригодилась помощь! Я представить себе не могу, что будет, когда отец сюда доберётся! И барон наверняка будет очень зол!» Но она сказала себе: «Нельзя, чтобы они думали, будто я не могу справиться сама! Я должна быть сильной!»

– Верно, – сказала госпожа Ветровоск.

Тиффани задумалась: «Может, она читает мысли?»

– Мысли? Нет, – сказала ведьма, оседлав метлу. – Я читаю по лицам. Подойди сюда, девочка.

Тиффани послушно подошла.

– Знай, что наше ремесло, – сказала ведьма, – устроено совсем не так, как школа. Тут ты сначала проходишь испытание – сдаёшь экзамен, если угодно, – а потом долгие годы пытаешься разобраться, как ты это сделала. В этом ведьмовство похоже на жизнь. – Она взяла Тиффани за подбородок и чуть приподняла, чтобы заглянуть ей в лицо. – Вижу, ты открывала глаза.

– Да, – сказала Тиффани.

– Хорошо. Многие люди за всю жизнь ни разу их не открывали. Но всё равно впереди тебя ждут не самые лёгкие времена. Тебе пригодится вот это.

Она описала рукой небольшой круг возле головы Тиффани, потом подняла руку выше, очерчивая что-то указательным пальцем.

Тиффани подняла руки к голове. Сначала ей показалось, что там ничего нет, но потом она почувствовала... нечто. Оно не было плотным, просто воздух, только чуть-чуть особенный. Если не знать, что там что-то есть, пальцы пройдут насквозь.

– Оно настоящее? – спросила Тиффани.

– Кто знает? – пожала плечами госпожа Ветровоск. – Это умозрительная остроконечная шляпа. Никто, кроме тебя, не будет знать, что ты её носишь. Возможно, так тебе будет легче.

– То есть она существует только у меня в голове? – уточнила Тиффани.

– В твоей голове всего навалом. И не важно, что оно не настоящее. Лучше не задавай мне лишних вопросов.

– А что случилось с жабом? – спросила мисс Тик, которая всегда задавала вопросы, лишние они там или не лишние.

– Он теперь живёт с маленьким свободным народцем, – сказала Тиффани. – Он вспомнил, что раньше был адвокатом.

– Ты дала клану Нак-мак-Фиглей своего адвоката? – переспросила госпожа Ягг. – Ну, теперь весь мир содрогнётся. Впрочем, я всегда говорила, что время от времени полезно устраивать ему встряску.

– Поспешим же, сёстры, мы должны покинуть это место, – сказала мисс Тик, устраиваясь на метле у неё за спиной.

– И вовсе ни к чему так выражаться, – сказала госпожа Ягг. – Будто в театрах каких. Счастливо, Тифф. Ещё увидимся.

Её помело плавно поднялось в воздух. А вот метла госпожи Ветровоск сначала издала чпоканье, совсем как складная шляпа мисс Тик, потом закашлялась: дрынндыдындыдын...

Госпожа Ветровоск вздохнула:

– Ох уж эти гномы. Говорили ведь, что всё починили, и у них в мастерской она и правда завелась с первого раза...

Раздался стук копыт, всадник был уже очень близко. С удивительной резвостью госпожа Ветровоск спрыгнула с метлы, крепко схватила её двумя руками и побежала по траве. Её чёрные юбки заполоскались на ветру.

Ведьма была уже пятнышком вдали, когда из-за бровки показался отец Тиффани на одной из лошадей с фермы. Он так торопился, что даже

не надел ей кожаные чехлы на ноги, и подкованные копыта вырывали большие, размером с суповую тарелку (где-то дюймов семь шириной – Тиффани на этот раз не измерила), куски дёрна.

Когда он спрыгнул с лошади, вдалеке раздалось «дрынндыдындыдын».

К удивлению Тиффани, отец плакал и смеялся одновременно.

Всё было как во сне.

Тиффани обнаружила, что это очень удобная отговорка. Я не помню, всё было как во сне. Всё было как во сне, не знаю точно.

Зато барон, который был совершенно счастлив, всё точно знал. Всё просто как день: эта... эта так называемая Королева воровала детей, но Роланд одолел её в бою, да ещё и этим малышам помог вернуться домой.

Мама отправила Тиффани спать, хотя за окном было совсем светло. Тиффани была не против. Она устала и парила под одеялом в том чудном розовом мире, что скрывается между сном и явью.

Она слышала, как внизу барон разговаривает с отцом. Как они пытаются понять, что произошло, и от их стараний сплетается история. Девочка, конечно, очень храбрая (говорил барон), но ей же всего девять, верно? И она даже с мечом обращаться не умеет. А у Роланда в школе были уроки фехтования...

И так далее. Позже, когда барон ушёл, родители говорили между собой – Тиффани наверху по-прежнему всё слышала. О том, что Крысодав теперь живёт на крыше, например.

Тиффани лежала в постели, ощущая запах притирки, которой мама обработала ей виски. Должно быть, тебя ударили по голове, сказала мама, ты всё время за неё хватаешься.

Выходит... краснолицый Роланд – герой, да? А она, Тиффани, в этой истории – ни дать ни взять та глупая принцесса, которая сломала ножку и всё время хлопалась в обморок. Это нечестно!

Тиффани протянула руку к столику у кровати, куда она положила невидимую шляпу. Мама потом поставила на то же самое место чашку бульона, но шляпа никуда не исчезла. Пальцы Тиффани ощутили шероховатость полей.

Мы никогда не просим о награде, подумала она. Кроме того, это ведь был её секрет. Никто не должен знать о маленьком свободном народце. Конечно, Винворт некоторое время носился по дому, обмотавшись скатертью вокруг пояса и крича: «Пи-пи-писклики! Ща кыкс жмякнутя ты

в башмак!»), но господин Болен так радовался возвращению сына и был так счастлив, что сын в кои веки говорит о чём-то кроме сладостей, что на первых порах не прислушивался к тому, что именно говорит малыш.

Нет, рассказывать никому нельзя. Во-первых, никто не поверит. Во-вторых, если люди всё-таки поверят, то отправятся наверх и станут шарить вокруг кургана пикстов. А это недопустимо.

Как бы поступила матушка Болен?

Матушка Болен ничего бы не сказала. Она часто ничего не говорила. Просто улыбалась про себя, попыхивая трубочкой и выжидая, когда придёт время...

Тиффани улыбнулась про себя.

Она уснула, и сны ей не снились. День миновал.

И ещё один день.

На третий день шёл дождь. Пока все были заняты и никто не мог её видеть, Тиффани сняла с полки на кухне фарфоровую пастушку, положила в мешок и побежала на верхние пастбища.

Самые грозные тучи обходили Меловые холмы стороной – холмы рассекали их надвое, словно нос корабля. Но всё равно к тому времени, когда Тиффани добралась до места, где торчали из земли четыре железных колеса и пузатая печка, уже основательно лило. Она вырезала квадратный кусок дёрна, аккуратно выдолбила ямку в меле, уложила пастушку туда и вернула дёрн на место. Под таким дождём трава, может быть, приживётся. Тиффани казалось, что сделать это было необходимо. И она готова была поклясться, что рядом на миг запахло «Весёлым капитаном».

Потом она отправилась к кургану пикстов. Она ведь знала, что они там, верно? И ходить проверять, правда ли они живут в кургане... ну, это ведь значило бы, будто она не уверена, да? А у них и так забот хватает. Им надо было помянуть старую кельду. И вообще. Дел по горло. Так она убеждала себя. Она до сих пор не ходила к ним вовсе не потому, что боялась обнаружить в норе только кроликов. Совершенно не потому.

Она была кельда. А кельда в ответе за клан.

Из норы доносились голоса. И музыка. Всё стихло, когда Тиффани заглянула в лаз, пытаясь что-то разглядеть в полумраке. Она осторожно вытащила из мешка бутылку особой овечьей притирки и дала ей соскользнуть в нору.

Тиффани пошла прочь, и еле слышная музыка заиграла снова.

В небе, держась ниже облаков, лениво кружил канюк. Тиффани

помахала ему, и, кажется, маленькая фигурка на спине птицы махнула ей в ответ.

На четвёртый день Тиффани сбивала масло и хлопотала по дому. Но не одна.

– А теперь пойдёшь накорми цыплят, – сказала она Винворту. – Что ты должен сделать?

– Наколмать цыпа-цыпа.

– Цыплят, – строго поправила Тиффани.

– Цыплят, – послушно повторил Винворт.

– И вытри нос... да не рукавом! Я же дала тебе платок. А когда будешь идти обратно, давай посмотрим, сможешь ли ты донести целое полено, хорошо?

– О, ласкудлыть, – пробормотал Винворт.

– А какое слово мы не говорим?

– Ласкудлыть.

– Особенно при...

– Маме.

– Умница. А потом я закончу, и у нас останется время прогуляться к реке.

Винворт просиял:

– Пи-пи-писклики?

Тиффани помедлила с ответом. Она не видела ни одного пикста с тех пор, как вернулась домой.

– Не знаю, может быть, – сказала она. – Но у них, наверное, очень много дел. Надо найти новую кельду, и... Ну, в общем, много дел. Я так думаю.

– Пи-пи-писклики глят: а ну кыкс по балде, ложка селёдожья, – сообщил Винворт.

– Посмотрим. А теперь иди покорми цыплят. И собери яйца.

Когда Винворт уковылял к курятнику, держа обеими руками корзинку для яиц, Тиффани выложила на мраморную доску немного масла и взяла деревянные лопаточки, чтобы придать ему форму... ну, масла. Когда всё будет готово, она поставит сверху отпечаток деревянным штампиком. Людям нравится, когда на куске масла красуется маленькая картинка.

Тиффани почувствовала, что в дверях кто-то стоит, и обернулась.

Это был Роланд.

Он смотрел на неё, и лицо его было краснее обычного. Свою очень дорогую шляпу он нервно крутил в руках, совсем как Явор Заядло вертел

шлем.

– Да? – сказала Тиффани.

– Послушай, всё это... ну, насчёт того... – начал Роланд.

– Да?

– Слушай, я не... я не привирал, ничего такого, – выпалил он. – Но отец вроде как вбил себе в голову, что я герой, и теперь другого и слышать не хочет. А я говорил ему, как... как...

– Как я помогла тебе всех спасти? – подсказала Тиффани.

– Да! То есть нет! Он говорит... говорит... говорит, тебе повезло, что я оказался там. Он говорит...

– Это не важно, – сказала Тиффани, снова взяв лопатки для масла.

– И рассказывает всем подряд, как храбро я себя вёл, и...

– Я же сказала, это не важно.

Лопатки принялись похлопывать по свежему маслу: *шлёпашлёпашлёп*.

Роланд умолк и застыл с открытым ртом.

– Хочешь сказать, тебе всё равно? – выдавил он наконец.

– Да. Всё равно, – сказала Тиффани.

– Но ведь так нечестно!

– Только мы с тобой и знаем, как было на самом деле.

Шлёпашлёпашлёп...

Она спокойно придавала форму куску жирного масла. Роланд смотрел на неё во все глаза.

– О, – сказал он. – Ты же никому не расскажешь, правда? То есть у тебя есть на это полное право, но...

Шлёпашлёпашлёп...

– Никто мне не поверит, – сказала Тиффани.

– Я пытался, – проговорил Роланд. – Честно. Как мог.

«Ну, конечно, ты пытался, – подумала Тиффани. – Но ума у тебя немного, а барон уж точно не умеет видеть истину с Первого Взгляда. Он предпочитает видеть мир таким, каким ему хочется».

– Однажды ты сам станешь бароном, верно? – сказала она.

– Ну, как бы да. Когда-нибудь. Но слушай, а ты правда ведьма?

– И когда это время придёт, ты будешь хорошим бароном, надеюсь? – продолжала Тиффани, вращая масло. – Честным, щедрым и порядочным? Будешь хорошо платить людям за работу, заботиться о стариках и не допустишь, чтобы бедную пожилую женщину вышвырнули из собственного дома?

– Слушай, я надеюсь, я...

Тиффани повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза, держа

в каждой руке по лопатке:

– Я ведь буду рядом, понимаешь? И буду приглядывать за тобой. Я буду где-то в задних рядах толпы. Всегда. И буду присматривать за всем, потому что много поколений Боленов жили здесь и это моя земля. А ты можешь быть для нас бароном, я не против. Только будь хорошим бароном, а то пожалеешь.

– Слушай, ты, конечно... конечно...

– Очень помогла тебе?

– Но ты не смеешь так разговаривать со мной!

И тут Тиффани совершенно ясно услышала, как под крышей кто-то тихо-тихо произнёс: «Раскудрить, вот ведь мал-мал соплюх!»

Она закрыла глаза, сердце бешено колотилось. Потом указала лопаткой на пустое ведро для воды:

– Ведро! Наполнись!

Ведро расплылось от скорости, булькнуло. Вода плеснула через край.

Роланд ошалело уставился на него.

Тиффани улыбнулась ему так любезно, как только могла. Её любезная улыбка при желании выглядела довольно устрашающе.

– Ты ведь никому не расскажешь?

– Никто мне не поверит, – заикаясь, ответил он.

– О да, – кивнула Тиффани. – Мы поняли друг друга. Вот и славно, правда? А теперь, если не возражаешь, я бы хотела закончить здесь и заняться сыром.

– Сыром? Но ты... ты могла бы делать всё, что захочешь! – выпалил Роланд.

– А сейчас я хочу сделать сыр, – спокойно ответила Тиффани. – Уходи.

– Эта ферма принадлежит моему отцу! – брякнул Роланд и, похоже, только потом понял, что брякнул он это вслух.

Раздались два негромких, но очень выразительных постукивания – это Тиффани положила лопатки и повернулась к Роланду.

– Очень отважно с твоей стороны было сказать такое, – проговорила она. – Но, наверное, теперь, немного подумав, ты уже жалеешь, что сказал это, да?

Роланд стоял зажмурившись. Он только кивнул.

– Хорошо, – сказала Тиффани. – Сегодня я делаю сыр. Завтра, может быть, займусь чем-то другим. На какое-то время, возможно, я уеду, и ты станешь гадать: «Где она?» Но часть меня всегда будет здесь, я буду постоянно держать эту землю в своих мыслях, постоянно приглядывать за ней. И однажды вернусь. А теперь уходи!

Он повернулся и бегом кинулся прочь.

Тиффани дождалась, когда топот Роланда затих вдали, и окликнула:

– Ну ладно, кто здесь?

– Эт' я, хозяйка. Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок, хозяйка. – Пикст показался из-за ведра и добавил: – Явор Заядло велел приглянуть за тобой покамест. И сказать тебе спасибо за предложение.

«Волшебство не перестаёт быть волшебством оттого, что ты теперь знаешь, как оно было сотворено», – подумала Тиффани.

– Можешь смотреть, но только в молочне, – сказала Тиффани. – Не смей шпионить за мной.

– Ни-ни, хозяйка, – поспешно ответил Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок. Потом ухмыльнулся: – Фиона будет кельдой Медной горы. Она зовёт меня с собой тамошним гоннаглом.

– Поздравляю!

– Ах-ха, и Вильям грит, я буду отличным гоннаглом, надо тока с визжалью больше рыпытировать. И... э...

– Да? – сказала Тиффани.

– Э... ну, Хэмиш грит, девчонка из клана Долгого озера ща подыскивает себе клан, чтобы стать кельдой. Гм... Она из хорошего клана, и... – От смущения Фигль сделался фиолетовым.

– Замечательно, – сказала Тиффани. – На месте Явора Заядло я бы немедленно послала за ней.

– Так ты не против? – не веря в такое счастье, переспросил Не-так-громозд-как-средний-Джок-но-погромоздей-чем-мал-Джок Джок.

– Вовсе нет, – сказала она.

На самом деле где-то в глубине души что-то в Тиффани сопротивлялось такому решению, но она вполне могла подавить этот протест и засунуть в дальний уголок памяти.

– Здорово! – воскликнул Фигль. – А то ребята малость волновались. Тады я побегу, скажу им! – Он понизил голос: – А хошь, я сперва сбегаю за тем жирным верзунчиком и пригляну, чтоб он ишшо разок свалился с лошади?

– Нет! – выпалила Тиффани. – Нет. Не надо. Нет. Я сама с ним разберусь. – Она улыбнулась. – Я сама со всем разберусь.

Оставшись одна, она снова занялась маслом...

Шлёпашлёпашлёп...

Прервавшись, Тиффани отложила лопатки и кончиком чисто-начисто отмытого пальца нарисовала на верхней поверхности куска тонкую

изогнутую линию, а потом ещё одну, пониже, чуть касающуюся верхней. Вместе получилась волна. Она добавила третью, ровную линию в самом низу – Мел.

Земля под волной...

Она стёрла рисунок и взяла деревянный штампик. Тиффани сделала его вчера из яблоневого дерева, которую ей дал господин Чурбакс, плотник.

Она прижала штампик к маслу и аккуратно убрала.

На жирной жёлтой поверхности отпечатались рисунок: прибывающая луна, а на её фоне – ведьма на метле.

Тиффани снова улыбнулась – улыбкой матушки Болен. Однажды всё изменится.

Но начинать нужно с малого.

Потом она занялась сыром...

...В молочне, на ферме среди холмов, которые плавно переходят в равнины, среди лугов, где овцы щиплют невысокую травку, словно белые облака, медленно плывущие над зелёным морем, а там и тут, словно кометы, проносятся овчарки. В огромном и бескрайнем мире холмов, что был, есть и будет ^[27].

От автора

Картина, в которой Тиффани очутилась, существует на самом деле. Её написал Ричард Дадд, она называется «Мастерский замах сказочного дровосека» и висит в лондонской галерее Тейт. Полотно небольшое, примерно двадцать один дюйм в ширину и пятнадцать в высоту. Художник написал его в середине девятнадцатого века и потратил на это девять лет. Я не знаю более известной картины с изображением фейри, или эльфов. Она действительно странная. Так и пышет летним зноем.

Если спросить у людей о Ричарде Дадде, они ответят: «Он сошёл с ума, убил своего отца, остаток жизни провёл в сумасшедшем доме и нарисовал странную картину». В общих чертах это так и есть, но ужасно, что жизнь талантливого и умелого художника, страдавшего серьёзным психическим заболеванием, свелась в итоге к этим нескольким словам.

На картине нет Фиглей, но ведь могло случиться так, что один был и его пришлось закрасить из-за неприличного жеста. У них все жесты неприличные.

Ах да, и обычай вкладывать в гроб пастуха клочок необработанной шерсти тоже существовал на самом деле. Даже боги понимают, что пастух должен заботиться об овцах. В богов, которые этого не понимают, и верить не стоит.

Словосочетание «подсолнечный свет» я выдумал, но оно того заслуживает.

---

notes

СНОСКИ

Люди говорят: «Послушай, что говорит твоё сердце». Ведьмы умеют прислушиваться и к другим органам. Просто поразительно, что могут рассказать, скажем, почки. *(Примеч. автора)*

В отличие от обычных гадалок, которые говорят вам то, что вам хочется услышать, ведьмы говорят, что ждёт вас в будущем, не важно, нравится вам такая судьба или нет. И хотя предсказания ведьм намного точнее, как ни странно, они пользуются куда меньшим успехом. (*Примеч. автора*)

3

1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (*Примеч. ред.*)

Ярд – принятая в англоязычных странах единица измерения расстояния. Один ярд равен примерно 0,9 метра. *(Примеч. ред.)*

Многие слова, которые Тиффани вычитала в словаре, ей никогда не приходилось слышать, так что она понятия не имела, как они произносятся. (*Примеч. автора*)

Миля равна 1609 м, т. е. Тиффани предстояло пройти меньше 800 метров. *(Примеч. ред.)*

Фунт равен примерно 4,45 кг; унция равна приблизительно 28 граммам. (*Примеч. ред.*)

Фут равен примерно 0,3 метра. (*Примеч. ред.*)

Килт Хэмиша, соответственно, задрался ему на голову – зрелище, которое невозможно описать словами, так что не будем и пытаться. *(Примеч. автора)*

Комментарии

...в последнее время ей стало казаться, что с таким именем, как Тиффани, ей придётся нелегко в жизни.

Тиффани – у англоязычного (и не только) читателя имя «Тиффани» немедленно вызывает ассоциацию с миром роскоши и бриллиантов, с блеском, богатством и пышностью благодаря ювелирной компании «Tiffany» (хотя, как это часто бывает у Т. Пратчетта, с Плоским миром эта ассоциация никак не связана). Основанная ещё в 1837 году, сегодня «Tiffany» позиционирует свои изделия как атрибут принадлежности к высшим кругам, символ вкуса и стиля. Восприятию «Tiffany» в таком ключе немало поспособствовал культовый фильм «Завтрак у Тиффани» (1961), съёмки которого проходили на Манхэттене, на углу Пятой авеню и 57-й улицы, где находится старейший магазин компании. Может показаться, что имя, вызывающее подобные ассоциации, плохо подходит деревенской девочке и будущей ведьме.

Эти края люди называют Меловыми холмами.

Меловые холмы (the Chalk, Chalk country) – эта область Плоского мира, страна Тиффани, в точности списана Терри Пратчеттом с реально существующих Беркширских меловых холмов – возвышенности в Юго-Восточной Англии, на территории Оксфордшира, Хартфордшира, Бедфордшира и Бакингемшира. Эти вытянутые гряды с несимметричными (пологим и крутым) склонами разделены поперечными долинами. Система меловых холмов, частью которой являются и Беркширские, образовалась более 65 миллионов лет назад во время Мелового периода, на дне надматерикового моря, в самом деле простиравшегося на большей части Северо-Западной Европы. Здешняя горная порода состоит из микроскопических остатков раковин планктона, жившего в море; отсюда ее белый цвет. Бродячий учитель был совершенно прав, рассказывая маленькой Тиффани о том, что «миллионы лет назад в здешних краях было море, и мел – это остатки крохотных раковин моллюсков». В мелу действительно встречается много окаменелостей. Меловые пласты перемежаются вкраплениями поясов кремния: кремнь в Беркширских холмах добывали испокон веков; ещё во времена неолита из него мастерили кремневые топоры. «Кости холмов – из кремня», – объясняет прочим ведьмам госпожа Ветровоск. Родные края Тиффани изобилуют характерно оксфордширскими деталями пейзажа: это и поля на склонах, поросшие «крохотными резными цветочками вроде примул и колокольчиков», где пасутся овцы, это и каверны в известняке, и «могильные курганы, похожие на зелёные фурункулы», и меловые фигуры на холмах, и одиноко стоящие камни – менгиры, и мегалитические сооружения. Самая узнаваемая достопримечательность Оксфордшира в пратчеттовских Меловых холмах – это Белая Лошадь, двойник Уффингтонской Белой Лошади, о ней пойдёт речь в следующих романах; но на страницах этой книги встретятся и другие: Курганный холм и Старая Кузня. Всё это – существующие на самом деле места и исторические памятники английского Оксфордшира и соседних с ним графств. В краю меловых холмов, в деревушке Брод-Чок (*Broad Chalke*, дословно – «обширный мел»), в Уилтшире, неподалёку от Солсбери, жил и сам автор, Терри Пратчетт: страна Тиффани – это и его страна.

Нак-мак-Фигли (The Nac Mac Feegle), они же пиксты и маленький свободный народец, – остроумная пародия на викторианских феечек (вместо изысканных и прелестных крылатых созданий – фейри, более близкие к их фольклорным собратьям, воришки, пьяницы и драчуны, от которых того и жди какой-нибудь каверзы), а также пародия на шотландцев и пиктов. Нак-мак-Фигли воплотили в себе все стереотипные черты шотландского характера и шотландской внешности, доведённые до гротеска: они невелики ростом, у них ярко-рыжие всклокоченные волосы и бороды; они щеголяют в килтах и пляшут традиционные шотландские танцы – рилы, их любимое времяпрепровождение – «Тыркс, дракс, пойло жракс»: они воруют скот, равно как и всё, что плохо лежит, обожают драки и горячительные напитки (причём особенно ценят «особую овечью притирку» – виски домашнего приготовления); страх им неведом, а лбы настолько крепкие, что ударом головы они способны свалить лошадь. Их язык представляет собою причудливую смесь шотландского диалекта английского языка (словечки вроде *crivens!* – в русском переводе «раскудрить!») и элементов ирландского и шотландского гэльского языков (так, заимствованием из кельтских языков являются их числительные, «йан-тан-тетра»). Имя «Тиффани» кельда истолковывает как «Тир-вар-фойн» (*Tir-far-thóinn*), что значит «Земля под волной», – что тоже представляет собою заимствование из гэльского языка. Вильям Гоннагл, представитель клана, живущего в высокогорном краю, где растёт вереск (узнаваемое Северное шотландское нагорье, «Хайленды»), говорит с более мягким, характерным акцентом шотландских горцев. Фигли превосходные воины – «даже тролли бегут без оглядки, если им встретится маленький свободный народец». Недаром же они носят столь громкое имя: «Мак-Фигль» на языке шотландцев означает «сын Фигля», где Фигль – искажённый вариант имени «Фингал», или «Финн Маккул» (*Fionn Mac Cumhaill*) – так звали легендарного воина, мудреца и провидца, героя кельтских мифов III в. н. э.

...тоненькая книжица под названием «Цветы холмов».

Такая книга действительно существует: Т. Пратчетт утверждал, что у него есть собственный экземпляр старой книжицы под названием «Дикие цветы меловых холмов» (*Wild Flowers of the Chalk*): её автор – Джон Скотт Леннокс Гилмор, год издания – 1947.

Дженни Зелёные Зубы (Jenny Green-Teeth) – крайне неприятная представительница английского фольклора: живёт в реках и озёрах, предпочитает стоячую воду, подстерегает оставленных без присмотра детишек, утаскивает их под воду и топит. Водится главным образом в северо-западных английских графствах, особенно в Ланкашире, а также в Чешире и в Шропшире, но иногда заглядывает и в другие области. Если озеро или пруд подёрнулись ряской – наверняка под ней затаилась Дженни. У неё (если верить легенде) бледно-зелёная кожа, длинные, зелёные, похожие на водоросли волосы, длинные мускулистые руки, длинные цепкие пальцы и да, длинные и очень острые зубы. Катарин Бриггс в своём «Словаре фейри» классифицирует Дженни как «страшилку для детей», то есть как одно из тех сверхъестественных существ, которых придумали взрослые специально для того, чтобы отпугнуть детей от опасных мест. До сих пор на северо-западе Англии взрослые предостерегают непослушных малышей: «Смотри, Дженни тебя сцапает!» Как и многие другие английские фейри, Дженни не терпит холодного железа: именно поэтому Тиффани удалось справиться с ней с помощью сковородки. Близкий родственник Дженни – йоркширский зелёный водяной демон гриндилоу, наверняка уже знакомый вам по книгам о Гарри Поттере.

«Йан, тан, тетра» (*Yan Tan Tethera*) – рифмованная система счёта овец, которой традиционно пользовались пастухи в Северной Англии (особенно в долинах Озёрного края), а в старину – и в других областях Англии и Британских островов. Со времён Средневековья пастухам приходилось постоянно вести точный «счёт по головам», чтобы ни одна овца не потерялась: ведь фермы облагались налогом согласно количеству овец. Их пересчитывали постоянно: это первое, что пастухи проделывали утром, и последнее, чем заканчивали день; подсчёт проводился, когда овец перегоняли с одного пастбища на другое, после каждой стрижки, обрезки копыт и т. д. Этой же системой пользовались для подсчёта петель в вязании.

Эти числительные являются заимствованиями из бриттских языков (учитывая, в какой искажённой форме они сохранились, невозможно сказать в точности, из какого именно). Система была двадцатеричная (от одного до двадцати; досчитав до двадцати, пастух делал пометку на земле и начинал сначала), и хотя к началу XX века большинство этих числительных вышли из употребления, некоторые используются и по сей день. Система слегка варьировалась в зависимости от региона: *Yan Tan Tethera Pethera... Figgot* в Линкольншире и долинах Дербишира, *Yain Tain Eddero Pederro... Jiggit* в Дербишире, *Yahn Tayn Tether Mether... Jigif* на юго-западе Англии и т. д. В мире Пратчетта эту систему счёта старики используют для подсчёта «самого важного»: овец и внуков. Ею же пользуются и Нак-мак-Фигли.

Обзавестись хорошей шляпой нелегко, особенно такой, которая защитит, если тебе на голову свалится фургон или фермерский дом.

Отсылка к известному роману Л. Ф. Баума «Волшебник из страны Оз» (в русском пересказе А. Волкова – «Волшебник Изумрудного города»). Сказка начинается с того, что американская девочка Дороти попадает в Оз по воздуху: ураган поднимает фермерский домик вместе с Дороти, переносит его в Страну Жевунов; рухнув на землю, домик убивает злую правительницу Жевунов, Ведьму Востока (в русском пересказе домик с девочкой Элли обрушивается на злую Гингему, с тем же исходом).

А вот нянюшке Ягг повезло больше – в книге Т. Пратчетта «Ведьмы за границей» на неё тоже упал фермерский домик, но благодаря отлично сделанной шляпе с прочной ивовой арматурой нянюшка практически не пострадала.

Дорога домой шла через Курганный холм...

Курганный холм (Arken Hill) – ещё одна узнаваемая достопримечательность Оксфордшира в окрестностях Уффингтона, перенесённая Пратчеттом в страну Тиффани: Драконий холм (Dragon Hill), небольшой меловой холм естественного происхождения на склоне прямо под Уффингтонской Белой Лошадью. Его вершина искусственным образом сглажена, и на ровной меловой площадке трава в самом деле не растёт: по местной легенде, именно здесь святой Георгий убил дракона, и кровь чудовища, пролившись на землю, навеки выжгла на ней проплешину. По одной из гипотез, на этой площадке в железном веке совершались некие обряды, связанные с Белой Лошадью.

Валит беда...

В оригинале здесь приводится дословная цитата из известного стихотворения шотландского поэта Р. Бёрнса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом»: «It's a' gang a'gley». В переводе воспроизведена соответствующая строка из перевода С. Маршака: «[Мы счастья ждём, а на порог] валит беда».

Их ещё называют «пиксты». А сами они себя зовут маленьким свободным народцем.

*Пиктсы, они же Нак-мак-Фигли, имеют немало общего с пиктами – древнейшим из известных народов, когда-то населявшим Шотландию. Они покрыты синими татуировками, причём рисунок у каждого клана – свой; поэтому их и называют пикстами: пиктами (от лат. *Picti* – «раскрашенные») римляне называли жителей Центральной и Северной Шотландии, поскольку те «раскрашивали» себя синей вайдой. Расцвет пиктского государства пришёлся на VIII век; к XI веку пикты ассимилировались со скоттами и прекратили своё существование как отдельный народ, – а по легенде, переселились в пещеры под холмами и в погребальные курганы. Любопытно, что у пиктов передача власти происходила не по мужской, а по женской линии.*

Пикси (pixies) – персонажи английского фольклора, маленькие фейри, обитающие главным образом в вересковых нагорьях вокруг Девона и в Корнуолле; возможно, легенды о них – кельтского происхождения. По поверью, обитают на древних городищах, в кругах камней, могильниках, дольменах, менгирах. Изображают их обычно в зелёных курточках, красных колпачках, с заострёнными ушками, по-детски проказливыми, но это – наследие Викторианской эпохи. В древних преданиях они ходят в лохмотьях (которые охотно меняют на одежду поновее) и не слишком безобидны: сбивают путников с дороги, крадут лошадей, спутывают им гривы; а тот, кто по доброй воле последовал на зов пикси, может и не вернуться. Чтобы прогнать пикси, нужно вывернуть наизнанку куртку или показать им железный крест: пикси, как и прочие фейри, боятся холодного железа. Одно из преданий уверяет, что пикси – это друиды, умалившиеся до крошечных существ, поскольку отвергали христианство, или те из людей, которые были недостаточно хороши для рая и недостаточно плохи для ада и навсегда остались на земле. Пикси наверняка уже знакомы вам по книгам о Гарри Поттере; но у Дж. Роулинг описана только корнуольская разновидность пикси.

Кельда – древнеисландское слово *kelda* означает «источник, первоисточник, родник».

Видишь их мечи? Они начинают светиться голубым, если поблизости появляются законники.

Шутливая аллюзия на сказку Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит» и роман «Властелин Колец»: некоторые мечи, выкованные эльфами (например, Оркрист и Гламдринг), начинали светиться синим, если рядом находились орки.

А ещё были огромные меловые фигуры.

Меловые фигуры – характерная деталь английского пейзажа, гигантские стилизованные изображения (их ещё называют геоглифами), нанесённые на склоны холма путём снятия верхнего слоя дёрна и почвы. В Англии таких фигур около пятидесяти, большинство их сосредоточено в южной части страны; причём это изображения либо великанов (Великан из Серн-Эббас, Верзила из Уилмингтона, Великаны из Плимут-Хоу, XVI–XVII вв.), либо лошадей (Уэстберийская Белая Лошадь (1778), Черхилльская Белая Лошадь (1780), Осмингтонская Белая Лошадь (1808) и т. д. – всего 16). Такие изображения на холмах создавались с доисторических времён, хотя те, что дошли до наших дней, относятся к временам гораздо более поздним: XVI–XXI вв. Единственное сохранившееся исключение – знаменитая Уффингтонская Белая Лошадь, созданная, вероятно, около 1000 лет назад, в конце бронзового века. Эти геоглифы настолько велики, что рассмотреть их действительно возможно только с воздуха.

Старая Кузня (Old Man's Forge) тоже перенесена Т. Пратчеттом в страну Тиффани из Оксфордшира: это мегалитический могильный курган с камерной гробницей, так называемая «Кузня Вейланда» (*Wayland's Smithy*) в окрестностях Уффингтона, неподалёку от древней, существующей со времён неолита Риджуэйской дороги. У входа в гробницу действительно стоят четыре крупных валуна песчаника, как и утверждает Тиффани (изначально здесь их было шесть, но два не сохранились). Курган относится к периоду неолита; «Кузней Вейланда» его называли англосаксы, отождествляя с кузницей мифического бога-кузнеца Виланда (он же – Вёлунд в скандинавской мифологии). Согласно древнему поверью, если конь потерял подкову, путник мог оставить его и серебряную монетку у кузни, а наутро конь оказывался подкованным. «Кузня Вейланда» фигурирует в романе Вальтера Скотта «Кенильворт», в сборнике рассказов Р. Киплинга «Пак с Волшебных холмов» и многих других произведениях английской литературы.

Злейхаунды, дословно *grimhaunds* (*Grimhounds*) – пришли в Плоский мир из фольклора Британских островов: в разных областях Англии, Шотландии, Уэльса и Корнуолла бытуют поверья о призрачном чёрном псе – это мифическое сверхъестественное существо в облике огромной собаки с горящими глазами появляется ночью (зачастую – на перекрёстках, кладбищах, местах казни и древних дорогах), предвещает смерть тому, кто его видит, и зачастую ассоциируется или с дьяволом, или с адской гончей. Прозваний у него много; так, на севере Англии его зовут Баргест, в Восточной Англии – Шак; одно из его имён (в частности, в Ланкашире) – Грим. Поверье о Грине вошло и в книги о Гарри Поттере: в мире волшебников принято считать, будто каждый, кто увидит Грима, зловещего чёрного пса, на следующий день умрёт.

Вильям Гоннагл, равно как и сам термин «гоннагл», обозначающий кланового барда, искусного в игре на музыкальных инструментах, пении, поэзии и слагании историй, обязан своим существованием шотландскому поэту-любителю по имени Вильям Топаз Макгонаголл (*William Topaz McGonagall*, 1825–1902). Проживший большую часть жизни в шотландском городе Данди, Макгонаголл написал более 200 стихотворений и ещё при жизни прославился по всей Англии и Шотландии как худший поэт в истории Британии; а возможно, что и худший поэт всех времён и народов («Давненько я не слышал таких дурррных стихов, парень», – хвалит начинающего гоннагла Вильям). Его вирши так сокрушительно серьёзны, так неподражаемо плохи, так неописуемо нелепы, что граничат с гениальностью.

Материал для своих опусов он черпал в газетных сообщениях о различных нашумевших происшествиях и особенно любил истории о катастрофах: о пожарах, о гибели судов, о крушении мостов и т. д. (в лучших традициях освящённого временем жанра нарративной баллады, повествующей о великих трагических событиях). Например:

Чудесное спасение пожарного Роберта Аллана:

В 1858 году, четырнадцатого октября
 В складском помещении случился пожар возгоранию благодаря:
 На Бьюканан-Стрит, в городе Глазго, приключилось помянутое
 возгорание,
 А склад, уничтоженный ныне, занимали господа «Р. Вайли, Хилл
 и Компания»...

На смерть и погребение лорда Теннисона:

Увы нам! Вся Англия плачет и сокрушается в унисон:
 Ибо умер великий поэт, добродетельный лорд Теннисон.
 Лыцусь надеждою, что душа его отлетела прямиком в эмпиреи,
 В обитель любви и радости, и да окажется там поскорее...

Самое известное из его стихотворений, «Крушение поезда на мосту

через Тей», считается одним из худших в истории английской литературы:

Красивый железнодорожный мост через реку Тей!
Увы! – поделюсь печалью своей:
Девяносто жизней отнял горчайший из дней
(То есть суббота последняя 1879 года).
Очень долго ещё не забудут этого эпизода...

Также Уильям Топаз Макгонаголл сочинял назидательные поучения, призванные улучшить современные нравы, – о пользе театра, о вреде пьянства и т. д. С поэтическими призывами к трезвости он зачастую выступал в пабах и барах, к вящему негодованию их владельцев. Стихи его имели сокрушительный эффект, сходный с тем, что производит гоннагл, «читая стихи прямо на поле боя, для устрашения противника». Нетрудно вообразить себе завсегдаев трактира, которые, завидев в дверях внушительную фигуру Уильяма Макгонаголла, опасливо шептали друг другу: «Щаз как стиханёт!»

Поэтическое наследие Макгонаголла по сей день популярно у англоязычного читателя: сборники его стихов неоднократно переиздавались. В 2009 году по результатам опроса в библиотеке Данди он был признан вторым по популярности шотландским поэтом после Роберта Бёрнса. В своих книгах о Гарри Поттере Джоан Роулинг обессмертила Макгонаголла в очередной раз, дав его фамилию Минерве Макгонаголл, профессору трансфигурации в Хогвартсе.

А кита зовут Моби. Он огромный, как меловой утёс. В книжке так говорится.

Историю о Весёлом Капитане, который «гоняется за большущей белой рыбой-китом в море-океане» на самом деле написал американский писатель Герман Мелвилл (1819–1891). Роман называется «Моби Дик, или Белый кит» (1851). В нём рассказывается о полуфантастических злоключениях китобойного судна «Пекод», грозный капитан которого, Ахав, поклялся отомстить гигантскому белому киту Моби Дику, погубившему многих китобоев. В конце концов Ахав (вопреки предположениям матушки Болен) всё-таки настигает своего врага, но Моби Дик уничтожает корабль со всем экипажем.

Мы будем танцевать Пятьсотдвенадцатерной рил под «Чёрррттав стряпчих»...

Рил – это тип народного шотландского и ирландского танца, очень быстрый, «бегущий», а также музыкальный ритм, под который можно танцевать такой танец. Существуют десятки разнообразных рилов, с названиями самыми неожиданными: от рила «Китти Кэмпбелл» или рила «Рыжая белка» до «рилла Тупиков», «рилла 51-й дивизии» и даже рила «Целуй меня по-быстрому, мама идёт». Здесь Т. Пратчетт обыгрывает названия двух очень популярных рилов: так называемый Восьмерной рил, или рил на восьмерых (Eightsome reel, танцуется на четыре пары) и Двенадцатерной рил, рил на двенадцатерых (Twelvesome reel, танцуется на шесть пар). Учитывая, какое количество Фиглей собираются танцевать этот танец, неудивительно, что их рил – Пятьсотдвенадцатерной (FiveHundredAndTwelvesome Reel): 512 – это восемь в кубе.

Стоит съесть что-нибудь в таком сне, и тебе уже не захочется пррросыпаться.

Если съесть что-либо в Волшебной стране, то покинуть её уже невозможно; этот мотив присутствует во многих легендах и волшебных сказках, и даже в античных мифах. Так, в мифе о Персефоне, похищенной Аидом, правителем подземного мира, девушка съела зёрна граната – и, даже оказавшись на свободе, была обречена на возвращение в царство Аида.

Токо они не простыми словами перекинулись, а волшебными. Такими, что лесам кирдык, горы вдребезги, сотни народу копытсы откинули.

По преданию, когда ссорятся король и королева Волшебной страны, в мире воцаряются разлад и хаос. В пьесе «Сон в летнюю ночь» У. Шекспир убедительно живописует, какие разрушительные последствия вызывает в привычном мире бурная ссора Оберона и Титании, эльфийских правителей:

Мешаются все времена в смятенье:
И падает седоголовый иней
К пунцовой розе в свежие объятья;
Зато к короне ледяной зимы
Венок душистый из бутонов летних
В насмешку прикреплён. Весна и лето,
Рождающая осень, и зима
Меняются нарядом, и не может
Мир изумлённый различить времён!
Всё из-за наших ссор и несогласий:
Мы – их причина, мы их создаём.

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

...вот-вот раздастся «Раскудрить!» (она почему-то не сомневалась, что это ругательство).

На самом-то деле шотландское восклицание «*Crivens!*», которое Накмак-Фигли используют как выражение ужаса, негодования, удивления и прочих сильных эмоций, вполне безобидно: оно представляет собою искажённое «*Christ's Heaven!*» (Небеса Господни!) или «*Christ's veins*» (Кровь Господня!).

...и тут мимо проносится лошадь, и её сбруя вся увешана бубенцами, а на ней сидит прекрасная госпожа и смеётся.

Отсылка к народной шотландской балладе «Томас Рифмач» (*Thomas the Rhymer*), герой которой повстречал Королеву Фей – красавицу верхом на коне, – и выглядела она в точности так, как рассказывает Роланд. (Правда, произошло это не на охоте: на охоте Королеву Фей повстречал Тэмлайн, герой другой народной баллады). Вот как она там описывается:

...Зелёный шёлк – её наряд,
А сверху плащ красней огня,
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

(Пер. С. Маршака)

Habeas Corpus Act – один из важнейших законодательных актов в истории Англии и составная часть конституции Великобритании, принят парламентом Англии в 1679 году при короле Карле II. Он предоставляет право суду контролировать законность задержания и ареста, чтобы защитить личную свободу граждан и предотвратить произвол и самоуправство властей. Согласно этому закону, задержанный или третьи лица, действующие от его имени, получали право начать процедуру *habeas corpus* и потребовать от суда проверки законности задержания.

Остальные латинские названия законодательных актов, на которые ссылается жаб-законник, представляют собою бессмысленные словосочетания.

В оригинале:

Vis-ne faciem capite repletam – Хочешь физиономию, полную головы?
(лат.)

В переводе эта фраза заменена на ещё более варварскую латынь.

Potest-ne mater tua suere, amice – Умеет ли твоя мама шить, друже?
(лат.)

pro bono publico (лат.) – для общественного блага, на общественных началах.

В огромном и бескрайнем мире холмов, что был, есть и будет.

Последняя фраза – почти дословная цитата из наиболее традиционной и распространённой формы Краткого славословия (*Gloria Patri*, краткой христианской молитвы к Пресвятой Троице) в англиканском богослужении. Дословно текст звучит так:

*Glory be to the Father, and to the Son:
and to the Holy Ghost;
As it was in the beginning, is now, and ever shall be:
world without end. Amen.*

*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,
как было, и есть, и будет
в бесконечном мире.
Аминь.*

Но здесь Т. Пратчетт меняет слово «world» («мир») на «wold» («нагоря, пологие склоны меловых холмов»), произошедшее от др. – англ. «weald» («лес, лесистый склон»). Эти два слова, никак не связанные между собой, звучат почти одинаково.